

Ба 126 307

БОГАЧИ

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ БѢЛУРУССКОЙ ПРОСТАРОДНОЙ
ЖИЗНИ.

Я. Р. Браицѣва.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1889.

Ба 126307

210 0591

БОГАЧИ

Б.-87

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ВѢЛОРУССКОЙ ПРОСТОНАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Брайцева.

~~Изд. 1889~~

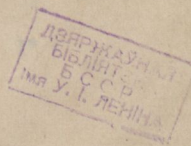
Ба 126307

Бел. изд. 1994 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко,
Пименовская улица, собств. домъ.

1889.

№ 3327

Б.-87

I.

Апрѣль мѣсяцъ былъ уже въ исходѣ. На дворѣ „безымянскихъ“ богачей-мужиковъ, родныхъ братьевъ Кузьмы и Степана, несмотря на раннее и даже воскресное утро, происходила брань.

— Я тебя! постой подле-е-ещь! голову разможгу! — раздавался свирѣпый голосъ Кузьмы.

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, стой! руки твои коротки! Самому сдачи дамъ, ай-же дамъ, такъ дамъ! Ничѣго, что тебя вытянуло какъ жердь какую, а мы *), положимъ хоть и маленькіе, а съ тебя силѣнокъ еще найдемъ, ей-право найдемъ. Вотъ по-лѣзь-ка, попробуй, такъ не нахватись-ль? Угостимъ по всѣмъ — по правиламъ! молодцевато потряхивая головой и, видимо, стараясь сдержатъ себя, огрызнулся Степанъ.

— А, такъ я тебя, воруга ты первостатейный, на свою голову выкормилъ, га?

— Ну, ну! ты только сунься-ка, такъ я тебя такъ накормлю, что больше не захочешь!

— Ты-жъ меня вконецъ сжилъ, ты-жъ мое хозяйство разорилъ.

— Брешешь: это ты, рябой чортъ, „мошну“ набиваешь, а на другихъ только клеветашь. Развѣ мало еще съ твоего горла, а? Подавай, говорю тебѣ, мои деньги, сейчасъ подавай!

— А, воруга!... а, плутюга!... а, мошенникъ!... Я-жъ тебя, какъ лягушку раздеру! — не вытерпѣвъ разсвирѣпѣвшій Кузьма и со всего рѣзыха окрестилъ брата оплеухой. На секунду или двѣ послѣдній былъ оглушенъ и ошеломленъ. Кузьма, вѣроятно, почувствовавши совѣсть какъ-то на мигъ замедлил повторительнымъ ударомъ. Но, вдругъ, Степанъ, скрежетнувши зубами и сверкнувши глазами, хватилъ его

*) „Мы“ вмѣсто „я“ употребляется крестьянами въ разговорѣ, чтобы придать своимъ словамъ извѣстную степень солидности и внушительности.

домертвухны!—разсыпалась она мольбою къ первымъ по-
доспѣвшимъ деревенцамъ и быстро юркнула въ калитку.
— О, онъ! на дворѣ „матычатся“! Глядите-ко, глядите-ко,
вишь, воюють! На дворѣ, хлопцы!—крикнулъ одинъ парень,
заглядывая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросаясь за Кузьмой въ
калитку. За нимъ послѣдовала и вся толпа, кромѣ робкихъ
дѣвокъ и дѣтей, которыя, шушукаясь на всѣ лады, остано-
вились у калитки и оттуда уже любовались происходившею
на дворѣ сценою.

Кузьма и Степанъ, ослабѣвшіе, охрипѣвшіе и окровавлен-
ные, расписывали когтями другъ другу лица, нагибая въ то же
время одинъ другого за „хохлы“ такъ, что кожа на голо-
вахъ у обоихъ хрустѣла и волосы сыпались клочьями.

— А, га, га, га! вотъ заѣлись, какъ будто собаки какія!
Воды бы на нихъ...—замѣчали мужики, разнимая бойцовъ.

— Стой! онъ мою душу вытянулъ, полжизни укоротилъ!
Да какъ же это онъ смѣлъ! Да я-жъ ему братъ „наи-
старшій“, батько все равно!— съ невообразимымъ остерве-
нѣніемъ хрипѣлъ и ревѣлъ Кузьма. — Онъ выросъ на „при-
вольѣ“, его никто ни разу не билъ, ни худымъ словомъ ему
не перечилъ; за пригоновъ онъ не служилъ, развѣ только
слышалъ о нихъ! Какое ему горе видѣлось? Буянь! Развѣ
такъ хозяевамъ дѣлать, га? На всю округу—сраму! Да до
чего-жъ таки я дожилъ, а я, я, я, я!... Всѣ добрыя люди
Кузьму знали, а тутъ-то вотъ тебѣ—на! Да голова-жъ ты моя,
да „побѣ-ѣ-ѣдная“!...—схватившись за свои уши обѣими ру-
ками, ринулся было Кузьма въ сторону Степана.

— Па-а-а-астой, па-а-а-астой! не очень-то бросайся — не
дадимъ! довольно и такъ „наколдоячилисъ“! *) — защищали
мужики Степана.

— Упекся онъ, этотъ подлець, во-о-о-отъ онъ гдѣ си-
дить!!!—колотилъ себя въ грудь кулакомъ Кузьма.

— А что, какъ, сорвалъ, а? схватилъ голаго за затылокъ?
развѣ не говорилъ я тебѣ, а? — подзадоривалъ брата Сте-
панъ, отирая полою свиты кровь со своего лица.

— Молчи, подлець! расшибу, съ лица земли сотру!

— Ну, земля не Божья ли будетъ? Не смѣешь! А не захо-

*) Поколотили другъ друга.

тѣлъ ли ты еще горяченькихъ, а? можемъ-съ отпустить, можемъ-съ, не пожалѣемъ!—не унимался Степанъ.

— Молчи, мошенникъ! — заревѣлъ Кузьма и бросился на брата, но мужики опять отстояли послѣдняго.

— Чего ты къ нему привязался? За бокъ зубами хочешь укусить ты его, что ли? Стыдись-ка!—заговорило нѣсколько мужиковъ противъ Кузьмы.

— О, да и намъ пожить хочется! Не одни вы богачи, „конорѣзы“ такіе, просвятились, чтобы на шиворотѣ у другихъ людей ѣздить! Вашъ братъ, богачъ, на чужбину—какъ волкъ на падалъ!...—началъ было Степанъ.

— Ну-тка и ты!—крикнуло и на него нѣсколько мужиковъ.

Кузьма, при своемъ большомъ ростѣ и холерическомъ тѣлосложеніи, безъ шапки, съ черной копной волосъ на головѣ, растрепанныхъ въ пухъ и прахъ, чуть не съ звѣрскимъ выраженіемъ своего рябого, худощаваго лица, огаймленнаго жидкой бородкой и, вдобавокъ, окровавленнаго, сверкая карими глазами, налитыми кровью, походилъ на сумасшедшаго.

— Съѣлъ же онъ меня, сушилъ же онъ, какъ горькую рѣдьку! Оторвалъ же онъ мое сердце! — размахивая огромными лапищами, покрытыми глубокими трещинами и мозолями, чуть не плакалъ Кузьма.

— Ну, ну, рябой чортъ! Наплевать мнѣ на твое сердце! На самомъ дѣлѣ: не батька-ль ты мой? Не поць ли сказалъ тебѣ это? Батракъ, что ли, я на твоихъ дѣтей безпрестанно работать? А знаемъ и мы, куда что идетъ! Имѣемъ смыслъ! Слава Богу, не обидѣлъ на это Господь! Вольно-жь было тебѣ „заглабать“ *) власть въ свои руки, да и командовать, какъ хотѣть! Не думалъ ли ты про себя, что только ты у насъ разумный, а больше никто? Нѣтъ, добрыгай-ка! Дармовщина, да чужбина такъ не обойдется! Было время твое, а теперь и мы жить хотимъ по-людски, а не какъ-нибудь, вотъ что! Ну, такъ вотъ, при всемъ при честномъ міру говорю тебѣ, братъ Кузьма, подавай ты, сдѣлай милость, Господа Бога ради мои двадцать рублей! — закончилъ порядочно расходившійся Степанъ.

*) Несправедливо присвоить.

Послѣдній былъ рыжеватый, здоровенный дѣтина, т.-е., говоря по-мѣстному, „несломокъ“. Правда, онъ былъ ростомъ ниже Кузьмы, даже разнился съ нимъ чертами лица, но, въ общемъ, фигурою напоминалъ своего брата. Лицо у Степана было полное, нѣсколько румяное; глаза сине-голубые, веселые, взглядъ добродушно-беззаботный.

— А какія-жь это твои деньги? — накинулась вдругъ на Степана Кузьмиха: — вотъ привязался, вотъ насѣлъ! Вишь, какъ на человѣка напраслину наводитъ, — вишь, какъ порочить!... Людечки, голубчики, — продолжала она заискивающимъ тономъ, обращаясь къ толпѣ, точь-въ-точь присяжный адвокатъ, обращающійся къ присяжнымъ засѣдателямъ: — чего это онъ, какихъ это онъ денегъ добивается? Да чего-жь это онъ къ человѣку этому, какъ пивка какая, присталъ, а? — Да, оно, въ самомъ дѣлѣ, какія это тебѣ деньги „верзутся“? *) Да развѣ я ихъ видѣлъ, га? Чего это ты, какъ „шатанъ“ **) тотъ, привязывается ко мнѣ, чего это ты отъ меня хочешь? — подступая къ поблѣднѣвшему Степану, кричала, но уже нѣсколько спокойнѣе, т.-е. самоувѣреннѣе, Кузьма, видимо, схватившійся за мысль своей жены.

Степанъ стоялъ нѣсколько секундъ какъ огорошенный. — Вотъ, люди добрые... слышите ли, видите ли? У него „сотни“ гниютъ — сберегаеть, а у меня двадцать рублишекъ завелось, — такъ себѣ... Положилъ я ихъ въ конюшнѣ на вереву, а эта стерва (Степанъ указалъ на Кузьмиху) провѣдала, нашла и слопала!.. Вотъ, какъ тутъ жить на свѣтѣ на бѣломъ?! У него семейка, слава Богу, а я какъ на черта на лысаго працуй, бейся, выбивай свои духи! Ну, такъ подумайте, люди добрые: законъ ли это? Но пусть бы все было по-старому, колибъ-ежели не лѣзь онъ, на горло не наступалъ, чужую кровь не сосалъ! А то вотъ послѣднія кровавыя мои денежки „нѣмнулъ“ ***). Жаденъ на деньги, какъ волкъ на скотину; живого человѣка за деньги проглотилъ бы! Кузьма, гдѣ твой Богъ? Отдай, говорю тебѣ, мои двадцать рублей, а то клятвой-проклянью! Не разживешься братъ! со слезами въ голосѣ — говорилъ Степанъ.

*) Чудятся, сдуются.

**) Сатана.

***) Укралъ.

Кузьма немного помолчал. Злобная улыбка мелькнула на его лицѣ. — А да чего-жь ты привязываешься, сволочь ты, поскудная, „поскоть“ ты „несосвѣтная“ *)! А да откуда-жь бы это у тебя, у „злыденника“, двадцать рублей взялось-явилось? Самъ при добрыхъ людяхъ хвалишься, что у тебя будто бы двадцать рублей было... Не Богъ ли надъ тобой смилословился и съ неба сбросилъ вихъ тебѣ, а?... Ты сжилъ меня вконецъ, весь хлѣбъ къ идолу Ицкѣ перетаскалъ! Чего-жь тебѣ больше отъ меня хочется, какой „хворобы“ ты доби-ваешься?

— Поклянись, говорю, Кузьма, коли не бралъ или пусть женка твоя поклянется, а то онѣ, деньги эти, „вѣмигой“ **) вамъ выльзутъ! Господь милосердный не попуститъ, покараетъ! Молебны Ивану Воину закупивать буду, каждую обѣдню свѣчки ставить стану, а васъ утоплю, — покораетъ!..

— А-а-а! подхалимство началъ подводить! — какъ то загнулся Кузьма. — А ты вотъ скажи-ка прежде: откуда, изъ какихъ источниковъ, у тебя взялось-явилось столько денегъ? Честнымъ трудомъ по нашей по сторонкѣ что-то трудно того... не больно хватишь!.. А можетъ-быть ты на дорогѣ гдѣ нашель, а можетъ-быть и одолжилъ у кого?... Небось, у насъ на улицѣ нигдѣ деньги зря не валяются!.. А возьми-ка, братъ ты мой родной, да свѣчкой хотя по всей по деревнѣ дворъ со двора пройди, такъ найдешь ли „троячку“ какую, а не то чтобы двадцать рублей! Да у твоихъ, у хозяевъ, у любого въ нашей деревнѣ на двадцать рублей хлѣба своего собственнаго въ годъ перебудетъ ли? Скажи-ка, правду ли я говорю, а можетъ-быть лгу? — гордо-презрительно повелъ глазами по толпѣ Кузьма. — Такъ чего-жь ты мины началъ подъ меня подводить? Что, я предъ тобой и присягать еще буду, га?

— Отдай, Кузьма, грѣхъ будетъ; я на твоихъ дѣтей не батрака...

— А схватись ты за животь за свой, а не за дѣтей моихъ! А и за что же, за какую ласку я тебя, разбойника,

*) Дрянъ со всего свѣта, т. е. хуже всѣхъ на свѣтѣ.

**) Тяжелой болѣзнью.

кормилъ?! А чему же ты маленькій не пропалъ гдѣ-нибудь! А помнишь ли, вѣдаешь ли ты, что у насъ отъ батьки отъ матери осталось?—кобылка беззубая, двѣ коровенки, да штуки три паршивыхъ свинокъ, да хата еще, да еще кое-что изъ построекъ—самъ знаешь! А ты тогда еще безъ штановъ гулялъ, такъ оно, можетъ-быть, и забылъ, а? А знаешь ли, вѣдаешь ли ты, какъ я работалъ? Сколько одного лѣса на колеса собственными руками передѣлалъ, сколько землицы поднялъ... умъ за разумъ заходить! А ты же, буянъ, что видѣлъ? Развѣ ты, какъ другой кто, по заводамъ, да по фабрикамъ по тѣмъ вшей кормилъ или голоденъ былъ когда у меня, га?! Вотъ колибъ-ежели ты на заводъ или на фабрику разъ-другой сходилъ, да дурь это съ ногъ повыбивалъ, да вшей покормилъ, да мѣсяцевъ это съ шесть кряду немытую рубаху на тѣлѣ понашивалъ бы, да разъ-другой на повинности ко мнѣ десятку-другую прислалъ (небось, за это у тебя таскать душу не пробовали), а тамъ бы вотъ, какъ другіе, „мякинищи“ это „пожирлялъ“ бы *) или голодомъ поморилъ бы себя такъ, чтобы пупъ затрещалъ и животь подвело;—небось, узналъ бы и ты, какъ что приходится и какъ живутъ люди на бѣломъ свѣтѣ! А то что ты?—выгулялся—ну, и выдумываешь выдумки! Кормилъ я тебя, разбойника этакаго, на свою голову, а ты теперь вотъ какъ?! Дожилъ, дожилъ Кузьма, нечего сказать... Слава-Богу, дожилъ. Спасибо, брахненька **)!...

— Деньги мои отдавай!—прохрипѣлъ Степанъ.

— Вотъ, теперь, Боже благослови, какъ „воинскую“ (***) отбылъ,— какъ бы не слыша брата, продолжалъ Кузьма и въ голосѣ его послышалась мягкая нота; но вдругъ, словно бѣшенная муха ужалила его въ ухо, онъ почти закричалъ: Да не я ли изъ-за тебя, разбойника, не находился, да не я ли по добрымъ людямъ не наволочился? Развѣ мало чрезъ тебя мнѣ хлопотъ было?! Можетъ быть... да и не можетъ быть, а навѣрное— ты теперь подъ ружьемъ гдѣ-нибудь „майштрувалъ“ бы да ляжку теръ, а то вотъ, посмотришь, цѣль,

*) Пушнаго хлѣба поѣлъ бы.

**) Братецъ.

***) Воинскую повинность.

какъ есть! А мнѣ же, самъ ты знаешь, кромѣ хлопотъ и потери времени, пятьдесятъ рублей стоило это дѣло! Да хорошо еще, что предсѣдатель съ членомъ, да исправникъ, да докторъ знакомые были... Да все-таки я думалъ, да раздумывалъ: а, можетъ-быть, все лучше будетъ... Ажъ оно вонъ куда воротить!..

— Двадцать рублей, говорю тебѣ, отдавай!—глухимъ голосомъ перебилъ брата Степанъ.

— Скулу *) горячую не хочешь ли?—опять вмѣшалась Кузьмиха. Ее, повидимому, такъ и подмывало броситься въ перебранку и, поэтому, она старалась вцѣпиться въ малѣйшій выступъ или угловатость спора.—Что это,—продолжала она: мы кузнецы какіе, что для твоей милости деньги ковать будемъ, а? Вотъ тѣ пятьдесятъ рублей подавай.

— Молчи, не распускай горла, не твое дѣло! прикрикнулъ Кузьма на жену.

Кузьмиха, повинувшись мужу, замолчала, но съ гордо поднятой головой и такимъ энергическимъ выраженіемъ въ лицѣ, что невольно внушало понятіе объ ея громадныхъ способностяхъ и знаніи толка во всякаго рода спорныхъ дѣлахъ.

— Вотъ, заговорилъ Кузьма угрюмо и уставился глазами въ землю, словно стыдясь собственныхъ своихъ словъ:—теперь ты и „шкурой“ **) обзавелся... Ай же, ай!.. Кто-жь бы это свиснулъ твою „похоронку“ ***) , кому-то Господь счастье послалъ, если только ты говоришь правду?!—слегка качая головой, злобно ухмыльнулся Кузьма.

Народъ молча слушалъ эту ссору: видимо, всѣхъ интересовалъ фактъ происшедшей драки и всякій хотѣлъ поскорѣе узнать изъ словъ спорящихъ причину послѣдней. Даже дѣти, которыя были полюбопытнѣе, протискивались между взрослыми и не пропускали ни одного слова ссорившихся богачей.

Блѣдность разлилась по лицу Степана при послѣднихъ словахъ брата и, вдругъ, въ глазахъ его вспыхнула остервенѣлая злоба.

*) Болячку.

**) Любовницей.

***) Что-либо спрятанное.

— Подавай мои деньги! — прохрипѣлъ онъ, едва владѣя собою.

— Не для Степаниды ли ты приготовилъ было ихъ, га? Вотъ теперь и цѣлуйся... пиши — пропало! — махнувъ рукой, нахально засмѣялся Кузьма.

— Говорю тебѣ, деньги мои отдавай, а то зарѣжусь! наконецъ, скрежетнувъ зубами, простоналъ Степанъ и въ глазахъ его заблестала дикая, отчаянная рѣшительность.

— Ха, ха, ха! не испугаешь! не трусливаго десятка! Да и лгать ты, словно въ шкодѣ какой, научился, а младъ еще! Да не Степанида-ль такъ тебя выучила? А я, братъ ты мой, какъ не бралъ и въ глаза не видѣлъ твоихъ денегъ, то и отдавать ихъ тебѣ — съ какой стати?

Кузьма раскрылъ ротъ, чтобы говорить что-то еще, но не успѣлъ произнести ни слова. Степанъ рванулся изъ толпы, вскочилъ на „коморку“ (*), бывшую въ задней части сѣней — между избами и, съ крикомъ: „зарѣжусь“, началъ шарить по потолку.

Народъ заволновался; нѣсколько молодыхъ парней уже бросилось въ сѣни съ намѣреніемъ стащить Степана съ коморки; но Кузьма захохоталъ.

— Смотри-ка, братъ, полѣномъ тамъ не „запилягайся“. Небось, косы тамъ не найдешь, — не валяется, хотя ты, можетъ быть, и помнишь, что клалъ тамъ ее когда-то... Да я не такой „разуй“ (**), какъ, можетъ-быть, кто-либо думалъ! У меня, хвалить Бога, ничего такого „безъ замка“ не валяется! Былъ и я, хвалить Его ласку святую, когда-то хозяиномъ, да ужъ не знаю, какъ дальше будетъ, — равнодушно, но съ видомъ величайшей глубокомысленности, закончилъ Кузьма, принимаясь умывать себѣ лицо.

Дѣйствительно, какъ ни искалъ чего-то Степанъ, но не находилъ желаемого... Толпа, видя его тщетныя поиски и слыша равнодушный голосъ Кузьмы, начала успокоиваться; даже нѣкоторые ратозѣи начали смѣяться:

— Вотъ въ крупникъ и будетъ... Какъ баранъ какой... ха-ха-ха! — слышался смѣхъ.

*) Родъ чулана.

**) Неряха, безпутный.

— Да съ жиру какого черта выдумывать! — подсаживалъ другой.

— Известно, братцы, съ жиру! — подхватывалъ третій и т. д.

Вдругъ Степанъ прислушался, подавилъ тяжелый вздохъ, скинулъ раза два толпу мутно-дикимъ взглядомъ и быстро спрыгнулъ на землю, съ какой-нибудь саженой высоты; потомъ побѣжалъ къ клѣти, схватилъ лежавшія на „переклѣти“ *) возжи и со всѣхъ ногъ бросился за ворота, выходящія на огородъ — къ гумну.

— Э, э! братцы... Да не съ „сурдоцъ“ **) ли ему это „сподѣялось“ ***)? Валяй, хлопцы, въ погоню, а то, въ самомъ дѣлѣ, теперь онъ съ горяча бѣды себѣ надѣлаетъ! — закричалъ Кузьма, не докончивъ умываться, бросаясь со всѣхъ ногъ за Степаномъ и увлекая за собою озадаченную, заигиравшую и зашумѣвшую на разные лады толпу...

II.

Вся эта ватага мужиковъ, съ Кузьмой во главѣ, побѣжала къ гумну, въ которомъ затворился Степанъ. Надо замѣтить, что гумно это было „свое“, т. е. Кузьмы и Степана, а не заперто оно было потому, что Степанъ нѣсколько минутъ тому назадъ бралъ изъ него полову и солому для скота.

— Ну, ну, ребята, попробуемъ! — прилаживался и напирал плечами на ворота, шумѣли мужики.

— Глянь-ко! Никакъ коломъ подперъ „отутотька“, а-а-а!... — зачесалъ одинъ мужикъ въ затылкѣ, заглядывая въ щель воротъ.

— Глянь, бра-а-а-атцы! Возжи за „сошникъ“ ****) зацѣпливаетъ... петлю-ю-ю-ю!... — не договорили, заревѣвъ медвѣдями, нѣсколько мужиковъ и со всей силы они налегли на ворота.

*) Крыльцо предъ дверьми клѣти.

**) Съ подиву.

***) Причинилось, сдѣлалось.

****) Въ верхней части „сохъ“ (столбовъ), поддерживающихъ кровлю гумна, оставляются сучья не болѣе четверти длиною; они служатъ для вѣшанья цѣповъ, грабель и называются „сошниками“.

— Э, ге, ге! Вотъ оно что?! Напирай, ребята, а то онъ еще мое гумно опоганить! — крикнулъ Кузьма, налегавшій притомъ на ворота такъ, что въ груди его хрипѣло, лицо налилось кровью и глаза, казалось, готовы были выпрыгнуть изъ впадьнѣ.

Степанъ, блѣдный, взглянулъ мутно-тупымъ и отчаяннымъ взглядомъ въ сторону воротъ, перекрестился и началъ вкладывать голову въ петлю.

— Бра-а-а-атцы! — вырвался звукъ ужаса у всѣхъ мужиковъ.

— Напирай! — дико заревѣлъ Кузьма. Раздался трескъ. Коль проломилъ тесину. Ворота вылетѣли.

— Э, стерва!.. совсѣмъ сбѣсился... Вотъ вздумалъ, ай-я-я-я! — закачалъ головою и, по привычкѣ, схватился обѣими руками за свои уши Кузьма.

— Степаничка, брахненька! Что-жъ ты себѣ надумалъ это, ай-я-я-я! Бойся-жъ ты Господа-Бога! — причитывали нѣкоторыя сердобольныя старушки, когда блѣднаго и, что называется, не глядѣвшаго на свѣтъ Божій, Степана вывели изъ гумна.

— Пстой-ка, вотъ я въ волость схожу. Не прохворостятъ ли тамъ тебя помалости, не дощупаются-ли разуму... Вишь, началъ „вытворять“! Опалѣлъ совсѣмъ, съ ума сошелъ! — снимая шапку и утирая обильный потъ со лба, грозилъ Кузьма брату.

— Нѣтъ, вы, богачи, какъ оно тамъ у васъ, стало-быть, не было, а лучше подѣлитесь! Это халерая вѣдаетъ, что за такое творится! Еще всю деревню подъ отвѣтъ подведутъ! — замѣтилъ „дѣловымъ“ тономъ усадистый мужикъ, сборщикъ податей. Надо и старосту извѣстить объ этомъ самомъ, — добавилъ онъ какъ-то небрежно и соорилъ на своемъ лицѣ заносчивую мину.

Кузьма презрительно взглянулъ на сборщика и какъ то ядовито усмѣхнулся.

— Да, оно, если правду говорить, по всей по деревнѣ „какъ въ звоны звонять“, что Степанида уже съ яйцомъ! Да и мы тоже не безъ глазъ! Такъ пуцай-ка лучше Степанъ женится, да садится на „свое“ хозяйство, вотъ и все тутъ! — вдругъ круто поворотилъ сборщикъ, еще „дѣльнѣе“ потряхивая головою и заворачивая широкое лицо свое въ сторону.

— Глянь! А ты что за „указь“ такой, га? Да какое твое дѣло, кто богатъ, а кто нѣтъ? Не ты ли своей головой мое хозяйство наживалъ? — грозно наступалъ на проговорившаго сборщика Кузьма. — Вишь что выдумалъ, на „свое хозяйство!“ Я тебя подѣлю-ю-ю!!! Знай его, что онъ сборщикъ! Свято великое! Пфу! — энергично плюнулъ Кузьма.

— Да ты не ширься! Будь себѣ хоть разбогачь какой, а я таки дѣло говорю...

— Зашей-ка свой поганный ротъ, да и молчи, какъ та самая, что молчить, когда ее дерутъ.

— Ну, ладно! Не очень-то испугались! Не великое кушанье, что богачь! Не панъ и не великій ты начальникъ, чтобы молчать заставилъ... Ты ни меня, ни дѣтей моихъ не кормишь, хлѣба-соли даромъ не даешь... А тамъ, коли правду молвить, всѣ мы одну капусту ѣдимъ!...

— Закуси-ка свой поганный языкъ, да не распускай губу!..

— Да-ну, богачь! Гляди-ка, чтобы ты вотъ этого хлопца „сырцомъ“ не съѣлъ. Да это еще ничого, чтобы не съѣлъ!.. Это вашему брату богачу на самую руку: перекусилъ, да и все тутъ!... Да того „бóязко“ *), чтобы, значитъ, чрезъ твою милость всей деревнѣ нахлобушка здоровая не вышла, вотъ что! — резонировалъ сборщикъ.

— Отдавай мои деньги! — прохрипѣлъ Степанъ, ободренный заступничествомъ своего деревенскаго начальника и начинавший, видимо, приходить въ себя.

— Вотъ сборщикъ тебя пожалѣть!.. Можетъ-быть, у него „туга мощна“, такъ двадцатку того... удружить!.. уставился глазами на брата и кивнулъ головою въ сторону сборщика Кузьма, — а я, братъ ты мой родной, — прибавилъ онъ, стараясь придать своему голосу чистосердечную убѣдительность, — какъ не видалъ твоихъ денегъ, то и отдавать тебѣ не стану!..

— Не видъ же ты свѣта Божьяго!...

— Хороша цыганская клятва; другихъ клянешь, а себѣ ничего не „зычишь“ **). Не видъ же лучше ты! — огрызнулся Кузьма.

*) Страшно.

***) Не загадываешь, — не желаешь.

— А что, братъ Степанъ, неужто правда, что онъ взялъ того... твои двадцать рублей, а?— подхватилъ сочувственно и въ то же время, какъ бы по праву начальника, нѣсколько строгимъ тономъ сборщикъ, обращаясь къ Степану.

— Вотъ честный крестъ! Богомъ божуся, крестомъ крещуся! Какъ есть Богъ святъ на небѣ! — перекрестился Степанъ.

— Ну, братъ, Кузьма, поглянись-га и ты!...— началъ сборщикъ.

Кстати, слѣдуетъ замѣтить, что у большинства бѣлорусскихъ крестьянъ въ обычаѣ—при всякомъ проклинаніи другихъ проклинаящій долженъ или поклясться въ „справедливости“ своихъ проклятій, или же желать себѣ „въ отворотку“ такихъ же неприятностей, предоставляя остальное рѣшить Богу. Такое „очищеніе совѣсти“, если притомъ оно дѣлается публично, служитъ фактомъ улики и оправданія въ глазахъ народа.

— Вишь, ты начальникъ какой нашелся, хе, хе, хе! Это отъ начальства этого, прости Господи, какъ отъ собакъ—проходу нигдѣ нѣтъ! Бойся и жука, и жабы! Вишь принялся, хе, хе, хе! Не слѣдователь ли ты, сохрани Господи?! Или не въ „курятники“ ль *) мѣтишь?... Въ такомъ случаѣ грамотѣ не мѣшало бы того... хорошенько научиться... А, можетъ-быть, къ присягѣ меня хочешь привести? Такъ почему бы и попа не сыскать?!—злбно засмѣялся Кузьма.

— Нѣтъ, Кузьма, можетъ-быть, ты, дѣйствительно, не бралъ денегъ и женка твоя тоже, такъ Степана надо успокоить...

— Не вводи меня во грѣхи тяжкіе! Да убирайся-га со всѣмъ со своимъ подальше. За мальчишку ты меня считаешь, что ли? пфу!—съ злостью плюнулъ Кузьма въ сторону сборщика и, поднявши голову, направилъ было лыжи къ своему двору.

— Поймай, поймай Кузьма!—раздалось нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Чего это вамъ, люди добрые, отъ меня хочется?—съ сознаниемъ своего собственного достоинства, какъ-то насмѣшливо, полуоборотясь, произнесъ Кузьма.

*) Урядники-ль.

— Да разобраться надо, так нельзя...—опять заговорили въ толпѣ.

— Разберемся мы, положимъ, да не тутотыка! Я и самъ объ этомъ о самомъ думалъ. Да съ вами мнѣ что разбираться?! еще нанимать придется... А у насъ, слава Богу, есть кому разбирать! Недаромъ же хлѣбъ ѣдятъ, да жалованье получаютъ!—задирая голову куда-то вверхъ и не глядя на толпу, гордо отозвался Кузьма.

Наступила минута молчанія.

На лицахъ многихъ мужиковъ ясно обозначилось то чувство неудовольствія, которое рождается при оскорбленіи цѣлаго общества и какъ бы предшествуетъ народному негодованію... Мужики молчали... Вдругъ, какъ бы во имя протеста этой мѣры безсильныхъ—противъ притѣсненія сильныхъ міра сего, изъ толпы выдѣлился сѣдой мужичокъ.

— А прежде-жъ, дидятко ты мое, старики разбирали.. своимъ обществомъ... чего тамъ по судамъ беспокоить, а тутъ бы тихимъ манеромъ...—зашепелявилъ старичокъ и усталъ на Кузьму свои 80-лѣтнія очи.

— Что мнѣ твои старички, а хотя бы и все общество?! Теперь для всѣхъ законъ есть... Какъ осудить, такъ и будетъ! По крайней мѣрѣ, совѣсть чиста будетъ, да и всякій „гадь“ *) не очень-то будетъ привязываться, все-таки поборется!

— Эхъ, эхъ! суды, суды! Хорошо еще, если судить по правдѣ да по совѣсти будутъ; а то за Степана заступиться некому,—вотъ что обидно! какъ-то неодобрительно-безнадежно качнуль головою старичокъ, кашлянуль и, что-то ворча себѣ подъ носъ, скрылся въ толпѣ.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

Въ толпѣ происходило волненіе. Мужики раздѣлились кучками и начали разговаривать, какъ бы о чемъ-то совѣщаясь... Видно, народное раздраженіе принимало опредѣленныя формы. Кузьма, хотя и презиралъ все свое общество, но видя возрастающее волненіе послѣдняго, да притомъ, нѣсколько успокоившись, смекнуль въ своемъ практическомъ умѣ, что ссориться со всей деревней—дѣло далеко невы-

*) Ничего незначай чловѣкъ.

годное. Поэтому онъ тотчасъ обратилъ вниманіе на брата, вѣроятно, съ заднею мыслію—помириться съ нимъ и тѣмъ въ самомъ зародышѣ уничтожить общественное неудовольствие.

— Чего тебѣ, Степанъ, отъ меня хочется?—заговорилъ онъ увѣщательно-наставительнымъ тономъ, причѣмъ потушилъ взоръ и принялъ соответствующую такому важному случаю позу.—Еслибы ты меня, брата своего роднаго и наистаршаго, слушалъ, да уваженіе я отъ тебя когда-либо видѣлъ, да съ тебя путника какая была, то я для тебя своихъ собственныхъ денегъ по силѣ-мочи не пожалѣлъ бы и все къ путю привелъ бы не какъ нибудь! Повѣрь, еще добрые люди не насмѣялись бы и не пришлось бы со всякою сволочью дѣло имѣть! И былъ бы ты себѣ хозяиномъ... А то что съ тобою подѣлать?! Ты—буянъ, ты самовлецъ, воюга!... А меня ли наистаршаго и наибольшаго брата тебѣ за грудь брать? А на меня ли тебѣ руку накладывать? Помни! Заруби себѣ на носу!... Еслибъ ты мой сынъ былъ, зналъ бы я, что съ тобою сдѣлать!

— Па-а-а-стой... погоди...—опять было вмѣшался сборщикъ.

— А вотъ еще и съ „шкурою“ спознался... Что? Хорошо? Славно слышать, какъ люди поговариваютъ?... А такъ ли я дѣлалъ, а?—какъ бы не обращая вниманія, но между тѣмъ сверкнувъ глазами на сборщика, — продолжалъ Кузьма. Что-жъ она?—потаскуха, а не больше, а не меньше! Что у нея есть? На ней, да въ ней, да, кромѣ того, два братана голыши, шилохвосты и разбойники! Нѣ-ѣ-ѣтъ! Съ такими „хайбусами“*), отъ которыхъ „урѣжь полу—да удирай, куда глаза глядятъ“, сохрани меня Господи-Боже и всѣ святители Его родниться! А ни во вѣки вѣковъ!... Кузьма передохнулъ и опять продолжалъ: они, хайбусы эти, можетъ быть, давно желали, чтобъ ты спознался съ ихъ Степанидою... Да дудки! Меня не „подобуютъ“...**) Я не такой дуракъ!... Вотъ коли-бъ ежели ты былъ согласенъ, да сраму этого на свое имя не напускалъ, то невѣсту не такую сыскали бы мы тебѣ! Да чего далеко ходить: Петроченкову-бъ дѣв-

*) Своевольно-нахальными людьми.

**) Не проведуть.

ку, а? А подцѣпить бы подцѣпили и до слова отдали-бъ, ей-Богу! Ну и что-жь?—произнесъ Кузьма съ особымъ, много-значительнымъ удареніемъ:—подумай, куда твоей Степанидѣ противъ той поспѣть? Да она въ подметки ей не годится! Тамъ,—говорю тебѣ, приданное хорошее дали бы, да и люди Петроченки хорошіе: стоило и не грѣхъ бы породниться! А съ лица, скажу тебѣ братъ Степанъ, попомни мое братнее слово,—воды не пить... Коли не подѣси, то и святыхъ продаси, а какъ подѣси, то и посконная рубаха шатромъ стоять будетъ! Въники ѣсть не будешь! А мы жили, слава Тебѣ Царю Небесному, забыли какъ и „пушникку“ ѣли, а по „старцамъ“ *) да по „кусочкамъ“, какъ вонъ всѣ другіе, по чужимъ людямъ не побирались, съ котомками не бѣгали. Какъ Господь милостивый дальше покажетъ. Его святая воля! Такъ видишь ли, Степанъ, вотъ какъ надо подумать, вотъ въ какую сторону умомъ-разумомъ пораскинуть! Мало чего—твоя Степанида коли-нибудь была „прибожа“! За пригожествомъ разумные люди не гоняются. Узнаешь, попомнишь, вспоманешь! Накажетъ тебя Господь Богъ! Братняя молитва долетитъ до Бога!... Такъ вотъ, Степанъ, говорю тебѣ при всемъ при честномъ міру, что коли ежели ты хочешь быть собакою, да не отстанешь отъ этой потаскухи Степаниды, то нѣтъ тебѣ моего благословенія отъ нынѣ и до вѣка! Помни! Я батька тебѣ! Наистаршій братъ—батька—все равно; это законъ!

— Да Степанида брюхата уже, такъ того... закономъ покрыть надо было бы, что ли!—задорно-цинично выпалилъ вдругъ сборщикъ, причемъ даже потянулся отъ удовольствія, что срѣзаль-таки багача; потомъ, сдѣлавши шага два впередъ, онъ улыбнулся какой-то полусаркастической, полукомической улыбкой и заложилъ руки за спину, т. е., продолжалъ все, что, по мѣстнымъ понятіямъ, выражаетъ презрѣніе и верхъ непочтительности.

— А твое дѣло, другъ любезный, гавъ да подь столъ... какъ дѣлають собаки! —взбѣленился Кузьма.—Знала дѣвка, на что играла! Она пусть-ка теперъ со мной посудится, такъ я ей покажу законъ!

*) Нищимъ.

— О-на, на, на! завертѣлъ дули Степанъ: — не заговаривай ты зубовъ, а деньги мои подавай!

— Ты, братецъ, образумься: нечего ошалѣвать! Помянешь меня коли-нибудь добрымъ словомъ! — какъ бы не обращающая вниманія на брата, морщишь брови Кузьма.

— Наплевать мнѣ тебѣ съ твоимъ словомъ! — запальчиво крикнулъ Степанъ.

— Не плюй въ колодезь, можетъ-быть, когда придется воды напиться.

— Женюсь я на Степанидѣ и шабашѣ! Въ этомъ ты мнѣ не указъ! А раздѣлять насъ съ тобой добрые люди! Вѣдь, оно, свѣтъ клиномъ еще не сошелся и гдѣ-нибудь должна же быть правда! Теперь, говорятъ, дураки, какіе были прежде, начали выводиться, вотъ что! — съ затаенною болью и негодованіемъ кричалъ Степанъ.

— Ну, что-жь, теперь весна! Хлѣба у насъ не Богъ знаетъ сколько осталось... Коли до нови хватить — слава Богу! Дѣлиться такъ дѣлиться, чему быть, тому не миновать! съ напускной апатіей и глядя куда-то вверхъ — процѣдилъ Кузьма.

— Это аккуратъ по моему, самое лучшее! И для общества оно спокойнѣе будетъ, — возрадовался сборщикъ, причемъ, какъ бы въ доказательство своего полного удовольствія, быстро поправилъ на своей головѣ шапку и лицо его приняло ироническое выраженіе.

— Такъ, такъ! Самое лучшее! — раздались въ толпѣ голова вмѣстѣ съ сдержаннымъ смѣхомъ.

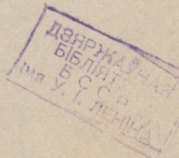
— Не подрядился ли ты у хайбусовъ тѣхъ или у шлюхи той? — смѣрилъ злобнымъ взглядомъ Кузьма сборщика.

— Да это мое дѣло! — крикнулъ тотъ, весело улыбаясь толпѣ.

— То-то я и смотрю, что ты, какъ бѣда какая, привязался: дѣлать, да дѣлать меня; — какъ „насыломъ“ *) тебя насладо, во-о-о! Будто бы, въ самомъ дѣлѣ, ты мое добро наживалъ! — поворотился Кузьма спиною къ сборщику и толпѣ.

— Ну, я таки подряда никакого ни у кого не бралъ и къ тебѣ не очень-то привязываюсь, а говорю по-божески, чтобы, значится, еще коли-нибудь какой стычки у васъ не вышло;

*) Посредствомъ чародѣйства.

5126307

подѣлитесь пополамъ, да и концы въ воду! Спокойнѣе и вамъ, и деревнѣ будеть...—многозначительно улыбнулся и „дѣльно“ грянулъ головою сборщикъ.

— Ну-у-у! Это ты еще поговѣй *) немного, чтобы въ этому буяну половину выдѣлить! Не равно-жь мы и наживали! Что захочу, то и дамъ, вотъ что!—поднялъ носъ Кузьма.

— На это законъ, общество и судъ есть!—перебилъ брата Степанъ.

— Наплевать мнѣ и на тебя, и на общество, и на судъ твой вмѣстѣ! Пфу!—плюнулъ Кузьма и тяжелыми шагами, уже не оборачиваясь назадъ, зашагалъ домой.

— Э-э, богачуга, стой! — раздалось вслѣдъ ему несколько недружелюбныхъ голосовъ.

— Ходи братъ, Степанъ, ко мнѣ обѣдать! — пригласилъ сборщикъ Степана, но такъ громко, чтобы его слова слышала „вся деревня“ и самъ Кузьма.

— Эй, буянь, ступай домой! Не слушай ты этой мордвы! Мы свои, побились и помиримся! — оборотился вдругъ Кузьма, уже стоя у воротъ своего двора. Но никто его не слушалъ. Степанъ отправился вмѣстѣ со сборщикомъ, а толпа, рассуждая на всѣ лады, начала расходиться по домамъ. Кузьма постоялъ, посмотрѣлъ, заворчалъ что-то сквозь зубы, плюнулъ и скрылся въ своихъ воротахъ, гдѣ уже его давно ожидала жена и дѣти.

III.

Между крестьянами Кузьма и Степанъ слыли богачами не только въ деревнѣ Безымяновкѣ, но и во всей округѣ, т. е. въ околныхъ селеніяхъ. Кузьмѣ теперь шелъ пятидесятый годъ, а Степану было только двадцать три года. Были у нихъ три сестры, но вышли замужъ. Родители давно умерли, оставивъ дѣтямъ въ наслѣдство очень немного имущества. Оба брата водки почти не пили. Кузьма былъ большой работникъ: не-

*) Подожди.

угомонный, строгій... Съ малолѣтства судьба съ нимъ не шутила... При крѣпостномъ правѣ ему часто доставалось, между прочимъ, на „баранки“ отъ своего помѣщика, который, кстати сказать, будучи польскимъ деспотомъ проявлялъ способности большой жестокости. Но, благодаря крѣпкому тѣлосложенію, Кузьма вынесъ всѣ невзгоды своей судьбы; вдобавокъ, онъ имѣлъ теперь порядочное состояніе и слылъ деревенскимъ воротилой. На сходкахъ и вообще мірскихъ собраніяхъ его голосъ для безымянцевъ былъ „законъ“. Правда, за желчный характеръ Кузьму въ деревнѣ никто не любилъ, но за то всякій могъ слышать и понимать, что Кузьма говоритъ дѣло; кромѣ того, всякій зналъ на опытъ, что не тупой головой можно нажить такое хозяйство, какое было у Кузьмы... При всемъ томъ, Кузьма твердо стоялъ за интересы своего общества и, надо отдать ему справедливость, оказалъ на этомъ поприщѣ не одну услугу безымянцамъ. Наконецъ, до разныхъ безчинствъ, какъ - то: пьянства, дракъ съ подлецами и „всякою дрянью“, которыми Кузьма считалъ большую часть безымянцевъ, онъ „не доходилъ“ и избѣгалъ всякихъ бесполезныхъ забористыхъ мірскихъ ссоръ.

Рано женившись, онъ, кажется, не испыталъ чувства, похожего на любовь и нѣжность. Даже самъ къ себѣ онъ относился строго; всякую же излишнюю привязанность мужчины къ женщинамъ считалъ баловствомъ и терпѣть не могъ такъ - называемыхъ „бабниковъ“. Съ дѣтьми и женой своей онъ былъ грубъ и всякая нѣжность выражалась имъ въ грубой формѣ и строгимъ тономъ. Такъ далеко завела его практическая дѣятельность и ожесточенная любовь къ труду.

Степанъ, можетъ-быть, и уступалъ брату въ дѣлѣ физическаго труда, особенно въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, требующихъ изученія или навыка, но въ искусствѣ обрабатывать землю и другихъ земледѣльческихъ работахъ онъ превосходилъ не только Кузьму, но и всѣхъ безымянскихъ крестьянъ. Соха у Степана была образцовая и онъ умѣлъ такъ хорошо наладить ее, что молодымъ парнямъ приходилось только удивляться и учиться у него. Косу наладить тоже никто не могъ лучше Степана и, вообще, всякая работа, за

которую онъ брался, исполнялась имъ съ большою ловкостью и смышленостью.

Случалось, что безымяновцы цѣлымъ обществомъ снимали у сосѣда помѣщика за обработку извѣстной части его поля нѣсколько луговъ. Такъ какъ трава на лугу не вездѣ одинакова и качество ея не одно и то же, то безымяновцы убирали сѣно сообща—цѣлымъ обществомъ, послѣ чего дѣлили копны по „жеребьямъ“. Тутъ-то среди хлопцевъ и стариковъ закипала косьба! Наступало время гребки сѣна... Лугъ пестрѣлъ отъ бабъ и дѣвокъ; пѣлись пѣсни, рассказывались рассказы, сыпались шутки, раздавался веселый смѣхъ; всѣмъ было весело и, между тѣмъ, работа кипѣла. Хлопцы одинъ передъ другимъ старались показать себя, но Степанъ, сравнительно съ прочими, дѣлалъ чудеса. Никто не могъ состязаться съ нимъ въ ловкости, количествѣ и качествѣ работы. Хлопцы смотрѣли на него съ завистью, старики улыбались и хвалили, и не одна дѣвка полюбила его, какъ самага лучшаго и работающаго парня въ деревнѣ.

Характеръ у Степана былъ мягкій, уступчивый до извѣстной степени, какъ бываетъ обыкновенно у мягкосердечныхъ людей.

Братья занимали двухъ работниковъ, такъ какъ хлѣба сѣяли сравнительно много. Хотя собственной земли у нихъ было только три надѣла, но, благодаря благоразумію и предусмотрительности Кузмы, они арендовали нѣсколько надѣловъ и полунадѣловъ, принадлежавшихъ деревенской подѣлившейся, передѣлившейся и съ хозяйства сбившейся, „голи перекатной“. Надо сказать и то, что арендная плата, какъ и наемъ батраковъ, въ Безымяновкѣ, обходились, какъ говорится, „дешевле шелухи гороховой“ и, поэтому, были очень выгодны для богачей. При всемъ томъ Кузьма не церемонился и со всѣмъ обществомъ своей деревни. Онъ съ давнихъ поръ разработалъ разныя пустоши и заросли, принадлежавшія безымяновцамъ, которые по бессилью не только не успѣвали обрабатывать своихъ крошечныхъ владѣній, называющихся надѣлами, но даже часть этихъ владѣній, отстоящую верстъ за пять отъ деревни, не дѣлили на полосы, такъ что никто не зналъ своего участка. Такимъ образомъ на этой, такъ сказать, общественной землѣ росъ лѣсъ, лѣ-

сокъ, кустарникъ и тому подобная чепуха, вырубаемая безъ всякаго толку безымяновцами и даже крестьянами изъ со-сѣднихъ деревень. Среди этихъ „нераздѣленныхъ“ участ-ковъ земли встрѣчались и владѣнія Кузьмы, заключавшіяся въ лугахъ и пахотномъ полѣ. Конечно, если никто изъ бе-зымяновцевъ не рѣшался противостоять такому незаконному захвату ихъ собственности, то и никто не могъ указать Кузьмѣ его дѣйствительныхъ владѣній среди всего этого „безполосья“. Притомъ каждый безымяновецъ былъ увѣренъ, что придетъ время, когда этотъ вопросъ порѣшитъ перемѣр-ка и, что всего обольстительнѣе, нѣкоторымъ деревенцамъ можетъ достаться готовое поле безъ кустовъ и зарослей. Впрочемъ, и Кузьма не довольствовался такими своими вла-дѣніями и десятину-другую приобреталъ у помѣщика-со-сѣда, если, конечно, условія были выгодны.

У Степана водились красныя рубахи, сапоги, былъ чер-наго сукна казакинъ, хорошія шапки, шейные платки, хо-рошіе пояса и „тесемки“ съ „китицами“. Кузьма отъ роду не имѣлъ влеченія къ уборамъ и франтовству. Напротивъ, онъ стыдился имѣть даже сапоги и глубоко презиралъ вся-кую подобную „мишуру“.

— Вотъ,—обыкновенно говаривалъ онъ, будучи въ духѣ, про какого-либо прифрантившагося парня: коли-бъ ежели при панахъ такъ прибрался, то-то прогнали бы копотъ! Вишь ты!.. франты!.. Даль такъ Богъ волю! И пороть при та-комъ франченіи какъ-то неловко!.. Даже шапки форменныя завели, гляди „моргѣлки“ *) не увидишь! Теперь пожалуй и передъ начальствомъ ихъ, форменки эти, ломать не прихо-дится. А мы, старики-хозяева, и такъ проживемъ... Да намъ ли, да съ какой бѣды пристало „шкуратиться“! Лишь бы въ тѣлѣ, а на тѣлѣ какъ Богъ дастъ!

Впрочемъ, этому франченію Кузьма большого значенія не придавалъ, а такъ, иногда, ради своихъ практическихъ взгля-довъ на вещи, гдѣ слову поговаривалъ.

Нечего говорить: вся округа завидовала Кузьмѣ и Степану, какъ первымъ богачамъ между крестьянами. Дѣйствительно, домъ ихъ былъ полная чаша, про который безымяновцамъ

*) Войлочная шапка домашняго издѣлія.

и имъ подобнымъ мужикамъ оставалось только повторять известный терминъ, выражающій верхъ всякаго благополучія и состоящій изъ словъ: „дай Богъ всякому“. Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ, да при крестьянскомъ скромномъ обиходѣ, этимъ богачамъ жить да поживать, да добра побольше наживать; но не такъ случилось. Понятно, еслибы братья не думали о „завтрашнемъ“ днѣ и всѣхъ неизвѣстностяхъ этого дня, то, можетъ-быть, не одинъ годъ еще прожили бы вмѣстѣ. Но въ томъ и бѣда, что Кузьма первый началъ думать объ этомъ деньгѣ. Именно: произошло или происходило между братьями посягательство на семейныя отношенія и имущественныя права. Кузьма обставилъ себя ужъ черезчуръ полновлостиемъ. Считааясь главой двора, полнымъ хозяиномъ, онъ принялъ за обыкновеніе посылать Степана съ батраками на полевые работы и, вообще, командовалъ, имъ какъ хотѣлъ: ежедневно снималъ съ него отчеты о работахъ и если усматривалъ въ чемъ-либо неискренность, то ругался, какъ говорится, не хуже пьянаго сапожника, не скупясь на крѣпкія слова, которыми такъ богатъ простонародный языкъ. Самъ же Кузьма только по праздничнымъ днямъ, заложа руки за спину, посѣщалъ поля и контролировалъ работы. Но этого мало: по буднямъ онъ оставался постоянно дома и работалъ: колеса, достоинствомъ которыхъ славился чуть ли не на всю свою волость и которыя покупались „на расхватъ“; дѣлалъ бочки, ведра и прочую хозяйственную посуду, находившую мѣстный сбытъ; за вѣдывалъ пасѣкою (у нихъ было около сотни колодъ пчель), а осенью даже пробовалъ скупать хлѣбъ, пеньку и другіе товары, и все это перепродавалъ, конечно, съ барышомъ для себя.

Для бѣльшей характеристики Кузьмы слѣдуетъ упомянуть, что всѣ произведенія своихъ рукъ, а равно зерновой хлѣбъ и пеньку онъ считалъ товаромъ надежнымъ; но, надо сознаться, у него когда-то былъ, да и теперь считался товаръ „ненадежный“, „пушная“ дрянь, которымъ, впрочемъ, онъ обѣщался и дѣткамъ, и внукамъ, и правнукамъ своимъ заказать торговать. Дѣло въ томъ, что Кузьму „подбилъ“ мѣстный попъ выписать изъ Москвы картинъ и книжекъ... Будучи съ Кузьмой въ дружбѣ, попъ этотъ подвелъ ему та-

кіе резоны, доказавъ на словахъ такіе доходы, считая это предпріятіе прибыльнымъ для торговца и полезнымъ для народа, что не умно было бы возражать ему. — Да знаешь ли ты, — доказывалъ попу: — я, для пробы, выписалъ рублей на двадцать разныхъ богопріязненныхъ книжекъ: псалтирей, часослововъ и прочаго — и за одну какую-нибудь недѣлю тридцать рублей чистаго барыша получилъ, — расхватили въ нашемъ мѣстечкѣ! А пользы-то, пользы для душъ сколько! Вѣдь теперь, благодаря открывшимся школамъ, грамотныхъ много, все читать хотятъ. Совѣтую тебѣ, Кузьма: принимайся за это дѣло, въ барышахъ будешь. Конечно, мнѣ сказками, да разными подобными книжками торговать не подходитъ, а то я не предлагалъ бы тебѣ этого, самъ занялся бы! Тебѣ же, чѣмъ гулять по праздникамъ, не лучше ли этимъ полезнымъ дѣломъ заняться? и т. д. Словомъ, Кузьма соблазнилъ доводами попа, согласился выписать картинъ, книжекъ и приняться за коробейничье дѣло. Съ помощью того же попа, знакомаго со многими московскими книжными торговцами, выписалъ Кузьма на нѣсколько „красненькихъ“ книжекъ и картинъ. Правда, сперва онъ успѣшно торговалъ, но зато потомъ... Эхъ, долго онъ обѣими руками чесалъ себѣ голову и затылокъ... Дѣло было лѣтомъ. Неподалеку отъ Безмяновки, въ одномъ мѣстечкѣ, случилась ярмарка. Кузьма, рассчитывая на большое стеченіе народа и, конечно, на хорошей торгъ, набралъ чуть ли не цѣлый возъ своего „ненадежнаго“ товара и отправился налегкѣ, потому что было ясное теплое утро, да и погода тогда установилась, повидимому, надолго. Но не доѣхалъ Кузьма до ярмарки какихъ-либо версты три, какъ на чистомъ полѣ, вдругъ, сломалась у него ось. Пока онъ возился съ осью, прилаживая ее на скорую руку, чтобы какъ-либо добраться до мѣстечка, на небѣ появились тучи, началась гроза и полилъ проливной дождь. Хотя Кузьма и свитой и собственнымъ тѣломъ во всю растяжку — отстаивалъ свое добро, но дождь не помиловалъ и весь товаръ его обратилъ въ чистую кашу. Отругавши попа и проклявши „ненадежный“ товаръ съ его „батьками и матками“*), Кузьма

*) Отцами и матерями.

съ этихъ поръ поставилъ себѣ за правило: „людей не слушаться и въ лишнее не залѣзать“.

— Хватить съ насъ и около себя!— обыкновенно отзывался онъ, когда какой-либо мужичокъ, желая „подмазаться“ на всякій случай, совѣтывалъ ему перехватить подрядецъ, на перебой какому-либо подрядчику-еврейчику или купчику, какъ-то: бересту или лыко гдѣ-либо выдрать; кирпичъ или спичную соломку на хорошихъ условіяхъ работать, или садъ въ аренду снять...

Но какъ бы то ни было, а Кузьма уже могъ похвалиться пятью или шестью сотняжками чистогану... Впрочемъ, сколько у него было денегъ, онъ, какъ и самъ чувствовалъ, даже на исповѣди попу ни за что не признался бы, и не потому, что „прочіе-малые“ могли бы провѣдать о его капиталѣ и начали бы чесать языки, а такъ... Все-таки хотя и знаютъ люди, что у него, Кузьмы, деньги есть (деньги, нажитыя кровавыми мозолями), но сколько этихъ денегъ,— пусть думаютъ что хотятъ!

Несмотря на такую „скрытную“ черту своего характера, Кузьма открывалъ свой капиталъ для кое-кого, именно: сотню-другую ссужалъ онъ нѣкоторымъ помѣщикамъ, съ которыми „водилъ знакомство“ и которые всегда нуждались въ „презрѣнномъ металлѣ“. Одолжить помѣщику, конечно, не то, что своему брату-мужику, заслуживающему, по словамъ Кузьмы, не меньше какъ прованія „сущаго гада“, умѣющаго только „куражитья*), да способнаго во время деньги не отдать, если и совсѣмъ не замотать, — хотя и не чрезъ безсовѣстность замотать, а такъ... Известное дѣло, у „голаго“ будь хоть море совѣсти, да что въ ней толку! Помѣщики же платили Кузьмѣ хорошіе проценты.

Что касается евреевъ, частенько „подѣзжавшихъ“ къ Кузьмѣ насчетъ одолженія денегъ, то онъ очень боялся имѣть съ ними дѣла.

Съ жидомъ все равно, что съ нечистой силой возжаться. Какъ „тому“, такъ и „той“ законъ не писанъ!— говорилъ про евреевъ Кузьма, твердо слѣдуя народному суевѣрію,

*) Издѣваться, бахвадиться.

гласящему, что если одолжить еврею деньги, то все равно что свое счастье ему отдать, такъ какъ еврей въ этомъ случаѣ разживетъ, а одолжившій ему деньги долженъ прожить. Кромѣ того, Кузьмѣ служилъ примѣромъ его другъ Артѣмъ, мужикъ зажиточный, который, имѣя сотни двѣ наличныхъ денегъ, одолжилъ ихъ „на честное слово“ и на извѣстный срокъ евреямъ. Еврей денегъ Артѣму въ срокъ не уплатилъ, онъ началъ судиться и высудилъ, что называется, „корову съ пятью пальцами“, т. е. просудилъ еще нѣсколько наличныхъ денегъ и не взыскалъ долга.

Однако, при всей скупости, Кузьма „сколько могъ“ помогать своимъ безымяновцамъ хлѣбушкомъ „въ худую годинку“, хотя и недаромъ, а за возвратъ въ двойномъ количествѣ; но все-таки и этимъ онъ помогалъ многимъ семействамъ въ то время, когда имъ приходилось съ голоду окопѣвать.

Итакъ, на счетъ денежныхъ вопросовъ Кузьма держалъ ухо востро. Если онъ и ссужалъ, какъ выше сказано, деньгами помѣщиковъ, то непремѣнно требовалъ вексель „по всей формѣ“. На счетъ же того, чтобы чрезъ пановъ не вышло „огласки“, что вотъ молъ онъ, Кузьма, какими деньжищами ворочаетъ, и чтобы еще когда-либо Степану не вздумалось требовать отъ него „свою долю“ денегъ, то Кузьма былъ спокоенъ, вполне зная панскую „утху“, т. е., что ради собственной амбиціи, замѣняющей панамъ честь и правду, ни одинъ изъ нихъ не проболтается о своихъ займахъ и будетъ молчать какъ глухая стѣна.

Находило иногда и на Кузьму тихое раздумье. Удивлялся онъ самому себѣ, когда сравнивалъ свое положеніе съ торыкимъ житьемъ-бытьемъ сосѣдей своихъ безымяновцевъ.

— Какъ-то меня Господь-Богъ на ноги поднялъ? Откуда это счастье мнѣ такое? Вѣрно на роду такъ было наложено, что, вотъ, быть Кузьмѣ богачомъ! А, можетъ быть, какая особливая благодать Господня на меня сошла?! Отчего-жъ это другіе вонъ, какъ на примѣръ: Гришка или Михайла, или Осипъ, да и всѣ безымяновцы, хотя, кажется, и руки имѣютъ не хуже моихъ, а во весь годъ, развѣ исключая св. Пасху, они чистаго хлѣба въ глаза не видятъ: всю мякиницу поѣли!...

Подумаетъ, подумаетъ Кузьма, и такъ ему отраднѣе ста-

нетъ, словно само удовольствіе по зашкурью у него пробѣжить или ангель-хранитель ему улыбается... Догадывается тогда Кузьма, что не руками наживается хозяйство и деньги, а головою! Перекрестится онъ, горячо поблагодарить Господа-Бога за то, что и его умомъ-разумомъ, противъ другихъ, не обидѣлъ и въ „люди“ вывелъ. Кузьма даже не допускалъ ни одной мысли, чтобы сознаться, хоть въ своихъ глазахъ, въ чьемъ-либо неправымъ на счетъ пріобрѣтенія своего состоянія. Крѣпко вѣруя въ Бога, онъ возлагалъ всю судьбу свою на Его милосердіе, не скупился на свѣчи, которыя ставилъ въ церкви при всякомъ случаѣ, и крѣпче другихъ мужиковъ стучалъ лбомъ о церковный полъ, въ доказательство своей жаркой молитвы.

Если же, по мнѣнію Кузьмы, Богъ и давалъ кому-либо счастье въ видѣ богатства, то, конечно, развѣ дуракъ какой не умѣлъ имъ пользоваться. Да какъ знать: можетъ-быть, такое неумѣнье пользоваться „дѣромъ“ Божиимъ прогнѣвить Его, Отца небеснаго, какъ черная неблагодарность за Его милость и ласку святую... Кузьмѣ даже чудилось, что въ „священной“ какой-то книгѣ про это упоминается. Что же касается попа, то тотъ неоднократно самъ дѣлалъ Кузьмѣ много похвальныхъ изреченій на эту тему.

Счастливъ Кузьма въ такія минуты раздумья!.. Словно невѣсту въ первую ночь обнимаетъ! Пересчитываетъ онъ тогда свои денежки, хранившіяся обыкновенно въ узлѣ, спрятанномъ въ большомъ сундукѣ, помѣщавшемся у изголовья семейной постели. Съ какимъ умиленіемъ и сердечнымъ замираніемъ перебираетъ онъ кредитки, сортируетъ ихъ въ сотый разъ, причемъ сладостно и обильно наслониваетъ большой и указательный пальцы, а потомъ, въ случаѣ „обмишенитса“ (*), опять еще съ большимъ удовольствіемъ пересчитываетъ.

— Богъ далъ! — облизываясь и облегченно вздохнувши, шепчетъ онъ себѣ подъ носъ и старательно укладываетъ денежки обратно въ сундукъ.

Счастье Кузьмы, по всей вѣроятности, достигло бы своего рода апогея, еслибы у него не было одной „боляч-

*) Ошибется.

ки“, недававшей ему покоя. Болячка эта являлась ему въ особѣ брата Степана. За все же остальное Кузьма только Бога славилъ.

IV.

Степанъ, какъ сказано, былъ „полевой“ работникъ. Ему вмѣстѣ съ двумя батраками приходилось только плясать подъ кузьмину дудку. Надо сказать правду: Кузьма вполне сумѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Онъ не только соблюдалъ свои личные интересы, но въдобавокъ доставлялъ облегченіе своей женѣ. Такъ: на полевые женскія работы, какъ-то: на жниво, уборку сѣна, матычанье „лядь“ *)—Кузьмиха почему-то, едва успѣвавшая готовить пищу, да возиться со своими дѣтьми, вовсе не ходила. Поэтому Кузьма собиралъ „тѣлоки“ или нанималъ поденщицъ. Послѣднія большею частью работали за проценты съ должникаго имъ Кузьмою хлѣба, картофеля, капусты или чего-либо другого. Словомъ, находились источники, чтобы облегчить положеніе хозяйки дома. Даже такая, всюду проклинаемая и все-таки неоставляемая, допотопная женская работа, какъ тасканіе ведрами воды, нерѣдко на большомъ разстояніи, лежала на обязанности Степана и батраковъ. Осенью въ молотьбѣ хлѣба Кузьма съ женою не принимали никакого участія. Эта работа всецѣло лежала тоже на обязанности Степана и батраковъ. Кузьма видно довѣрялъ брату въ этомъ случаѣ, считая его еще за „нѣсмысля“; но все-таки, особенно за послѣдніе годы, онъ, если не посылалъ на гумно во время молотьбы своего старшаго сына соглядатаемъ, то являлся туда самъ съ подозрительными глазами, чего, конечно, не могъ не замѣтить и Степанъ. Впрочемъ, на гумнѣ Кузьма никогда долго не оставался и, высказавъ во всеуслышаніе какой-либо предлогъ, уходилъ домой.

*) Мѣсто изъ-подъ лѣса.

Съ теченіемъ времени Степанъ началъ понимать интересы брата. Нерѣдко, вѣя хлѣбную кучу на гумнѣ и оставаясь наединѣ, онъ припрятывалъ мѣшокъ другой хлѣба и, потомъ, выбравши удобное время, стаскивалъ этотъ хлѣбъ „по загуменью“ *) къ жиду Ицкѣ, содержателю безпатентной деревенской корчмы, и тамъ продавалъ.

Корчма эта принадлежала помѣщику; состояла она изъ плохого дворага, съ плохими комнатками и пресквернѣйшею грязью въ послѣднихъ. Нѣсколько саженой земли, на которой былъ сооруженъ корчемный домишко, какимъ-то способомъ, на горе да на лихо безымяновцамъ, „втерлась“ между деревенскихъ усадебъ. Помѣщикъ, владѣлецъ этой корчмы, хотѣлъ обратить ее въ патентованный кабакъ, да какъ-то не успѣлъ „обморочить“ безымяновцевъ и не выманилъ согласіе послѣднихъ на утверженіе приговора, необходимаго для полученія патента. Поэтому, не долго думая, онъ „посадилъ“ въ эту корчму Ицку; послѣдній повелъ свои дѣла, какъ слѣдуетъ. Сперва онъ, оказавшись скромнымъ жидкомъ, началъ торговать всякой дрянью, начиная отъ тухлой рыбы и кончая спичками. Это дѣлалось, конечно, для того, чтобы „отвести глаза“ полицейскому начальству. Потомъ уже, шагъ за шагомъ, повелъ торговлю и водкою. Черезъ нѣкоторое время онъ успѣлъ такъ приворожить къ себѣ безымяновцевъ, что они забыли о ссорахъ съ помѣщикомъ и даже отъ души радовались тому, что нашелся такой добрый человекъ — Ицка, который одинъ только сумѣлъ угодить имъ въ горькія и веселыя минуты.

Степанъ подумалъ бы связываться съ „нечистой силой“, являвшейся для него въ образѣ Ицки, но въ томъ-то и вся штука, что Кузьма и Ицка, за куплю-продажу пеньки и хлѣба, были отъявленные враги и Степанъ вполне былъ увѣренъ, что еслибы Ицка и Кузьма еще сто лѣтъ прожили въ Безымяновкѣ, то и тогда послѣдній не узналъ бы его продѣлокъ. Кузьма все-таки подозрѣвалъ Степана въ „кражѣ“ хлѣба и, не стѣняясь, высказывалъ ему это при случаяхъ. Степанъ, въ свою очередь, дѣлалъ брату надлежащій отпоръ, а иногда просто отмалчивался, давая тѣмъ почувствовать

*) Усадьба за гумнами.

Кузьмѣ, что онъ смотритъ на его слова, какъ на сказанныя со злости и не имѣющія ни капли правды.

Но, къ чести Степана, надо сказать что безъ причины онъ не полѣзъ бы во грѣхъ. Случилось же тутъ такого рода обстоятельство, что, во-первыхъ, примѣръ самого Кузьмы, уже давнымъ-давно подумывавшаго о ненасытномъ будущемъ, служилъ толчкомъ, а во-вторыхъ Степанъ былъ влюбленъ въ безымяновскую красавицу Степаниду и потому, конечно, не могъ не думать о своей предстоящей жизни. Нельзя спорить, насколько эта любовь была сильна, какъ было развито сердечное влеченіе, если сравнить ее съ такъ-называемою „образованною“ любовью, превратившеюся нынѣ въ выгодную спекуляцію для обезьянъ рода человѣческаго,—но Степанъ чувствовалъ, что безъ Степаниды онъ дышать не можетъ; а этого, разумѣется, достаточно было, чтобы строить ему очаровательную картину своей будущности и перешагнуть, что называется, огонь и воду. Онъ не думалъ о чемъ-либо другомъ, а только мечталъ о скорѣйшемъ бракѣ съ Степанидой, къ которому, по его мнѣнію, никакихъ препятствій, кромѣ умиловленія попа, быть не могло.

Степанида была замѣчательная красавица, даже рѣдко встрѣчающаяся между крестьянками, дѣвушка: высокая, стройная, съ грудьми „по подушкѣ“, румянцемъ во всю полную щеку, длинной темнорусой косой, спускавшейся тяжелой „плетенкой“ ниже стана. Глаза она имѣла голубые, большіе, съ паволокой; формы тѣла полныя, развитыя и исполненныя мощной граціи. Круглыя сильныя плечи и удивительно хорошія руки и ноги дополняли красоту ея. Голосъ у нея былъ мягкій, симпатичный. Пѣснями и плясками она отличалась „на всю округу“, и стоило какому-либо парню услышать хотя издалека ея голосъ, ея пѣсню, то, уже волнуясь, онъ говорилъ про себя: „ну, Степанида, вихры бы ее побрали совсѣмъ!“ Словомъ, Степанида была дѣвка, какъ маковъ цвѣтъ. Ей шелъ двадцатый годъ. Всѣ, не только безымяновскіе, но и изъ сосѣднихъ селеній парни гонялись за нею „стадомъ“; однако Степанида знала себѣ цѣну и до поры до времени никому изъ ея ухаживателей, что называется, не пришлось даже „на щепкѣ понюхать“...

Степанида была сирота. Родители ея давно умерли. У нея

было два брата: Леонъ и Захаръ, похожіе другъ на друга такъ, какъ нельзя лучше, но съ тою только разницею, которая происходила отъ ихъ возраста. Леонъ былъ старше Захара на пять лѣтъ. Природа надѣлила ихъ такими характеристиками, что никакъ нельзя было признать ихъ за бѣлорусовъ; скорѣе можно было думать, что они родомъ какіе-либо лезгинцы или черкесы. Въ средѣ безымяновцевъ они слыли за „хайбусовъ“, безбатьковичей, „нехлюевъ“, или же просто за разбойниковъ. Свойство послѣдней репутаціи утвердилось за ними потому, что они дѣйствительно были подъ часъ страшные „задѣры“, смотрѣвшіе, по словамъ смиренныхъ мужиковъ, только кому морду побить. Они происходили изъ дворовыхъ людей, прежней панской челяди, для которыхъ, какъ посмѣиваются бѣлорусскіе мужики, было въ модѣ: хотѣ грибъ — да въ тарелкѣ, а не въ мискѣ. Само собою разумѣется, происхожденіе это, какъ ничего-незначащее, ставило Леона и Захара на одну доску съ безымяновцами.

Леонъ, какъ старшій, превосходилъ брата въ задерствѣ, простиравшемся иногда до отчаянія. Всѣ знавшіе его мужики невольно дѣлали ему уступки и въ такихъ вещахъ, изъ-за которыхъ другому кому-либо пришлось бы расплачиваться своими боками. Всѣ безымяновцы величали Леона не иначе, какъ по-батюшкѣ, а подростки и мальчишки — „дядькой Леономъ“. Какой былъ характеръ у Леона, можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующаго случая. Дѣло было нѣсколько лѣтъ тому назадъ до нашего разсказа. Безымяновскій сборщикъ податей, спрашивая у Леона и Захара уплаты денежныхъ повинностей, былъ посланъ Леономъ ко всѣмъ ста тысячамъ семи сотъ чертямъ — и толку не добился. Такое обстоятельство заставило его обратиться за помощію къ сельскому старостѣ, которымъ въ то время былъ Кузьма, извѣстный нашъ богачъ. Не долго думая, энергичный Кузьма палку въ руки и маршь! — къ хайбусамъ „выбивать“ платежи. Пришедши въ избу къ Леону и Захару, онъ, первымъ деломъ, затѣялъ ссору: такіе-сякіе, говоритъ: хайбусы, сябры, злыденники „марцевые“*) и пошелъ честить!

— Какъ! — запыхлилъ Леонъ и какъ сидѣлъ за столомъ и

*) Нищіе въ мартъ мѣсяцъ.

что-то строгасть ножомъ, такъ и бросился къ Кузьмѣ: какъ смѣешь, свинья ты грязная, ругать меня?! Сейчасъ горло пополамъ!

— Э, такъ вотъ оно что!—началь было Кузьма и теперь только сознавая свою ошибку, что не взялъ понятыхъ, онъ началъ задомъ пятиться къ двери.

— Говорятъ тебѣ нѣтъ денегъ! Когда будутъ—самъ принесу!... Про-о-очъ!!! Убирайся пока есть время, а то не пеняй, если, какъ борова, заколю!—подступая съ поднятымъ ножомъ къ Кузьмѣ, кричалъ Леонъ, строя притомъ такую ужасную мину на своемъ подвижномъ лицѣ, что Кузьма плюнулъ нѣсколько разъ, перекрестился, отворилъ что называется лбомъ дверь и дай Богъ ноги!

Леонъ, конечно, пошутилъ, но нельзя было ручаться за него, еслибы Кузьма не уступилъ ему.

Кстати слѣдуетъ упомянуть, что Леонъ былъ солдатъ, и не простой солдатъ, а какъ онъ самъ выражался: „унтер-офцеръ“ лейбъ гвардіи-какого-то полка. Онъ служилъ все время въ Петербургѣ, а потому естественно успѣлъ „натянуться петербургскихъ духовъ“ и, конечно, еще хуже заразился отвагою и дерзостью. Прослуживши въ солдатахъ восемь лѣтъ по старому положенію и уволившись въ отпускъ, онъ нѣкоторое время служилъ гдѣ-то на частной должности, а послѣ того, по его словамъ, объѣздилъ полсвѣта — для собственнаго удовольствія, проѣздилъ накопленные денежки и, въ концѣ-концовъ, возвратившись въ деревню, началъ работать.

Леонъ ходилъ въ лѣтнее время въ поддѣвкѣ, красной рубахѣ, форменной шапкѣ; зимою же надѣвалъ „хорошіе“ романовскіе полушубки, а по праздникамъ онъ облачался въ свои лейбъ-гвардейскія „формы“, носилъ часы съ серебряной цѣпочкой и, вообще, перерождался въ человѣка „цивилизованнаго“.

Захаръ, во-первыхъ, какъ человѣкъ не имѣвшій жены (оба брата были женаты, но женъ своихъ прогвали чуть ли не въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы), а во вторыхъ, по врожденному чувству любви къ франтовству, большею частью носилъ кумачныя рубахи. Братья имѣли двѣ избы, содержавшіяся всегда въ чистотѣ и опрятности. Въ одной избѣ жили

они, а въ другой—сестра ихъ Степанида. Захарь былъ не дурной плотникъ. Занимался онъ также подрядами, т.-е. поставкою рабочихъ на ближнія стекляныя фабрики и сахарныя заводы. Впрочемъ, по милости своего неугомоннаго характера, онъ „сухой“ и здѣсь не выходилъ. Правда, воровство и всѣ подобныя низости онъ отъ роду презиралъ, а такъ... все больше изъ-за характера! Директоръ ли его ругнеть, а онъ директора „распушить“—чортъ возьми какъ! Мужикъ его ругнеть—онъ мужига въ зубы и т. д. Были же минуты въ жизни Захара, когда онъ „до смерти“ ругалъ себя и сильно раскаивался въ своихъ необдуманныхъ поступкахъ.

— Люди изъ меня чорта сдѣлали!— необыкновенно раздраженный чѣмъ-либо говорилъ онъ.

Оба брата любили чистоту и опрятность; особенно любили они хорошо пожить... Леонъ бредилъ супами петербургскихъ кухмистерскихъ, заслужившихъ, повидимому, его полное вниманіе.

— Вотъ тамъ,—обыкновенно говаривалъ Леонъ,—возьметъ это тебѣ кухарочка, этакая-шельма краснощекенькая, въ бѣломъ передничкѣ,—немножко крупки, говядины тоже, перчику, имбирчику, лавроваго листа и этакаго разнаго... корешковъ... просто разлюли—малина! Хоть мало съѣшь, за то цѣлый день облизываешься, чуть пальцы себѣ не цѣлуешь! Да и легко такъ послѣ ходится! А то тутъ-то въ деревнѣ, Господи Боже праведный: „навармолить“ *) это „коверзѣ“ какал-нибудь пудовикъ горшокъ „бульбы“ **) или „крупени“ ***), а не то „кулешу“—жри, хоть подавись!...

Захару тоже не разъ случалось погулять и хорошенько покушать, почему и этотъ былъ заодно съ братомъ. Они сдѣлались желчны, раздражительны и неуживчивы со своими земляками, за что, въ свою очередь, служили мишенями деревенскому злословью.

— Кто, гдѣ своихъ лошадей бьетъ? Хайбусы! Чьи свиньи зады волочатъ съ избы? Хайбусовъ! Чьи ягнята, козлята и

*) Наготовить.

**) Каргофеля.

***) Крушнику.

прочее „молодое“ — на дворѣ зимою мерзнуть? Хайбусовъ! Такъ говаривалось въ Безымяновкѣ на счетъ Леона и Захара, не терпѣвшихъ общежитія съ собой овецъ, свиней и прочаго скота, этого неотъемлемаго условія жилища бѣлорусскаго крестьянина.

Братья при такихъ своихъ взглядахъ на вещи внушали Степанидѣ всѣ правила чистоплотности; но зато они же, еслибы уважали деревенскихъ бабъ, то развѣ только одну свою сестру, какъ добрую и опрятную дѣвушку.

Степанида, благодаря братскому попеченію и стремленію къ „хорошей“ жизни, а слѣдовательно и желанію „не ударить лицомъ въ грязь предъ какою-либо сволочью“, имѣла много сарафановъ съ плисовыми кабатами, обложенными галунами; нѣсколько ситцевыхъ юбокъ, тонкихъ сорочекъ, „парисскихъ“, платковъ, нѣсколько связокъ бусъ, перстней — даже серебряныхъ, затѣйливо вышитыхъ фартуковъ, сапогъ и прочаго „добра“. Бывало она, наряженная въ красный сарафанъ, въ красномъ платкѣ, который съ замѣчательной ловкостью сидитъ на ея головѣ и „какъ жаръ горитъ“, въ сапогахъ и тонкой „прокалевой“ рубахѣ, идетъ лѣтомъ въ церковь, въ сосѣднее мѣстечко и нельзя ею не залюбоваться!... „Вотъ дѣвка, такъ дѣвка, ажъ дорогу красить“! съ удовольствіемъ говорили про нее даже старики. Работой ее братья не неводили, а большею частью за послѣднія денегки нанимали поденщицъ на жниво и другія тяжелыя женскія работы. При такихъ условіяхъ чуть не барышней жила Степанида, пока окончательно не влюбился въ нее Степанъ, а она въ Степана.

Въ деревнѣ между крестьянскою молодежью много случаевъ къ сближенію... „ночлежки“, т.-е. собранія въ зимнее время къ какому-либо добродушному хозяину хлопцевъ и дѣвокъ, для работы вечерами: хлопцы обыкновенно плетутъ лапти, а дѣвки занимаются пряжей; „вичарухи“ и другія празднества молодежи; наконецъ, встрѣчи на работахъ въ полѣ, а по праздникамъ встрѣчи въ лѣсу, при собираніи грибовъ, ягодъ и орѣховъ. Всѣ такія простыя отношенія оказывали много вліянія на сближеніе Степана и Степаниды. Они давно отличали другъ друга, но что-то удерживало ихъ отъ скорого сближенія... они какъ будто стыдились одинъ другаго. Степанъ съ другими дѣвками

быль на распашку, „жартоваль“ съ ними „на пропалюю“, но со Степанидою не могъ и слова сказать, какъ слѣдуетъ. Увидить ли онъ ее—покраснѣеть, сердце такъ и застучить въ груди, и не знаетъ онъ „съ котораго конца начать“, т.-е. какъ съ ней заговорить и какъ держать себя... Степанида также не могла заводить съ нимъ рѣчей безъ явнаго смущенія, тогда какъ другіе хлопцы знали ея язычокъ!.. Точно приходилось нашимъ влюбленнымъ, но случай выручилъ ихъ. Было лѣто. Въ праздничный день Степанида съ подругами отправилась въ лѣсъ по ягоды. По тому обычаю, что хлопцы-женухи всегда ищутъ случая „намучить“ своихъ „невѣстъ“, т.-е. пожартовать съ ними и „отвести душу“ (само собою разумѣется, это дѣлается только по праздникамъ), Степанъ съ товарищами-хлопцами пошелъ на охоту, т.-е. на охоту съ ружьемъ за плечами, но съ думой въ головѣ другаго рода, потому что любовь стала ему не въ мочь и надо было искать какаго-либо выхода...

Случилось такъ, что Степанъ съ хлопцами настигли дѣвокъ въ густомъ лѣсу.

— Го, го, го! — закричали хлопцы и погнались за дѣвками. Дѣвки забѣжали, „запищали“, и разсыпались по лѣсу: дѣвки удирали, хлопцы догоняли и всякъ бѣжалъ за своей „невѣстой“, т.-е. за той, которая ему нравилась. Степанъ, чувствуя себя въ лѣсу нѣсколько развязнѣе, сломя голову бросился за Степанидою; —накинулся на нее, но она ловко увернулась и пустилась бѣжать дальше въ лѣсъ. Онъ не отставалъ отъ нея. Ружье зацѣпилось за деревцо, онъ машинально сбросилъ его съ плеча, рискуя сломать, и хотя не скоро, догналъ Степаниду.

— А ты чего хочешь? — запыхавшись проговорила она своимъ звонкимъ энергическимъ голосомъ и, полуоборотясь къ нему, обвела вокругъ глазами, какъ бы ища помощи. Но никого нигдѣ не было.

— Па-а-а-а-стой, па-а...а-а-а-а-а-стой... я тебя, —лѣзь къ ней Степанъ.

— Убирайся-ка ты подальше! видишь, прилѣзь! Небось и ружье потерялъ, ха, ха, ха! — тихо засмѣялась она, отталивая о тѣсебя его руки.

— Па-а-а-а-стой, па-а-а-а-стой, —твердилъ онъ смущенно.

— Пусти, а то закричу!

— А кричи себѣ, никто не услышитъ!

— Ага, вотъ ты какой молодецъ! — Убирайся же къ свиньямъ.

— Па-а-а-стой... погоди...

— Убирайся къ чертямъ! — энергично вырвалась она изъ его рукъ и, глядя куда-то въ лѣсъ, красиво перегибая станъ, начала оправлять богатыя косы, выбившіяся изъ-подъ платка. Грудь ея сильно волновалась, глаза чудно и какъ-то повелительно блестѣли, лицо было залито румянцемъ.

Степанъ сразу опѣшилъ и, опустивши руки, раскачивалъ лубкою, бывшею у него въ правой рукѣ, которую (т.-е. лубку) онъ успѣлъ отобрать таки у Степаниды. Ему казалось, что онъ боится Степаниды. Хотѣлось ему броситься къ ней, схватить ее и зацѣловать „до смерти“, а не то заплакать предъ ней. Онъ самъ не зналъ, что такое съ нимъ дѣлалось. Наступило молчаніе. Степанида вздохнула, повернула къ нему голову, улыбнулась... ей жаль было его...

— Вотъ, Степанида, ты меня обижаешь! — уставясь глазами въ землю, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Хо, хо, хо! давай-ка лубку! вишь какъ выдумывать началъ! А да и шапка на „потылицу“ *) слѣзла! — засмѣялась она и подарила Степана такимъ взглядомъ, что онъ чуть не потерялся.

— Скажи, Степанида, ты меня не любишь? — не то съ мольбою, не то съ горечью, пересиливая себя, проговорилъ Степанъ. Руки его дрожали и лицо было блѣдно...

— Ого, какой ты! давай-ка лубку... видишь, — ягоды разсыпалъ...

— Да я соберу... покраснѣлъ Степанъ: — и братъ, коли хочешь, тебѣ помогу, — прибавилъ онъ.

— Ой, не видала! сама наберу.

— Ну, скажи Степанида... чувствуя себя словно въ жарко натопленной печкѣ, началъ Степанъ и, перебросивши лубку съ правой въ лѣвую руку, потянулся было обнять ее.

— Вишь ты! — взглянула она ему въ глаза, потомъ огля-

*) На затылокъ.

нулась и краска залила ей лицо. Степанъ тихо обнялъ ее за станъ.

— Давай лубку!—слабо отстраняла она руку Степана и притворно - плачущимъ голоскомъ прибавила:—надо ягоды брать...

— Скажи любишь или нѣтъ?—отдамъ, а то не отдамъ!

— Слушай, отдавай! Да чего это тебя привязало ко мнѣ? Еще кто увидить... только однѣ сплетни могутъ выйти.

— Ну и пусть себѣ...

— Пусть себѣ!—передразнила она его: тебѣ хорошо говорить: „пустъ себѣ“, а я вовсе не хочу, чтобы про меня люди поговаривали.

— Я безъ тебя жить не могу!

— У-у-у!.. давай лубку!..

— Ну, скажи, скажи...

— Отвяжись ты отъ моей головы, вотъ присталь!

— Скажи-и-и...

— Отстанъ, говорю!

— Ну-же, ну! а то заплачу...

— Ха, ха, ха!—захотела она какъ-то нервно и лицо ея слегка поблѣднѣло. —А ты любишь?—прибавила она, стараясь быть равнодушной.

— Все равно какъ Бога! Ни жить, ни дышать безъ тебя не могу!..

— Ха, ха, ха!.. какъ бы и по правдѣ... а поглянись...—дѣлая видъ, что не обращаетъ вниманія на свои слова, разсмѣялась она.

— Вотъ! Степанъ перекрестился.

— Ври, ври! о, знаемъ мы вашего брата!—покраснѣла и опустила она глаза.

— Чего врать? не вѣришь?

— Вѣрь вашему брату!—слегка тряхнула она головой, но, взглянувъ на него, смутилась.

Степанъ еще поклялся какъ умѣлъ.

Издаലെка доносились звуки пѣсенъ; то подруги Степаниды брали ягоды; вѣроятно тамъ же были и хлопцы, прибывшіе со Степаномъ.

Грудь Степаниды все сильнѣе и сильнѣе волновалась, руки слегка дрожали, а румянецъ все больше и больше заливалъ

ей лицо. Степанъ смотрѣлъ на нее, обмиралъ, задыхался... Лубка упала изъ его рукъ... Онъ потянулъ Степаниду къ себѣ.

— Ну-у-у... — промолвила она и слезы закапали у нея изъ глазъ; нѣсколько изъ нихъ упало на руки Степана.

Блѣдный Степанъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на нее и вдругъ сжалъ ее въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, потомъ началъ осыпать поцѣлуями ея щеки, губы, глаза, лобъ и руки. Она хотѣла сопротивляться и не могла. Степанъ посадилъ Степаниду къ себѣ на колѣни.

Солнце, золотыя стволы деревьевъ и зеленые верхушки могучихъ сосенъ, стояло уже близко къ западу. Дятлы стучали въ лѣсу какъ дровосѣки. Синички, шурша своими тоненькими ножками о стволы деревьевъ, метались по деревьямъ, кустамъ, травѣ и слабо пищали. Гдѣ-то лѣниво куковала кукушка. Въ лѣсу было торжественно-тихо и невыразимо-хорошо. Наши влюбленные долго еще сидѣли и разговаривали о чемъ попало. Степанида, казалось, цѣлою головой выросла; она, не стѣсняясь, уже опиралась о плечо своего избраннаго и, блѣднѣя и краснѣя, болтала ему безъ умолку, какъ давно его любила и какъ ей хотѣлось поговорить съ нимъ... Голосъ ея сдѣлался точно серебряный и звучалъ въ ушахъ Степана какъ само очарованіе.

— Ну, и любовь же эта, Господи Боже мой! не даетъ она покоя ни на минуту! А какъ увижу тебя или встрѣтися гдѣ, то всю меня такъ и подмываетъ и подмываетъ... и сама я не своя... того и смотри сердце выпрыгнетъ изъ груди!

Уже поздно вечеромъ возвратились они домой; причемъ ружье Степана отыскали уже вмѣстѣ, а ягоды и оставшіяся въ лубкѣ, поразсыпали.

Съ этихъ-то поръ и началась ихъ любовь дѣйствительная. Степанида дарила Степану „кисеты“, затѣйливо вышитые; ткала для него великолѣпныя „тесѣмки“ съ „китицами“ и проч. Онъ же покупалъ ей платки, полусапожки и т. п. д. вещи. Словомъ они жили, какъ „свои“. Другіе парни продолжали увиваться около Степаниды, но довольно было ея доброй ругни, чтобы ухаживатели эти, какъ говорится, „заворотили назадъ оглобли“ и болѣе не беспокоили ее.

Въ теченіе полгода, послѣ рассказанной сцены въ лѣсу,

все текло какъ по маслу. Степанъ и Степанида были, что называется, на седьмомъ небѣ. Часто они ухитрялись видѣться, говорили, разсуждали, какъ они вмѣстѣ жить будутъ, цѣловались, миловались и, вообще, предавались всеѣмъ нѣжностямъ и наслажденіямъ любви. Время шло незамѣтно. Степанъ рѣшительно началъ подумывать о своей будущности. Не разъ хотѣлось ему поговорить о всеѣмъ съ Кузьмою. Случай представился. Начали ходить по Безымяновкѣ про Степаниду нехорошіе слухи. Пошли ябеды, сплетни, перешептыванія, пересуды. На это, конечно, очень способны деревенскія „сокотухи“ *). Дошли эти слухи и до ушей Кузьмы. Кузьма, не долго думая, началъ бранить Степана. Произошла крупная ссора.

— А не быть этому ни во-вѣки вѣговъ!—въ заключеніе прогремѣлъ Кузьма, рѣшившись во что бы ни стало „образумить молокососа“.

Относительно Степана у Кузьмы были свои планы и виды, именно: онъ предвидѣлъ, что послѣ женитьбы Степана между ними раздѣлъ не минуемъ. Поэтому и вслѣдствіе своей „натуры“, стремившейся все къ „лучшему“, не могъ онъ согласиться, чтобы его дворъ, его „праца“, былъ перегороженъ и три надѣла земли „батьковщины“ раздѣлены были на „дудки“, т.-е. полосы, на которыхъ, какъ всякій можетъ понять, пахать, боронить и, вообще, работать—чистая бѣда и напрасная потеря времени. При всеѣмъ томъ ему вовсе не хотѣлось, чтобы „враги его“, Леонъ и Захаръ или сестра ихъ, что одно и то-же (такъ думалъ Кузьма), чѣмъ-либо пользовались на его счетъ... Главное же, онъ не допускалъ мысли родниться съ ними. Женись Степанъ на Петраченковой дѣвкѣ, которую сваталъ за Степана Кузьма и сама Кузьмиха, но о которой Степанъ и слышать не хотѣлъ, пожалуй, Кузьма и согласился бы, хотя, конечно и со слезами на глазахъ, подѣлить свое „добро“... Во-первыхъ, Петраченковы дали бы хорошее приданое, а во-вторыхъ, они хорошіе люди, т.-е. богачи, — въ лишнее не полѣзали бы и, навѣрное, постыдились бы вмѣшиваться въ раздѣлъ или упрекать его, Кузьму, за малый выдѣлъ иму-

*) Волтуха.

щества Степану... сами вѣдь знаютъ, какъ что наживает-ся! А то какъ знать? Женись Степанъ на Степанидѣ, т.е. пожалуй, ему, Кузьмѣ, не избѣжать „стычки“ и съ самимъ Леономъ или Захаромъ, а это, конечно, было бы не очень пріятно... А тамъ, чего добраго, начнутъ требовать части денежекъ, такъ какъ все же и Степанъ работалъ не хуже его, Кузьмы. Этотъ послѣдній „пунктъ“ подѣль ставилъ Кузьму совершенно въ тупикъ.

— А ну,—думалось ему,—въ самомъ дѣлѣ, привяжутся?... Заведется тѣжба, пойдетъ тасканье по судамъ... одна срамота да трата времени!

Думалъ объ этомъ „пунктъ“ Кузьма, крѣпко думалъ; однако, хотя и законовъ онъ точно не зналъ, ни разу не додумывался до того, чтобы кто-либо могъ осмѣлиться раздѣлить его „кровавыя“ денежки между нимъ и братомъ. Иногда приходило ему въ голову, что если уже на то пойдетъ, сохрани Богъ, то подѣлять пополамъ ихъ имущество, а до денегъ дѣло не дойдетъ... Кто же могъ знать, сколько этихъ денегъ у него имѣется? „Собака брешеть, а владыка ѣдетъ“, невольно повторялъ онъ про себя народную поговорку.

При такомъ выводѣ не разъ рождалась въ его мозгу и такая мысль, что не лучше ли моль, подѣлиться пополамъ и развязаться съ „поганимъ“ дѣломъ? Съ разныхъ сторонъ ощупывалъ онъ этотъ важный для себя вопросъ, подводилъ всевозможные резоны, обсуждалъ выгоду всѣхъ послѣдствій, неизбежныхъ въ этомъ дѣлѣ... „Надо!“—говорилъ ему какой-то голосъ. „А надѣлы? а дворъ? а имущество? да и самому моль придется въ полѣ „воевать“, а не сидѣть дома и работать колеса?!“—щебеталъ другой. Эти новые вопросы произвели колебаніе въ рѣшительности Кузьмы и, пока что, онъ пустился на русское дураломное „авось“, т.е. инстинктивно „упѣрся“: что будетъ того не миновать, а все-таки мы-де, коли ежели что, сумѣемъ еще потягаться! Братья, сами того не замѣчая, начали тщательно слѣдить другъ за другомъ. Кузьмиха, какъ продувная баба, начала играть въ этомъ дѣлѣ важную роль. Кромѣ того, что съ глазъ не спускала Степана, она „наусьгивала“ своихъ дѣтей, которыя, конечно, старались угодить мамкѣ и во всѣ глазенки слѣдили за дѣйствіями своего дядьки. Въ субботу, наканунѣ проис-

шедшей драки, едва не окончившейся такими печальными послѣдствіями для Степана, Кузьмихъ удалось открыть „похоронку“, т.-е. деньги двадцать рублей, которыя Степанъ припряталъ въ жестяной коробкѣ на веревѣ въ конюшнѣ. Конечно, заботливая супруга тотчас передала свою „находку“ своему супругу. Съ общаго совѣта они рѣшили не отдавать денегъ Степану.

— Пусть-ка кто-либо другой наживетъ такія деньги, а въ нашемъ хозяйствѣ это не трудно,—разсуждали они.

Спихватился Степанъ своихъ денегъ и привязался къ Кузьмѣ...

Кузьма сперва началъ было „зубоскалить“, а потомъ и ругаться. Степанъ не смолчалъ на этотъ разъ,—произошла ссора и описанная драка, послѣ которой, понятно, нельзя было ожидать ничего хорошаго.

V.

Прошло дня три послѣ драки безымяновскихъ богачей. Въ теченіе этого времени Степанъ не показывался на своемъ дворѣ, а жилъ и кормился у сборщика, за что помогалъ тому работать. Что касается Кузьмы, то онъ, слѣдуя благоразумной пословицѣ, что „плохой миръ лучше всякой ссоры“, нѣсколько разъ являлся въ хату къ сборщику и упрашивалъ Степана возвратиться домой. Просьбу свою Кузьма выражалъ въ самой наигрубѣйшей формѣ, вѣроятно съ цѣлью замаскировать свое униженіе и испытать надъ братомъ силу своего вліянія.

Степана въ свою очередь возмущало такое обращеніе, но онъ отмалчивался, рѣшившись избѣгать всякаго спора.

Надо имѣть въ виду и то, что сборщикъ вмѣстѣ съ другими „покровителями“, выискавшимися изъ среды безымяновцевъ, успѣлъ внушить Степану мысль, что рано или поздно, но ему придется раздѣлиться съ Кузьмой. Къ такимъ доводамъ покровителей присоединялось и собственное задушевное желаніе Степана: освободиться поскорѣй отъ опеки Кузьмы и зажить свободной жизнью, жизнью съ женой Степанидой!

— Они тебя на путь наведутъ! имъ завидно, что мы хозевами жили, такъ вотъ и хотятъ насъ разорить! Пошелъ домой, говорю тебѣ!—кричалъ Кузьма на брата во время своихъ упрашиваній, подозрѣвая вліяніе на послѣдняго, какъ сборщика, такъ и другихъ безымянныхъ „гадовъ“.

— Да Богъ съ тобой! Нечего намъ ссориться да драться! Въ батракахъ люди почище нашего живутъ и хлѣбъ-соль ѣдятъ! Нечего „зубы заговаривать“...—отворачивался отъ него Степанъ.

— Гадъ ты и дурила набитый! Не знаешь ты еще жизни! Постой, погоди-тка: некогда за шлюхами будетъ таскаться! Узнаешь, какъ вкусенъ свой хлѣбъ!—говорилъ Кузьма; но видя напрасную трату своихъ словъ, съ досады плевалъ и уходилъ важной поступью домой.

— Вотъ, разорять таки враги, не дадутъ пожить, подобьютъ его! Эхъ, голотва, голотва!—возвращаясь съ непріятной „комиссіи“ въ свою избу, ворчалъ Кузьма.

— Такъ и пуцай дѣлять, а-я-я-я! вотъ важность-то такая,—услыша ворчанье супруга, вдругъ начинала „соко-тѣть“ Кузьмиха,—что я ему рубашки буду шить, да штаны его поганые обмывать? и такъ, слава Тебѣ Создателю, на себя едва управляешься работать, а мои „руки не куки“. Хвалить Бога, что на „жратву“ успѣваешь наварить, да наготовить!... Вотъ, какъ „своя“ *) будетъ, такъ и пуцай одѣть его!... „Возь съ коня—коно легче!“...

— Атъ!... сказано: баба дура!—вздыхалъ Кузьма, раздраженный неразсудительностью своей жены; послѣ чего, взглянувъ куда-либо въ потолокъ, онъ опускалъ глаза въ землю, стаскивалъ съ себя армягъ и начиналъ искать подъ лавкой какого-либо клена, придумывая себѣ работу или занятіе. При этомъ онъ, по привычкѣ, ворчалъ что-то про себя, по всей вѣроятности,—ругалъ безымянныхъ „подлецовъ“ и „лиходѣевъ“. Кузьмиха продолжала что-либо щебетать и даже, видя невниманіе къ ея словамъ своего благо-вѣрнаго, она принималась ругать и его самого; но Кузьма не обращалъ на нее рѣшительно никакого вниманія. У него было на этотъ счетъ сильное убѣжденіе, что „отъ бабы,

*) Своя жена.

какъ отъ сатаны, не отцѣпишься, только войди съ ней въ споръ“.

Мысль Кузьмы по поводу „мошенника“ Степана и своего неловкаго положенія энергично работала. Онъ хорошо со-знавалъ, что безымяновцы его не любятъ и хотятъ какимъ бы то ни было способомъ „поровнять“ съ собою, потому-де, что и имъ, какъ и всякому человѣку, не хочется быть ниже другихъ... Онъ былъ глубоко увѣренъ, что они воспользуются разрывомъ его съ братомъ и сумѣютъ убѣдить послѣдняго потребовать раздѣла.

Деньги свои Кузьма на этотъ разъ мысленно оставилъ за собою всѣ сполна, потому что, какъ онъ думалъ, никакая „свинья“ не заставитъ отдать брату часть его „кровавыхъ“ денежекъ. Что же касается имущества и земли, онъ додумался до того, что во имя „чистой совѣсти“ надо было бы отдать Степану половину... Но тутъ пришли на мысль слова, сказанныя предъ своимъ обществомъ, что половины онъ никогда Степану не выдѣлитъ и такимъ образомъ, чтобы не уронить себя, Кузьмѣ осталось опять пуститься на „авось“ и ожидать сказау у времени. Если же, думалось ему, Степанъ начнетъ слушаться „гадовъ“ да съ нимъ, Кузьмою, не помирится и заведетъ дѣло судебнымъ порядкомъ, то тогда ужъ пенять будетъ не на кого и ему, сказавши себѣ, „живо пропало!“—придется дѣйствовать.

Однако развязка послѣдовала скоро; именно на пятое утро послѣ драки и ухода Степана въ „прѣчки“ къ сборщику.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство: на дворъ богачей явился сельскій староста, въ сопровожденіи сборщика, понятыхъ и самого Степана.

Кузьма въ это время обряжалъ лошаденку и, видимо, собирался куда-то уѣхать.

— Здравѣе, богачь!—обратился староста къ Кузьмѣ, съ-скоса посматривая на медаль, болтавшуюся на своей груди.

— Здравѣе, коли не шутишь...—полуоборотясь и опуская руки проговорилъ Кузьма, причемъ презрительно-саркастическая улыбка разлилась по его слегка поблѣднѣвшему лицу.

— Что, собираешься куда поѣхать?—спросилъ ухмыляясь староста.

— Думали.

— А!... а мы вотъ къ тебѣ... писарька даже прихватили... Онъ, писарекъ-то этотъ, три года въ училищѣ обучался, такъ оно, кажется, сумѣеть... эту, какъ её, „рахметику“— „подсупонить“! *)—указалъ староста на мальчика веселаго вида, державшаго въ правой рукѣ сложенный вчетверо листъ писчей бумаги, а въ лѣвой карандашъ.

— А!... да теперь этихъ писарей развелось... нечего свазать... хоть изгороди ими города! Главное только чтобы хватило, что записывать!—ослабился Кузьма.

— Да, оно, положимъ, такъ... А вотъ, какъ вы теперь думаете быть?— обратился вдругъ серьезно староста къ Кузьмѣ.

— Что такое.

— Да съ братѣнникомъ же?!

— Такъ за чѣмъ же дѣло остановилось?

— Да на счетъ дѣлежу!

— А какаго дѣлежу?

— А развѣ ты не знаешь?

— А почему мнѣ знать? коли сказываете, такъ должны больше меня знать...

— Да на счетъ дѣлежу вашего имущества!—почти сердито произнесъ староста.

Кузьма на мигъ опустилъ глаза; злобно-насмѣшливая улыбка заиграла на его губахъ.

— Ну, что-жь... дѣлите себѣ, коли ежели собрались... Вѣдь оно, какъ говорится, даромъ ноги „сбивать“ не слѣдуетъ... Взять, да и подѣлили... Дѣло простое!—какъ-то полусонно процѣдилъ онъ.

— Ну, ты самъ долженъ „разобраться и раздѣлиться“ побожески, какъ „законъ“ велить, а мы уже „посвѣтчимъ“, да и на счетъ запису, коли тое... постараемся, — улыбнулся староста.

— Слава Богу, что нанимать не приходится... сами люди добрые нашлись!—ядовито усмѣхнулся Кузьма.

— Ну, мы безъ шутокъ!—обидѣлся староста и соорилъ начальническую мину.

— Да чего-жь шутить: дѣлите себѣ... о, о!—повель Кузьма

*) Сосчитать.

вокругъ рукою и глазами, какъ бы указывая на свое имущество.

— Ну, такъ того... сейчасъ или обождемъ?

— Это уже дѣло ваше!—заклучилъ Кузьма и, съ рѣшительностью ударивъ кнутомъ лошаденку, началъ выѣзжать за ворота на улицу.

— А ты куда?—вскричали почти разомъ староста и понятые.

— А чего-жь! волкъ медвѣдю не товарищъ! Вы свое дѣло будете дѣлать, а я свое. У меня тоже „не бахъ-барарахъ“*),— работы полны руки... Сидѣть дома некогда! Но-о-о!—крикнулъ онъ сурово на лошаденку и задергалъ возжами.

— Да стой... ты! Какъ же такъ? Безъ тебя намъ по закону, значитъ, ничего нельзя дѣлать.

— Какъ хотите...

— Да ты не упрямься, а то мы тоже начальники; ничѣго, что ты богачъ!—началь староста, поправляя медаль на своей груди, хотя она нисколько въ томъ не нуждалась.

— Да я никому ничего не долженъ, а потому по самому и бояться мнѣ кого бы то не было нечего... Но-о-о!—крикнулъ Кузьма, сильно тряхнувъ возжами. Ретивая лошаденка рванулась.

— Стой, стой!—загородили дорогу понятые.

— Да куда ты такъ „распрындился“**)? А, видно не хочется дѣлиться, а?—засмѣялись нѣкоторые изъ понятыхъ.

— Пусти, говорю!—вдругъ вспылить Кузьма:—что это разбой или что?

— Какой тебѣ разбой, порядокъ дѣлай, вотъ что!—отозвался Степанъ.

— А! ты порядковать началъ, такъ постой же! Я хотѣлъ съ тобою по чистой совѣсти розобраться, а ты разбоемъ? Не совладаешь! Не съ тѣмъ связался, не сгрозишь! Послушай ты эту „мордву“, да погнался за „шкурою той“, ну и гоняйся-жь! Доведутъ они тебя до ума, нечего сказать!

— Да не заговаривай ты зубовъ! Видите-ли староста и вы, добрые люди, что дѣлается, а? — развелъ руками Степанъ.

*) Не трахъ-тарарахъ—не безразсудно.

**) Разогнался.

— Но-о-о!—медвѣдемъ заревѣлъ Кузьма на лошаденку и ужъ безпрепятственно выѣхалъ за ворота.

— Захотѣлось тебѣ „науки“, ну такъ не пеняй! Ты широкъ тутъ только, въ Безымяновкѣ, такъ я поѣду другой „справы“ искать! Пять верстъ до волости—не большой кругъ! Одно на другое выйдетъ! Не сгрозишь! Погоди-тка, а мы уже постараемся, научимъ тебя, сокола ясного!—кричалъ Кузьма, направляя свою лошаденку вдоль по деревенской улицѣ.

— Вотъ и ожидайте толку... Старосты знать не хотятъ!—какъ бы ища защиты у старосты и понятыхъ, развелъ руками Степанъ.

— Да что ему... „свѣтъ не завязанъ“! Онъ таки въ волости съ старшиною и съ писаремъ, въ ротъ ему... хмъ... Только это не по закону... хмъ!—важно замоталъ головою староста, снимая со своей груди медаль, какъ уже лишнюю.

Понятые горячо начали завѣрять Степана, что они за него „горой“ постоятъ и ужъ ни за что не допустятъ торжествовать Кузьмѣ.

По тому обычаю, что за трудъ требуется вознагражденіе, чувствуя при томъ не хорошо у себя на душѣ и, слѣдовательно, ища необходимаго утѣшенія, Степанъ пригласилъ старосту и понятыхъ въ корчму, выпить „за трудъ—за прѣдцу“. Послѣ чего всѣ отправились къ Ицкѣ.

VI.

Изъ волостного правленія, какъ водится, былъ полученъ въ Безымяновкѣ приказъ, пересланный чрезъ Кузьму же. Приказъ этотъ гласилъ о томъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье, въ извѣстные часы (устройства и значенія которыхъ въ Безымяновкѣ никто, кромѣ Ицки и Леона, не понималъ), сборщикъ вмѣстѣ съ Кузьмой, Степаномъ и еще нѣсколькими извѣстными безымяновцами явились въ „присутствіе“. Хотя въ приказѣ „глухо“ было сказано: „выслать и явиться самому сборщику“, но всякій могъ понять, что если требуются мужики въ волостное правленіе въ воскресный или праздничный день, то не для молитвы и не для какихъ-либо

богобоязненных назиданий, а непременно на судъ или для „дѣрки“. Воскресенья и нѣкоторые праздники, какъ извѣстно, дни тяжелой работы для волостного начальства. Сколько мужиковъ передеруть, засудятъ,—не говоря уже о ругательствахъ и всевозможныхъ сквернословіяхъ въ эти дни по волостнымъ правленіямъ—это дѣло „статистики“. Несомнѣнно одно: если бы считать лишь непристойность всего этого въ праздничные дни за грѣхъ и если бы, по принятымъ обычаямъ, можно было „откупливаться“ отъ грѣховъ, то во первыхъ, потребовались бы цѣлыя полчища людей кающихся и молящихся и во вторыхъ, на содержаніе этихъ полчищъ понадобился бы громадный капиталъ, который надо было бы какъ либо и откуда нибудь выручить!

Какъ вся молодежь вообще, чуждающаяся правительственныхъ учреждений и не имѣя понятія о волостныхъ судахъ, Степанъ сперва перетрухнулъ. Онъ зналъ въ лицо старшину „Микиту Микитыча“, писаря Ивана Еремѣевича и помощника писаря, потому что они часто бывали у нихъ, т.-е. у Кузмы — въ гостяхъ. Также, нѣсколько разъ въ жизни своей Степанъ проѣзжалъ мимо своего волостного правленія, т.-е. дома, на которомъ красовалась красная вывѣска; но ему тогда мало было дѣла до всего этого. Онъ вслѣдствіе своей безграмотности даже въ первое время не отличалъ волостного правленія отъ мѣстечковаго кабака, такъ какъ и на томъ висѣла такая же красная вывѣска, да и самый домъ кабака, высматривалъ какъ-то по благопристойнѣе...

Къ отбытію воинской повинности Степанъ не ѣздилъ, благодаря знакомству и ходатайству Кузмы. Лошадей же для обмѣриванія „подъ войну“ водили обыкновенно батраки. Слѣдовательно, Степанъ не имѣлъ случая покороче познакомиться съ волостнымъ правленіемъ. Теперь же, очевидность близкаго знакомства со всѣмъ этимъ и притомъ со знаніемъ—быть судиму, сильно безпокоили его. Онъ не переставалъ думать о своемъ положеніи и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ страшнѣе и страшнѣе казалась ему мысль объ этомъ. Такъ, иногда, „задумавшись“, шелъ Степанъ къ Ицкѣ и, что съ нимъ никогда не случалось, выпивалъ стаканъ „сивухи“ и тѣмъ разгонялъ свою тугу.

— Ну, какъ, дядя, чья возьметъ?—спрашивалъ онъ нерѣдко сборщика, причеиъ улыбался не совсѣмъ довѣрчивой улыбкой, ясно говорившей, что его увѣренность въ своей правотѣ, т.-е. въ справедливомъ рѣшеніи суда, сильно колеблется.

— Ничего! Не безпокойся, братецъ! Мы за тебя горой! Вся деревня скажетъ, что ты ни въ чемъ не виноватъ. Ничего, говорю тебѣ, не бойсь!—утѣшалъ его сборщикъ.

За подобное утѣшеніе Степанъ не разъ зазывалъ сборщика, какъ своего благодѣтеля, къ Ицкѣ... Тамъ они выпивали и совѣщались, а не то мечтали о томъ, какъ оставить Кузьму съ носомъ и какъ впоследствии посмѣются надъ нимъ.

Но вотъ наступило и роковое воскресенье. Рано утромъ, Степанъ и сборщикъ съ нѣсколькими безымяновцами, взятыми въ „свѣтки“*), собрались и отправились пѣшкомъ въ свою волость. Дорогою имъ, конечно, попадались знакомыя деревеньки съ кабачками, въ которые наша „судовая коммиссія“, по чести сказать, заходить воздержалась. Свидѣтели или „свѣтки“ пробовали „голдѣть“, что имъ интересу мало во всемъ дѣлѣ богачей, а задаромъ ходить, да еще съ пустымъ желудкомъ, совсѣмъ не составляетъ удовольствія. Кромѣ того, подходя почти къ каждому кабаку, они „заикались“ на счетъ размягченія языка, т.-е. высказывались, что моль, для „смѣлости“ не мѣшало бы выпить.

— Ну, братцы-ребятцы, послѣ уже! Теперь и вамъ, свѣткамъ, волостью за проходъ на суды присуждается плата по положенію. Теперь вѣдь, что ни дѣло, то и положеніе! Теперь отъ малаго до бабы, а о насъ, муцинахъ, и говорить нечего,—всѣ знаютъ, что за штука это положеніе! Надо-жъ и честь знать! Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, „ни съ тиха—ни съ лиха“ въ волость „разуями“ явиться... А тамъ еще, „на случай мастера нѣтъ“, пожалуй старшина затылокъ „намылить!..“ такъ вотъ что! Лучше натошакъ дѣло сдѣлать, а тамъ и того... Степанъ не пожалѣетъ угощенія!—говорилъ въ назиданіе „свѣткамъ“ сборщикъ.

*) Въ свидѣтели.

— Оно-то, точно того! — соглашались тѣ и оставляли Степана въ покоѣ. Чѣмъ ближе подвигались къ волости, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе постукивало сердце Степана. Наконецъ достигли и волостного правленія. Весь дворъ и площадь около этого правленія, представляющіе въ будни одну пустырь, на которой паслись свиньи и другой мелкій скотъ, теперь были запружены крестьянскими телѣгами и лошадьми. Кучки мужиковъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ разговаривали, спорили или же отчаянно бранились и, въ этомъ случаѣ, отборная ругань наполняла воздухъ. У телѣгъ изрѣдка „пёрскали“ лошаденки, усердно жуя сѣно или солому, небрежно подброшенные имъ подъ морды судившимися хозяевами. Въ сѣняхъ волостного правленія была давка; дверь въ канцелярію была отворена настежь, такъ какъ и тамъ толпилась масса народа. Въ этихъ двухъ мѣстахъ — сѣняхъ и канцеляріи — стоялъ такой содомъ отъ криковъ и ругательствъ, что, по всей вѣроятности, всякое чувство любителя по этой части (можно надѣяться, что такихъ любителей много во всѣхъ сословіяхъ), вполне было бы удовлетворено. Степана все это на первый разъ совершенно ошеломило. Прошло болѣе минуты, пока онъ пришелъ въ себя и началъ различать отдѣльные споры.

— Какъ же это можно, ни за что, ни про что — девятнадцать розогъ присудить? Онъ же не воръ и не разбойникъ — какой-либо; онъ вѣдь честный человѣкъ; а коли ежели онъ во время не отработалъ, такъ виноватъ не онъ, а его безсилье! — горланилъ въ сѣняхъ здоровый, толстый, рыжій мужикъ.

— Какъ не такъ! Онъ по условію обязался, такъ и исполняй! Вотъ какъ подсыпать „жару“, такъ и будетъ знать! — какъ-то „поэтично“, закатывая глаза подъ лобъ и улыбаясь веселой улыбкой, возражалъ молодой человѣкъ въ драповомъ сюртукѣ. Въ рукахъ его болталась нагайка, свидѣтельствовавшая, что обладатель ея былъ никто иной, какъ прикащикъ какого-либо помѣщика.

— Обязался! Да Бога-жь и крестъ во лбу надо имѣть! У него самого дѣти „покорѣли — погорѣли“ и съ голоду опухли... своя нивка не начиналась пахать! Да и нездо-

ровъ онъ долгое время былъ... А ваше дѣло панское, не обѣднѣете! Онъ коли-ежели во время себѣ не сработалъ, да не посѣялъ, такъ пропадать или по старцамъ волочиться придется... А вашему брату, если бы и на другой годъ отработалъ, и то бы не бѣда!... „Въ соху“ не полвзете и безъ хлѣба сидѣть не будете! Притомъ, правду сказать, и плату даете вы такую, что это обманъ, а не плата!

— Ну, ну, это не намъ съ тобой разсуждать! Присудили—изволь получить! О, вишь, онъ уже и губы распустилъ, словно „мамонова кобыла“, на тебя глядя... А на работу начнешь его выгонять, то просто „за хвостъ не поймаешь“! Духи повывиваешь, пока выпроводишь его изъ дома. О, знаемъ мы вашего брата! Вотъ, какъ „напишутъ“ ему раздругой, гдѣ слѣдуетъ, то поглядимъ, какъ онъ у насъ не отработаетъ!—заклучилъ прикащикъ, окинувъ насмѣшливо взоромъ тощаго, тупо и безцѣльно куда-то въ полъ смотрѣвшаго въ изорванной „ризинѣ“ *)—мужика.

— Охъ, колибъ-ежели—не унимался тотъ же рыжій мужикъ, видно имѣвшій намѣреніе подзадорить прикащика и защитить хоть въ глазахъ „публики“ тощаго мужика, ты со своимъ паномъ на меня, грѣшнаго, нарвался, такъ я поводить бы васъ за носъ! Есть, слава Богу, довольно и главнаго начальства!.. Последнее продалъ бы, а вамъ не поддался! А то съ нимъ что? Поглядите всѣ люди добрые на этого чловѣка!.. Онъ одиночка, съ духу выбился совсѣмъ; онъ нездоровяка и, того смотри, въ могилу свалится... Съ нимъ все можно!

— Съ тебя бы мы деньги взыскали, а съ него что? Почитать его, ну и пусть помнитъ!—гордо произнесъ прикащикъ и ушелъ въ канцелярію.

Нѣтъ, какъ же это! оралъ кто-то въ самой канцеляріи: коли-ежели ему наши надѣлы перешли, то и „другія“ повинности долженъ онъ платить. А то съ какой же это стати онъ надѣлы держать будетъ, а мы за все это плати... Да что тутъ „того“ путать! Мало чего, батька, коли-то ему надѣлы продалъ, а намъ же не въ водѣ потопиться, мы тоже ѣсть хотимъ! Онъ все-таки достатокъ имѣеть, а мы и „при-

*) Изношенная свитка.

станция“ никакого нигдѣ не имѣемъ. Откуда же, съ какихъ источниковъ, мы будемъ брать деньги да платежи платить! Развѣ это судъ?!

— Да, дурная твоя голова! Условіе форменное съ твоимъ батькой Павелъ заключилъ. Надо было бы твоему батькѣ „воронъ не ловить“, да помнить, что у него наслѣдники есть.

— Мало чего батька! Его можно было напоить; онъ тогда съ „панталыку“ и съ хозяйства совсѣмъ сбился. Онъ, можетъ-быть, самъ не зналъ, что дѣлалъ... Его, можетъ-быть, силой заставили... а мы же чѣмъ виноваты?

— Тагъ заплати по пятьдесятъ рублей съ надѣла, да и бери ихъ, да и садись на хозяйство!

— Гдѣ-жѣ я возьму эти деньги? Мало чего твой судъ присудилъ! Павелъ пользу имѣлъ съ нашихъ надѣловъ... вѣдь это ужъ который годъ, какъ онъ на наши надѣлы взобрался... Вѣдь онъ кормился, пока мы не выросли.

— Да по условію неустойка поставлена, притомъ Павелъ обрабатывалъ и удабривалъ надѣлы.

— Да онъ же и сосалъ ихъ!

При подобныхъ жужжаньяхъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ и при крикѣ самого старшины, „гонявшаго“, повидимому какихъ-то помѣщичьихъ недоимщиковъ, Степанъ долго не могъ собраться съ мыслями и наполовину позабылъ о своемъ дѣлѣ, по которому пришелъ въ волость.

Прошло еще нѣсколько времени. Безымяновцы пробрались кое-какъ въ канцелярію.

За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ и заваленнымъ книгами и бумагами, сидѣлъ помощникъ писаря и урядникъ-еврей. Оба они съ улыбкою и любопытствомъ посматривали на безымяновцевъ и особенно на Степана. Степанъ замѣтилъ, что старшина, расправившись съ „негодяями-недоимщиками“, тоже подошелъ къ столу и тутъ-же, перемигнувшись съ помощникомъ и урядникомъ, вскинулъ на него глазами. Вдругъ, словно изъ подъ пола, рядомъ съ старшиною, появился Кузьма.

— Вотъ онъ! — тихо проговорилъ Кузьма старшинѣ, причемъ гордо повелъ головою и злобно-насмѣшливымъ взглядомъ смѣрилъ брата и безымяновцевъ.

Старшина, помощникъ и урядникъ уставились на Степана

глазами, которому, казалось, лучше было-бы провалиться сквозь землю, чѣмъ испытывать на себѣ дѣйствіе этихъ шести глазъ.

— Старшина, Никитевичъ! Нужно нѣкоторыя рѣшенія въ исполненіе привести! Вотъ хоть выпороть... Ихъ, чортъ поberi, многонько таки накопилось!.. Приказы писаны и разосланы... Ну, явились за „получкой“, что-ли?—заговорилъ скороговоркой писарь, вышмыгнувшій изъ волостной „камеры“, гдѣ онъ записывалъ рѣшенія суда.

— А кто-же тамъ... хмъ... хмъ...—процѣдилъ старшина на-смѣшливо, какъ-бы заранѣе утѣшаясь мыслью видѣть „потѣху“.

— Да вотъ, хоть-бы первому... Ивану Лобзаку изъ деревни Тарани—19 розогъ, Корнѣю Филимонову изъ Жерновки 19 розогъ, Ивану Лапуцаку изъ той-же деревни—15 розогъ...

— А!—прервалъ старшина;—это что у Янкеля бересту не выдрали?

— Да, да!.. пока этихъ, а тамъ еще читаю... Ну, Никитевичъ, живо-о-о!—заключилъ писарь и опять скрылся за дверью „камеры“.

— Эй вы, старосты, чули? Представили виноватыхъ?—произнесъ старшина, озирая толпу.

— Чули!—отозвались два голоса и два старосты съ медалями на грудяхъ медленно выступили изъ толпы.

— Есть? приставили?—переспросилъ старшина.

— Есть, какъ-же! мы приказы исполняемъ, какъ слѣдуетъ.

— А позовите-ка ко мнѣ волостного сторожа!—важно произнесъ старшина.

Одинъ изъ старостъ бросился въ сѣни. Скоро въ канцелярію вошелъ и самъ сторожъ: низенькій, но крѣпко сложенный старичокъ, съ вѣчной улыбкой на высохшихъ губахъ и съ морщинистымъ „въ кулачокъ“ лицомъ.

— Ну, Харитонъ, тутъ „обутюжить“ хорошенько надо... цѣлую тройку... Славная троечка! Два Ивана и одинъ Кирюшка! А тамъ, можетъ быть, Господь и еще пошлетъ! Да знаешь, Харитонъ, хорошенько нужно подкалупить того... въ науку „прочимъ-малымъ“; пущай знаютъ, какъ супротивъ закона ходить!—наставлялъ старшина своего сторожа.

— Я... я... постараюсь, Микитьевичъ! — залепеталъ старичокъ.

— Да, мы знаемъ тебя! Хоть и старъ, да въ этихъ штукахъ молодца за поясъ заткнешь! Вѣдь уже который годъ у насъ, такъ оно, само собою разумѣется, дѣло знакомое! — одобрительно произнесъ старшина и какъ-то цинично осклабился...

Старосты бросились исполнять приказаніе своего начальника и скоро виноватыхъ отдѣлили отъ толпы и вывели въ сѣни. Сердце Степана болѣзненно сжалось при видѣ этой расправы.

— Ну, до меня еще далеко — думалъ онъ; — я ни въ чемъ не виноватъ.

Выданные бѣдники, заплаканные, съ растрепанными волосами и растерянными глазами, начали было кланяться въ ноги старшинѣ, потомъ, безъ разбора, мужикамъ, ближе стоявшимъ и самому сторожу, дравшему ихъ, причемъ обѣщали поставить водки, „сколько угодно“, но для кого именно поставить, трудно было понять, такъ какъ и сами обѣщавшіе врядъ ли понимали, что говорили. Словомъ, они много „начудесили“ и насмѣшили бы „публику“, если бы старшина не приказалъ вытолкать ихъ въ шею на дворъ, чтобы и „пахъ ихъ не пахъ“! Очнувшись уже на дворъ, бѣдники разразились громкими проклятіями и пожеланіями всѣхъ гадостей обидѣвшимъ ихъ.

— Вотъ еще, старшина, тройку снаряжай! — опять послышался въ канцеляріи голосъ писаря.

— А кого да кого?

— Осипу Хроленку изъ села Лозъ—15 розогъ, Ефиму Капустину изъ того же села—19 розогъ и Костѣ Пименову изъ деревни Оглобель—10 розогъ... Вотъ и вашу жалобу сейчасъ, сейчасъ... только вотъ еще съ одной покончимъ, — ласково подмигнувъ писарь Кузьмѣ и, мелькомъ, насмѣшливымъ взглядомъ окинувъ Степана.

— И... ты!.. — ухмыльнулся Кузьма.

Между тѣмъ старшина приказывалъ старостамъ опять вывести въ сѣни „тройку“.

— Вотъ пошло! Мать моя родимая! У Харитона, пожалуй, руки заболятъ.

— Нѣтъ, братъ, на что-что, а на это дѣло у человека руки заболѣть не заболѣютъ. Еще лучше, говорятъ, „заздность“ *) беретъ.

— Смотри, смотри! лозовцевъ и оглоблевца повели! Ну, лозовцамъ отъ лозы не будетъ большой бѣды — въ „лозѣ“ выросли, а вотъ оглоблевцу такъ добрыя оглобли загнуть, ха, ха, ха! — смѣялись въ толпѣ.

Наши безымяновцы тоже любовались, да „розъвали рты“, глядя на происходившую предъ ихъ глазами своего рода траги-комедію.

— Эй, ты! Степанъ! или какъ тебя зовутъ, слышишь, что ли? — окрикнули вдругъ Степана нѣсколько голосовъ.

— Степанъ, Степанъ, тебя старшина зоветъ! — толкнули его безымяновцы.

Степанъ едва удержался на ногахъ отъ сильнаго бѣшенія своего сердца и, нѣсколько оправаясь, подошелъ къ старшинѣ и поклонился. Кузьма, рядомъ съ старшиной, заткнувши обѣ руки за свой кушакъ, надмѣнно смотрѣлъ въ окно. Старшина стоялъ, опираясь своими потными, расплывшимися отъ жира руками о край стола и какъ-то кисло-мудрено улыбался. Урядникъ и помощникъ писаря тоже уставили насмѣшливо свои глаза на Степана.

— Дай-ка, я на тебя посмотрю, что ты за птица такая. А то про тебя много чего поговариваютъ этакого и про дѣвокъ того, что ты мастеръ у нихъ медь подсматривать.

Степанъ сперва поблѣднѣлъ, а потомъ сильно покраснѣлъ.

— Вишь, и слова не „пробуркнетъ“! — продолжалъ старшина тихимъ голосомъ: „сейчасъ видно, что не къ празднику сапоги пришиты, а къ голенищамъ!“ Можетъ-быть, ты, Степанъ, не слышалъ этой поговорки? Такъ это, знаешь, въ праздничный день пришелъ мужикъ къ пану. Панъ смотритъ, а у мужика на ногахъ сапоги: переды и головки новыя, а голенища старыя. „Что-жь ты это къ празднику и сапоги пришилъ?“ — спрашиваетъ панъ...

— Какое, паночекъ, — говорилъ мужикъ, — къ празднику я сапоговъ не пришивалъ, а пришилъ ихъ къ „голенищамъ“.

*) Охота.

Ну, извѣстно, панъ посмѣялся и похвалилъ его... Ну, такъ... хмь!..—на минуту задумался старшина.

— А чего это ты,—продолжалъ онъ уже серьезно,—съ братомъ своимъ ссоришься, какая тебя нужда „пристигла“, га?! Какого дьявола тебѣ, плуту, отъ него хочется! Хлѣба тебѣ мало даютъ, что ли?

— Не онъ, а Кузьма всему виной: тотъ его обижаетъ! Кузьма виноватъ!—вступился безымяновскій сборщикъ за Степана.

— Это „лаблукать“ *) его! Онъ его все „подсатаниваетъ“!—промычалъ Кузьма, вынимая изъ-за гушака лѣвую руку и указывая ею на сборщика.

— Гмь... и малый, кажется, хорошей... да дѣлать нечего... Надо „кашу“ того... въ дѣло пустить. Послѣ „науки“, можетъ-быть, исправится!..—какъ-то автоматически задумчиво, уставясь глазами на Степана и будто не обращая вниманія на Кузьму и сборщика, процѣдилъ старшина.

— А скажи, Степанъ, ты, вѣрно, съ жиру бѣсишься, вѣрно „березовой каши“ захотѣлъ, а? У насъ, братецъ ты мой родной, не покупаютъ эту кашу и не продаютъ, а даютъ даромъ! На жертву, на вечернюю, да въ науку на все доброе! не спуская глазъ со Степана, внушительно и съ разстановкой продолжалъ старшина.

— Это-жъ онъ, а не я!—всклипывая, т.-е. чуть не плача, проговорилъ Степанъ.

— Это Кузьма его обижаетъ, что тутъ лишнее говорить! Степанъ а-ни-капли, ни въ чемъ не виноватъ, а это все тотъ бунтуетъ!—подхватилъ сборщикъ.

— А ты, другъ любезный, знай, гдѣ и передъ гѣмъ заговариваешь... Помолчи-ка лучше!.. А то, не ровень часъ, тебѣ пятидесяти лѣтъ еще нѣту... А у насъ, знаешь, „каши“ для всѣхъ хватить... У пона вонъ, въ десяти шагахъ отсюда, дѣлая березовая роща... такъ „подъ руками“ каши сколько угодно есть! А Харитонъ у насъ жалованье получаетъ, такъ и для твоей милости постараться можетъ. Такъ вотъ, коли-ежели ты на судъ пришелъ, то не въ свое дѣло не суйся! На то вишь „мы“ да судьи наставлены.

*) Адвокатъ.

— Безымяновцы—маршъ!—выпроваживая цѣлую кучу „отсудившихся“ мужиковъ изъ „камеры“, крикнулъ писарь на всю канцелярію.

— Ну, ступайте, ступайте! Держать долго не будемъ... У насъ того... людей долго не задерживаютъ... не привыкли... У насъ скоро!—ухмыльнулся старшина Кузьмъ.

Волостная „камера“ состояла изъ маленькой квадратной комнатки. На самомъ видномъ мѣстѣ, т. е. напротивъ двери, стоялъ обтянутый клеенкой и облупившійся на половину „кананъ“, на которомъ теперъ возсѣдало трое мужиковъ судей. Направо у огня, за маленькимъ столикомъ, писалъ волостной писарь. Налѣво, на стѣнѣ, спустивши двѣ увѣсистыя гири, большіе стѣнные часы лѣниво „дрынкали“ большимъ маятникомъ, невольно наводя на душу хандру и усыпленіе.

Войдя въ эту комнату, Степанъ замѣтилъ, что судьи изрѣдка посматриваютъ на него и какъ-то ядовито усмѣхаются. Привычка ли, вообще, такая у судей, сознающихъ, что они на время „царьки“ въ своей „камерѣ“, или просто судьи желали зарекомендовать свою „власть“, или же, наконецъ, они старались заранѣе постращать „молокососа“, но лица ихъ все чаще и чаще улыбались и глаза недружелюбно останавливались на Степанѣ. Самый же главный судья (такъ показалось Степану) сухопарый съ черной бородой мужикъ, сохранявшій на своемъ идиотскомъ лицѣ внушительное выраженіе, возсѣдавшій крайнимъ направо, даже вытащилъ изъ кармана табакерку и какъ-то загадочно хмурия брови, началъ запускать въ носъ безъ мѣры, щепотку за щепоткой, табакъ, сарпая какъ молодой жеребенокъ. Набивши такимъ порядкомъ носъ, онъ раза три отчихался, потомъ съ какой-то степенной важностью закрылъ табакерку и не спѣша вложилъ ее обратно въ карманъ. Повидимому, онъ хорошо зналъ, что „прочитать носъ“ и въ присутственныхъ мѣстахъ не запрещено. Управившись съ табакеркою и еще раза два отчихавшись, онъ привсталъ со своего сѣдалища, утѣрь полою своей свиты носъ, съ достоинствомъ опустился на „кананъ“ и первый приступилъ къ допросу.

— Иванъ Веремѣвичъ!—на-распѣвъ обратился онъ къ писарю, —кто это тутъ у нихъ жалобу заносилъ?—важно потупилъ онъ глаза.

— Кузьма!—скороговоркой произнёс писарь, продолжая писать въ своей книгѣ.

— Я, я! И двадцать копѣекъ за жалобу въ кассу внесь.

— Ну, ежели ты, то тебѣ первому и начинать. Ну, рассказывай, какъ это у васъ тамъ что было; а ты, Степанъ, тѣмъ временемъ помолчи, пока братъ всего не перескажетъ. Я слышалъ—прибавилъ судья,—что ты еще новичокъ. Значить, не понимаешь въ судовыхъ дѣлахъ. Такъ тебя и поучить не грѣхъ. Ну, Кузьма, начинай!

И началъ же Кузьма! Рассказалъ, доказалъ, поднялъ всю хронологию своихъ дѣдовъ; вкратцѣ коснулся своего житья-бытья съ малолѣтства. Особенно онъ налегалъ на свое сиротство, что нажилъ свое хозяйство собственною головою, что Степану за его „заправой“ житы было хорошо, что онъ выдалъ сестеръ своихъ замужъ и далъ приданое имъ. Словомъ, Кузьма не забылъ упомянуть даже, когда и сколько было у нихъ рогатаго и прочаго скота, сколько въ какомъ году было „припода“, сколько продавали чего на уплату повинностей, сколько коровъ и овецъ рѣзали на мясо, сколько свиней и поросятъ били тоже на мясо и сало. Кузьма такъ разораторствовался, что потъ градомъ катился съ его лица. Самъ писарь, писавшій въ книгѣ, заслушался и застылъ въ неподвижной позѣ, позабывъ о своей работѣ. Главный судья ежеминутно приглядывался къ своей табакеркѣ и сіялъ худо-скрываемою улыбкой, какъ бы ободряя тѣмъ оратора; остальные двое судей развѣсили уши и во все болоузли, очарованные кузьминой рѣчью.

— Ну, все?—отчихиваясь и утирая полою свой носъ проговорилъ главный судья, когда Кузьма, сарная и какъ бы готовая „всхлипнуть“, окончила свою рѣчь и откашлялся.

— Да пусть себѣ будетъ все!—со слезами въ голосѣ проговорилъ Кузьма.

— Можеть быть, еще что есть?

— Да, все уже!—махнулъ рукой Кузьма съ такимъ видомъ, какъ будто онъ еще много чего имѣлъ сказать, но уже все то, по христіанскому обычаю, прощалъ брату.

— А ну, ты, Степанъ, что на это на самое, что Кузьма рассказывалъ, скажешь? Твоя очередь! Оправдывайся-ка, а мы уже послушаемъ...—обратился главный судья къ Степану.

— Мало что правда, а что не правда! А по закону пущай-ка выдѣлять мнѣ половину со всего нашего имущества, такъ и лѣзть мы другъ къ другу не будемъ! — проговорилъ въ отвѣтъ немного робовато, но съ отбѣнкомъ энергіи Степанъ.

— Вишь-ты, ловко, прахъ её побери, уточку, уди самую, ей, право! — засмѣялся судья и тотчасъ прибавилъ: — это, другъ любезный, не резонъ! Намъ ты все по совѣсти говори, да оправдывайся, а не то что! Мы не старики деревенскіе, которые когда-то по нѣкоторымъ мѣстамъ — судили... Имъ было бы все извѣстно про васъ, а намъ ничего не извѣстно... Мы судимъ по закону... Вотъ, коли ежели тебѣ слѣдуетъ половина кузьминаго имущества, такъ ты это намъ докажи! А то кто тебя вѣдаетъ: слѣдуетъ ли тебѣ что, или нѣтъ? — улыбнулся судья. Писарь и двое остальныхъ судей, сидѣвшихъ, видимо, только для проформы, усмѣхнулись. Степанъ смутился и покраснѣлъ.

— Ну, братъ! тутотька дѣвку нечего „строить“! Знаемъ, достаточно слышали! Разсказывай-ка лучше все по чистой совѣсти! Кузьма, коли ежели былъ правъ, такъ и доказалъ, а отъ тебя намъ еще надо все услышать.

— Пойдите-ка, я за него! Онъ еще на судахъ не былъ, такъ толку этого „а ни въ зубы“ не знаетъ... — выступилъ вдругъ безымяновскій сборщикъ, присутствовавшій въ камерѣ въ качествѣ свидѣтеля.

— Па-а-а-астой-ка! А тебя, другъ любезный, спрашиваютъ, что ли? — съ разстановкой произнесъ судья.

— Да неужь-то за человѣка заступиться нельзя? — не глядя на судью безтрепетно проговорилъ сборщикъ.

— Судья нахмурился. — Вотъ послушайте-ка! — обратился настойчиво сборщикъ не то къ писарю, не то къ судьямъ: — онъ же, Кузьма этотъ, деньги Степановы...

— Молчать свинья! Куда ты суешь свое рыло! — вскрикнулъ и, вскочивъ съ „канана“, очень внушительно топнулъ лаптями о полъ главный судья. — Веремѣвичъ! — прибавилъ онъ, поворачивая голову и вытягивая шею въ сторону писаря: — черкните-ка ему (какъ тебя звать?) полтинникъ штрафа! Пусть знаетъ, что здѣсь не кормля!

— Да за что же это? Да дайте же хоть слово сказать! — вѣ себя вскрикнулъ сборщикъ.

— А, такъ ты бунтовать тутотька?! Гляди-тка, чтобы тебѣ на цѣлаго цѣлковаго не наскочило, вотъ что! — заворчалъ судья и усѣлся.

Сборщикъ, сжавши губы своего рта, глядѣлъ какъ-то тупо и безцѣльно по комнатѣ, словно въ сознаниі своего безсилья предъ судьями.

— Ну, Степанъ, такъ что жъ? — обратился судья къ побавровѣвшему отъ волненія и страха Степану.

— А пуцай Богъ милосердный увидитъ и услышитъ!... Судите, какъ знаете! — вдругъ залился слезами Степанъ.

Наступило минутное молчаніе.

— Э, да онъ у тебя молодець... право! — покручивая головою, обратился судья къ Кузьмѣ.

— О! онъ у меня только тутотька такой, а дома такое выдѣлываетъ, что сохрани Господи! А за грудь меня такъ и хватаетъ! — самодовольно вздернулъ носъ Кузьма.

— Оно-то такъ, въ тихомъ болотѣ черти водятся! — согласился судья.

— Такъ ничего говорить не хочешь? А, Степанъ?! Можетъ быть, тебя люди „съ путя свели“, ст толку сбили? — прибавилъ судья, какъ бы съ нѣкоторымъ сочувствіемъ.

— Да Богъ съ нимъ совѣмъ! Пуцай „свѣтки“ за меня скажутъ... — сквозь слезы проговорилъ Степанъ.

— Ну, дождался?! — уставилъ глаза на сборщика все тотъ же судья. — Веремѣвичъ! Спишите-ка ему штрафъ, Богъ уже съ нимъ! — обратился онъ къ писарю: — „да смотри!“ — прибавилъ онъ сборщику: — въ другой разъ „напередъ невода рыбу не хватай!“ Ничѣго, что ты сборщикъ! У насъ, братъ ты мой родной, кто бы ни былъ человекъ, а когда спрашиваютъ — говори, а не спрашиваютъ — молчи! Паны и тѣ вонъ на вытяжку стоятъ, ежели рассказываютъ что, и перебивать никого не имѣютъ права! На это законъ!

Свидѣтели отстаивали невинность Степана со всею энергіею, даже „доказали“, что имущество богачей слѣдуетъ раздѣлить по равной части; но здѣсь помѣшали, дьявольски помѣшали и испортили все дѣло — двадцать рублей, которыя, по мнѣнію „свѣтокъ“, Кузьма обязательно долженъ былъ воз-

вратить Степану, но отъ которыхъ Кузьма, какъ говорится „и ногами, и руками отрекся“. Кроме того Кузьма представилъ нѣсколько свидѣтелей, которые показали, что Степанъ и сборщикъ вмѣстѣ пьянствовали.

— А вы чѣмъ докажете, что, примѣрно сказать, Кузьма взялъ, т.-е. укралъ у Степана двадцать рублей?—огорошилъ свидѣтелей „горой“ стоявшихъ за Степана, все тотъ же главный судья.

— Самъ Степанъ крестился, божился!...

— Ну, это у насъ не требуется.. Намъ „свѣтку“ подавай, а въ жмурки играть здѣсь не приходится!...

Всѣ приумолкли.

— А ну-ка, не помиримъ ли мы ихъ какъ-либо! Проси-ка ты, Степанъ, благослови Боже, Кузьму; да поклонись ему въ ноги, что-ли! Онъ тебѣ братъ старшій, такъ того... грѣха не будетъ!

— Онъ первый началъ драку, онъ мой деньги взялъ, а чтобъ я его еще и просилъ? Да и кланялся на верхъ? Никогда!—вдругъ озадачилъ всѣхъ Степанъ.

— Ни за что не мирись!—подхватилъ сборщикъ.

Кузьма насупился и гордо глядѣлъ чрезъ спину писаря въ окно.

— Это какъ вамъ хочется, такъ и дѣляйте. Миритесь — не миритесь,—намъ до васъ дѣла нѣту, но только мы съ вами долго „коломажиться“ *) не станемъ!—рѣшительно заговорилъ главный судья:—пишите-ка, Веремѣвичъ, такъ: а изъ имущества Кузьминаго, изъ земли, скота, хлѣба, построекъ и всего прочаго, дать Степану третью часть; а какъ хаты у нихъ двѣ, то отдать уже ему, Степану, старую хату, а Кузьмѣ новую... Это никому не будетъ обидно... Слышаль ли ты Кузьма или нѣтъ?

— Да Богъ съ нимъ!—прослезился Кузьма, ужъ неизвѣстно по какой причинѣ: или музыкальность рѣчи „заправила“ судьи глубоко подѣйствовала на его слухъ, или такъ просто жалость о прошлой жизни обуяла его.

— А за неуваженіе и преступленіе—продолжалъ прежнимъ тономъ судья — противъ наистаршаго брата дѣйствиємъ и

*) Возиться.

словесами, да въ науку прочимъ, наказать его, Степана, пятнадцатью розгами. Какъ?! за что?— испугался Степанъ и всѣ „свѣтки“, защищавшіе его.

— Ну, ступайте теперь въ канцелярію, можетъ быть, еще помириться... Теперь еще „черновое“ рѣшеніе будутъ сочинять.

Вышли въ канцелярію. Степанъ не помнилъ себя отъ злобы и страха. Въ вискахъ его стучало; сердце болѣзненно билось. Теперь просить Кузьму о прощеніи, онъ ни за какія блага въ мірѣ не согласился бы. Какъ же можно, чтобы онъ, Степанъ, будучи во всѣхъ отношеніяхъ правымъ, вдругъ ни за что, ни прочто сталъ виноватымъ?! Да развѣ это законъ? Нѣтъ! Онъ думалъ найти и другой, высшій, правильный судъ.

На первое время ему казалось, что пусть бы Кузьма „хоть подавился его добромъ“, даже на выдѣль трети всего имущества Степанъ согласился; но за что же эти проклятыя розги?! Развѣ онъ первый завелъ съ Кузьмою драку? Вѣдь это Кузьма первый напалъ и ударилъ его?! Да за что же, по какому праву Кузьму оправдали? Нѣтъ! тутъ, въ этомъ дѣлѣ, надо „засудиться—заволочиться“, но добиться правды! — рѣшилъ Степанъ.

Кузьма думалъ свою думку. Ему, какъ „умственному“ хозяину, теперь было жалко только „разорѣнія“ хозяйства и двора; что же касается выдѣла Степану, только трети изъ имущества, то онъ успокоилъ свою совѣсть такимъ порядкомъ. У него, Степана, больше силы, да и жить онъ только начинаетъ. Самъ же онъ, Кузьма, „подбирается“ уже въ старикъ, слѣдовательно, прѣсія его спѣта и столько заработать, сколько можетъ Степанъ, онъ уже не въ силахъ. При всемъ томъ третья часть ихъ имущества превосходила цѣнность въ нѣсколько разъ то, что было оставлено ему, Кузьмѣ, родителями. О розгахъ, присужденныхъ Степану, Кузьма вовсе не думалъ. Еще бы! Что это за 15 розогъ? Пожалуй, другой барышии ни почемъ!

При такомъ направленіи мнѣній противниковъ, „мировой“ не послѣдовало. Безымяновцы были опять призваны въ „камеру“ и рѣшеніе суда было имъ прочитано.

Степанъ началъ просить писаря выдать ему копію этого рѣшенія.

— Не батракъ же я вамъ! и такъ замучили этими судами! Вотъ черезъ три дня придешь, тогда и получишь!—разсердился писарь.

— Такъ черезъ три дня?

— Ну, да!

— Ладно!—тряхнулъ головой Степанъ, съ миной дѣлового человѣка, какъ-бы заявляя этимъ свою рѣшительность ходатайствовать объ отмѣнѣ рѣшенія.

Безымяновцы ушли домой.

Дорогою въ телѣгѣ ихъ нагналъ Кузьма.

— Ну, подхватилъ Иваньку Печенаго?!—насмѣшливо крикнулъ онъ Степану.

— Ничего, рябой чертъ, потягаемся еще! Есть и высшій судъ! Мало чего, что тутъ и старшина, и писарь, и судьи за тебя стоятъ, въ твою пользу присуждаютъ! Подойди-тка!—не поднимая глазъ, грозилъ Степанъ.

— Ладно!... Вотъ какъ засыпать „каши березовой“, такъ узнаешь и нижній, и высшій судъ!—ядовито засмѣялся и какъ-то некрасиво „чавкнулъ“ ротомъ Кузьма.

— Ладно, ладно... собака ты этакая! Повзжай-ка, да во грѣхи не вводи!—заговорили „грозно“ свѣтки.

— Эге! испугался васъ „гадовъ!“ Вишь, „валать!“ ай, гады, гады!—пустивши рысцой лошаденку, куражился Кузьма.

— Ну, ну! собака... какіе мы не гады, а за Степана постоимъ, да и прочему-малому носъ еще утрѣмъ!—заворчалъ сборщикъ.

Кузьма плюнулъ и, не оглядываясь, скрылся изъ вида.

— Ну, братцы-ребятцы!—достигши безымяновской корчмы, обратился Степанъ къ „свѣткамъ“ и сборщику—за трудъ за працу, не побрезгуйте по одной вынуть...

— Ну, зайдемъ!—вдохнули тѣ.

Крестьяне, какъ извѣстно, изъ вѣжливости говорятъ: „выпить по одной“, а иногда къ этой фразѣ прибавляютъ еще и „по махонькой“, потому что иначе приглашающій рискуетъ обидѣть приглашаемыхъ. Какъ же тѣ могутъ подумать, что-моль „не обжоры-же мы какіе?!“ Однако такая вѣжливость нисколько не мѣшаетъ приглашеннымъ напиваться

на счетъ пригласившаго до „горла“, другими словами — до положенія ризъ.

У гостепріимнаго Ицки, тоже сторонника Степана, наши „судовые“ безымяновцы порядочно „какнули“.*) На нѣсколько рублей долгъ Степана сразу увеличился. Да вѣдь и понятно: послѣ дороги и серьезныхъ волненій, да и для придачи себѣ „храбрости“ надо-же было выпить.

— Вотъ и побылъ на судѣ, научился, а?—порядочно подвыпивши, говорилъ сборщикъ Степану.

— Не говори, дядя!.. Да и зачѣмъ намъ было до суда до этого доходить...—„зайкнулся“ охмѣлѣвшій Степанъ.

— Куда, что ты! Ты, вотъ только прямо къ члену бумагу подай... Пусть насъ всю деревню вызываютъ да допрашиваютъ! Мы за тебя на край свѣта, а не то что! Намъ самимъ стыдно будетъ, коли ежели твое не возьметъ!—резонировалъ сборщикъ.

— Ну, братцы, пейте, пейте на здоровье! Дай Господи только половину свою получить да отъ розогъ освободиться, а тамъ всѣхъ ублаготворю!—говорилъ Степанъ, склонивши голову на свои руки и опираясь локтями о край стола. Онъ былъ не слишкомъ пьянъ, но сердце его было полно горечи и въ груди что-то жгло жестоко и мучительно...

VII.

На другой день, проснувшись въ избѣ сборщика, первую мыслью Степана было подумать о своихъ дѣлахъ.

— Вотъ чортъ подтолкнулъ! Не было хлопотъ, такъ на тебѣ! Ахъ, „нелегкая“ ее побрала-бы совсѣмъ!—закручинился онъ, но тутъ-же—мысль не поддаться Кузьмѣ, за себя и за правду постоять взяла верхъ.

— Эхъ, дядя!—началъ Степанъ, потягиваясь и обращаясь къ сборщику: а не пойти-ли намъ опохмѣлиться? Что-то шибко у меня въ головѣ „памороки“ забиваютъ...

— Да что-ты! будетъ и такъ!.. Развѣ сегодня праздникъ

*) Выпили водки.

какой, что-ли? Надо, братъ ты мой, съ сошкой въ полѣ
вхатъ!

— Эхъ, эхъ! — крикнулъ Степанъ, — а какъ-же мнѣ быть?

— На счетъ „обжалобы“ *), что-ль?

Степанъ не отвѣчалъ и сидѣлъ задумавшись, точно глухой.

— Идемъ, дядя! Ей Богу надо опохмѣлиться, а то что-то
я самъ не свой.

— Ну, нѣтъ! пахать поѣду...

— А я-то, я-то? э, эхъ! не откажи дядя, сдѣлай ты ми-
лость! Я уже, коли ежели да дойду своей половины—вѣкъ
тебя не забуду! Идемъ-же, дядя, не откажи!

— Нѣтъ, Степанъ, ты-бы члену жалобу на Кузьму подаль;
это самое лучшее было-бы, а то что! — начиная сдаваться на
просьбу Степана сказалъ сборщикъ.

— Послѣ, послѣ, дядя, а теперь пойдѣмъ-ка къ Ицкѣ!

Волей-неволей сборщикъ уступилъ Степану. Они отпра-
вились въ заведеніе, гдѣ порядочно выпили и забыли про
пахоту и хорошую весеннюю погоду, такъ дорого цѣнимую
пахарями.

— Подавай Степанъ жалобу на Кузьму или члену, или
высшему начальству... Вѣдь то не наши „собаки“, а то уже
настоящіе начальники, паны, и „поглядь“ совсѣмъ другой на-
дѣла имѣютъ... такъ того... Неправды не потерпятъ! — совсѣ-
товалъ Степану охмѣлѣвшій сборщикъ.

— Да я ни одного разу не былъ въ городѣ... Небось, го-
ворять до него пятьдесятъ верстъ въ одинъ конецъ?

— Да что-жъ подѣлать? Радъ-не радъ, а завязались дѣла—
надо ихъ кончать... Кузьма тебя обижаетъ на нашихъ гла-
захъ, такъ неужели-же тебѣ ему поддаться?

— А скажи-ка, дядя, какъ до этого, до члена достучиться?

— Ну, это пустякъ! Онъ смирный, совсѣмъ таки не при-
вередливый панъ! Я его въ волости видѣлъ, какъ старшину
избирали... такой смирный... Вотъ, какъ придешь ты къ
нему, такъ перво-на перво и „бухни“ ему въ ноги, а потомъ
и бумагу надо подать, ну и расскажи ему все обстоятельно.

— А бумагу кто мнѣ напишетъ?

— А тамъ, въ городѣ значить, писарей этихъ очень много!...

*) Апелляціонной жалобы.

Найдешь безъ труда... Такимъ манеромъ подашь ты жалобу, а какъ прочитаетъ членъ ее, то тебѣ и отвѣтъ скажетъ, а потомъ, того, приказъ въ волость пришлетъ и рѣшеніе суда отмѣнять! Такъ вотъ, не забудь: перво-наъ перво въ ноги члену бухни, а потомъ, ежели хочешь, заплачь и бумагу подай... Знаешь, братъ, какъ надо что, то ничѣмъ не отбудешь! Лучше сапогу поклониться, чѣмъ лаптю, а члену этому не грѣхъ!.. Да, а вотъ Степанъ, прибавилъ сборщикъ послѣ краткаго молчанія: я, признаться, не очень-то въ этихъ дѣлахъ смѣжаю, такъ сходи-ка, братъ ты мой родной, лучше къ Леону... Онъ тебѣ побольше моего все это поразкажетъ и посоветуетъ... Онъ человѣкъ грамотный, въ „службѣ“ находился, такъ и знаетъ, какъ дѣла эти ведутся... А тамъ, и Захаръ тоже того... знаетъ...

— А это вѣрно; спасибо, дядя, за совѣтъ; надо будетъ къ нимъ сходить... согласился Степанъ.

— Ну, ну!.. Ступай себѣ съ Богомъ, да рта не развѣвай! Спросишь тамъ, гдѣ находится крестьянское присутствіе, да часовъ въ 12 дня, т. е. въ полдень, зайдешь туда. Вѣрно члена не будетъ въ присутствіи, потому что онъ только „наскокомъ“ бываетъ тамъ: у него по имѣнію работы—чертъ ногу сломить! Попроси, кстати, „цибулку“ писмоводителя, т. е. писаря въ присутствіи, да и прошеніе ему подай, если члена не будетъ. Только ты въ ноги этому писарю „цибулкѣ“ не кланяйся и нюни предъ нимъ не распускай, хотя онъ, правду сказать, можетъ быть, любить такую „почтительность“, да вѣдь ничего не поможетъ; это ужъ народъ такой! Хоть человѣка зарѣжь, а онъ запишетъ, если „прикажутъ“, да еще со своей жenkой за чаемъ посмѣется, что вотъ-моль сегодня, душенька, того то и такъ то тотъ то зарѣзаль или того то зарѣзали, и только! Ну, да! Прошеніе же зайди къ Каспарю писать: онъ мастеръ по такимъ дѣламъ, только расскажи ему все порядкомъ. Конечно, не подмазавши не поѣдешь; сунь ему рублевку, что-ли! Ну и съ Богомъ, прощай! такой напутственный монологъ читаль Степану Леонъ, провозжая его изъ воротъ своего двора. Это происходило спустя нѣсколько дней послѣ извѣстнаго совѣта, даннаго сборщикомъ. Степанъ, запасшись копіею рѣшенія

волостного суда, отправлялся теперь въ уѣздный городъ, для обжалованія этого рѣшенія апелляціоннымъ порядкомъ.

Быль полдень. Стояла теплая, ясная, весенняя погода. Съ вышины голубого неба сыпались трели неутомимыхъ жаворонковъ, въ нѣдрахъ пѣли птички, кричали грачи и вороны. На поляхъ пахали мужики; кое-гдѣ нѣкоторые изъ нихъ „поднимали“ и „ставили“ на ноги падавшихъ отъ безсилія голодныхъ лошадей, причемъ на спины и бока послѣднихъ при громкихъ крикахъ и ругательствахъ—сыпались безъ счета удары кнутовъ. Слышались безконечно-заунывные пѣсни, невольнo хватающія за сердце щемящей тоской.

— Э.. э... эхъ!—тошнило Степана: люди-то работаютъ, а я „блындаю“ *) да время трачу! Что изъ-всего этого будетъ?! и онъ быстрой ходьбой старался прогнать горькія думы свои.

На второй день едва къ темной ночи пришелъ Степанъ въ уѣздный городъ.

Еще издали замелькали предъ его глазами на большомъ протяженіи огоньки и маячили сквозь наступившую темноту.

— О, слава Богу! обрадовался близости города Степанъ. Ноги его сильно болѣли отъ долгой ходьбы и отдыхъ для него былъ необходимъ.

Чѣмъ ближе подвигался нашъ путешественникъ къ городу, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе билось его сердце. Да и какъ-же иначе! Очевидное знакомство съ городомъ... Да это было цѣлое событіе въ его жизни!

Вотъ наконецъ и „дѣдова хата“, т. е. острогъ, обнесенный деревяннымъ частоколомъ такой вышины, что, по мнѣнію Степана, и доброй курицы врядъ-бы перелетѣть чрезъ него! Отъ острога Степанъ инстинктивно попятился и пошелъ по другой сторонѣ улицы, гдѣ стояли какіе-то домишки, совершенно потонувшіе въ грязи. Вотъ и солдатскія казармы.

— Да гдѣ-бы тутъ переночевать?—окрикнулъ Степанъ перебѣгавшаго дорогу солдата.

— Какъ гдѣ? оборотился тотъ.

— Да чтобъ это, значить, попроситься на ночлегъ...

— А! Стунай вонъ туда, тамъ спросишь!—махнулъ солдатикъ рукой вдоль улицы и побѣжалъ своей дорогою.

*) Хожу безъ дѣла.

Дошелъ Степанъ и до городского бульвара. Здѣсь онъ послѣ краткаго раздумья поворотилъ въ лѣвую сторону, такъ какъ направо высились силуэты какихъ-то большихъ домовъ и ему по-неволѣ сдѣлалось жутко.

Долго еще онъ бродилъ по улицамъ и переулкамъ, спрашивая у прохожихъ о ночлегѣ. Кто-то указалъ ему на одинъ изъ еврейскихъ кабаковъ. Степанъ вошелъ туда, спросилъ рюмку водки, сѣлъ на лавкѣ и началъ закусывать, чѣмъ Богъ послалъ.

Кабакъ состоялъ изъ одной большой комнаты и грязныхъ сѣней, пропитанныхъ ужаснымъ зловоніемъ. Кабакъ съ сѣнями былъ ничто иное, какъ пристройка къ большому дому зажиточнаго еврея. Продажей водки самъ еврей, конечно, не занимался „изъ благородства“ или отъ другихъ причинъ; обязанность-же кабака исполнялъ у него здоровый уса-тый солдатъ, съ суровой физиономіей и внушительными ма-нерами. Особыхъ дверей изъ кабака въ еврейское жилище не было, но въ стѣнѣ, разграничивающей кабакъ отъ еврейскаго обиталища, было продѣлано небольшое оконце съ опускающей дощечкой, на подобіе тѣхъ, какія бывають по больницамъ, конторамъ и другимъ служебнымъ мѣстамъ. Назначеніе этого оконца было двоякое: для получения дневной выручки и для контроля дѣйствій „чужого человѣка“ *).

Не успѣлъ Степанъ перекусить да порядкомъ разгово-риться съ кабачикомъ, оказавшемся, не смотря на суро-вую наружность, добродушнымъ человѣкомъ, какъ въ ка-бакѣ появился господинъ... Это былъ старикъ, похрамывав-шій на правую ногу, съ темно-русой бородкой, длинными волосами на головѣ, красной, „кутиловской“, невзрачной физиономіей и безцвѣтно-мутно сѣрыми глазами. На немъ „рогозою“ **) сидѣлъ драповый, потертый сюртукъ, жилетъ „вплотную“, т. е. не выказывавшій бѣлья и парусиновые панталоны, запущенные въ грязные сапоги. Голову его по-крывалъ „форменный“ картузь — изобрѣтеніе, вѣроятно, уѣзд-ныхъ шапочниковъ для отличія канцелярскихъ писцовъ и чи-новниковъ отъ прочихъ людей.

*) Чужого человѣка.

**) Безпорядочно.

Господишь кивнулъ кабачику головой, окинулъ Степана тупо пронзительнымъ взглядомъ и, пыхтя, грузно опустился на лавку.

— Вотъ ты „лаблуката“ спрашивалъ,—обратился кабачикъ къ Степану,—такъ вотъ тебѣ, милый человекъ, лаблукать—самый наипервый въ нашемъ городѣ... Можетъ быть, слышалъ про Каспаря? Такъ это онъ!

— О, о!—растерялся Степанъ и, суетясь, началъ собирать все не пріѣденное въ свой кошель.

Каспарь „интересно“ взглянулъ на Степана и тотчасъ-же прибавилъ себѣ солидности.

— Да, продолжалъ кабачикъ, обращаясь уже къ Каспарю и указывая на Степана:—вотъ онъ, этотъ молодець, пришелъ только-что въ городъ и говорить, что ищетъ лаблуката... дѣла значить у него съ братомъ завелись...

— Да это я къ вашей милости!—обратился Степанъ къ Каспарю.

— Ко мнѣ?! какъ-то удивленно-полувопросительно выпучилъ глаза Каспарь.

— Да, къ вашей милости, помогите!—кланялся Степанъ.

— Да почему-же ты меня знаешь?

— „Слухомъ земли полнится“! Мнѣ совѣтовали обратиться къ вашей милости.

— А ты откуда будешь?..

— Безымяновскій...

— Гмъ... гмъ... не близко! Ну, въ чемъ-же дѣло?—съ довольной улыбкой прибавилъ Каспарь.

— Такъ! бумаженку это придется соорудить... Потому-по самому, члену сунуть надо, на брата на Кузьму.

— Значить, желаешь обжаловать рѣшеніе волостного суда? „Апелляцію“ хочешь занести?

— Ателяцію эту... ага-жъ! Эту самую ателяцію... жалобу... на Кузьму, на брата.

— Въ чемъ дѣло расскажи-ка?—произнесъ Каспарь и, вздохнувши, „надулся“, какъ сычъ въ непогоду, вѣроятно, превращая себя такимъ образомъ во внимательнаго слушателя.

Степанъ рассказалъ свою кровную обиду, нанесенную ему Кузьмою (конечно, о Степанидѣ онъ ни слова не сказалъ). Потомъ рассказалъ онъ самымъ подробнымъ образомъ, какъ

его судили, какъ несправедливо рѣшили ихъ дѣло и какъ онъ рѣшился не поддаться Кузьмѣ. Про все повѣдалъ Степанъ и такъ горячо, что даже самъ диву дался: что это молъ, мнѣ языкъ развязало; да почему я на судѣ такъ не говорилъ, можетъ быть, и въ мою пользу присудили-бы.

Выслушавши Степана, Каспаръ вздохнулъ и глубоко задумался. Пока онъ думалъ, Степанъ радовался про себя: Слава Тебѣ, Царю Небесному, что привелъ мнѣ такъ ловко на этого человѣка попасть.

— Да!—вдругъ съ видомъ величайшей глубокомысленности произнесъ Каспаръ:—вижу, Степанъ, что дѣло твое правое... Садись-ка! Вижу и слышу, что тебя твой братъ, Кузьма, обидѣлъ, да!..

— Да какъ-же! Сдѣлайте вашу божескую милость! Состройте эту бумагу члену, чтобы, значить, Кузьму „подобуть“ хорошенько!.. Какъ-же это можно, сами видите!—чуть не со слезами взмолился Степанъ.

— Да! дѣло твое... хмъ,—промычалъ Каспаръ и покчалъ головой.

— Я вашей милости за труды цѣлаго цѣлковаго того... не пожалѣю, ежели-бъ только подобудъ Кузьму.

— Да! видно у васъ тамъ того... законъ нахрамываетъ!.. какъ бы не обращая вниманія на обѣщаніе Степана, проговорилъ Каспаръ, между тѣмъ руки его задрожали отъ пріятнаго волненія.

— Да какъ же! Судите-рядите теперь люди добрые!—развелъ руками Степанъ, переводя глазами съ кабачика, улыбавагося суровой улыбкой на-Каспаря и обратно.

— Да, ну... ничего! Ты завтра утромъ зайдешь ко мнѣ на домъ... такъ я тебѣ... какъ тебя зовутъ?... Я что-то призабылъ.

— Степаномъ.

— А! ну, такъ будь завтра у меня; мы съ тобой Степанъ потолкуемъ и прошеніе напишемъ.

— Спасибенько-жъ вамъ, паночекъ вы мой родненькій! Въѣкъ за васъ Бога молить буду и дѣткамъ своимъ, ежели будутъ, закажу!..

— Ну, ну! ты вотъ лучше возьми „куржунку“ *) очищен-

*) Осьмушку.

ной, да разопьемъ на первый случай. Нечего, братъ, насъ панами величать! Были когда-то и мы паны, да „сплыли“, и говорить не стоитъ! Мы тоже съ копѣйки кормимся!— дружельюбно заговорилъ Каспарь.

— Сейчасъ, сейчасъ! побрякивая мѣдными деньгами смѣшался было Степанъ, но тотчасъ оправился и подумалъ: а оно и правда, какъ сказывалъ сборщикъ, что тутотька въ городѣ паны хорошіе есть... не то, что наши „собаки“!

За первой куржупкой Степанъ уже по собственному желанію „поставилъ“ и другую, а когда распили ее, то поставилъ и третью, потому что, какъ ему казалось, Каспарь желалъ еще водки.

По окончаніи выпивки, Каспарь радушно распрощался съ Степаномъ и кабачикомъ, причемъ пожалъ имъ обоимъ крѣпко руки и ушелъ, приглашая Степана на завтра къ себѣ.

Такъ какъ было уже поздно, то Степанъ попросилъ кабачика позволить ему переночевать въ кабакѣ. Тотъ сперва было задумался, но потомъ согласился.

На другой день утромъ Степанъ проснулся съ восходомъ солнца и тотчасъ началъ собираться къ Каспарю.

— Куда ты? Часика четыре обожди! Онъ у насъ, Каспарь значить, привыкъ до десяти, а то и до всѣхъ до двѣнадцати часовъ спать,—началъ было кабачикъ.

— Я тамъ около его двора обожду,—замѣтилъ Степанъ.

— Ну, какъ угодно.

Распрощавшись съ кабачикомъ, Степанъ вышелъ на улицу. Утро было великолѣпное. Теперь только понялъ онъ, что значить городъ.

— Эка, какая бездна!—восклицалъ онъ при видѣ какого-либо большого деревяннаго дома. На улицѣ было еще мало прохожихъ. Шмыгали въ разныхъ направленіяхъ только евреи: и хорошо одѣтые, и полуободранные, и совсѣмъ въ лохмотьяхъ. Навстрѣчу Степану попалось два трубочиста, которыхъ издали онъ принялъ было за чертей и только мысль, что въ городѣ, да еще днемъ, чертямъ ужъ никакъ нельзя бродить, разубѣдила его, чтобы не пуститься во всѣ лопатки въ противоположную отъ нихъ сторону.

Пастухъ гналъ стадо коровъ, громко завывая въ трубу.

— Вишь, жестяная труба—не то, что у нашего деревенскаго пастуха—деревянная! Извѣстное дѣло городъ!—любуюсь жестяной трубой городского пастуха, блестящей на солнцѣ,—думалъ Степанъ и тутъ же, подошедши поближе къ этому пастуху, онъ спросилъ о путь-дорогѣ къ Каспарю.

— Вотъ такъ вали прямо по улицѣ, около самого бульвара! Тамъ до церкви какъ доберешься, такъ возьми влѣво, спустись къ рѣчкѣ, къ мосту... а тамъ уже покажутъ,—отвѣчалъ пастухъ и опять затрубилъ.

Шелъ дальше Степанъ, засматриваясь по сторонамъ. Онъ, казалось, забывалъ и о томъ, куда шелъ, и о своемъ горѣ, и о своихъ дѣлахъ: такъ его развлекало все окружающее.

А-а-а! мать моя родимая! — вскрикнулъ онъ при видѣ двухъ-этажнаго каменнаго дома полицейскаго правленія:— вотъ машина! Вѣрно, самъ исправникъ или становой тутотъ-ка живетъ! Вишь, вывѣска какая: такъ и сияетъ! Вотъ коли-бъ ежели я былъ грамотень, такъ и прочиталъ бы, что это за машина такая-этакая!

Степанъ пошелъ около бульвара, занимавшаго десятишь пять земли посреди города и обнесеннаго деревянною дощатою изгородью, съ очень мудреными вырѣзами и фигурками, надъ которыми, какъ думалъ Степанъ, много пришлось „молотиться“ плотникамъ. По бульвару, несмотря на раннее утро, гуляли какія то красивыя, расфуфыренныя барышни, снабдившія себя непомѣрно большими турнюрами.

— Вишь! не то, что наша попадья или сама паня (помѣщица)!.. А сзади у этихъ паненокъ какъ „отдудурилось“*), хоть верхомъ садись! Да и хвостами то они того... крутятъ хорошо! Вотъ гдѣ смакъ! разинувши ротъ отъ изумленія,—остановился нашъ поклонникъ красоты...

Барышни замѣтили зѣваку-мужика, смотрѣвшаго на нихъ во всѣ глаза, и отвернулись отъ него...

— Хмь... того... А сзади у нихъ какъ-бы „булки“, вотъ гдѣ смакъ!—уже дорогою думалъ Степанъ. Однако тутъ-же мысль о своихъ дѣлахъ укулола его въ сердце и онъ опроретью брѣсился вдоль по улицѣ, снимая шапку предъ встрѣчавшимися ему изрѣдка чиновниками или повиднѣе изъ се-

*) Вылятилось.

бя — „панамы“. Евреи и еврейки растворили свои лавки. Вдоль по деревянному тротуару, близъ этихъ лавокъ, уже сидѣли мѣняли денегъ, продавцы „кухоновъ“ (*), баранокъ, калачей и прочихъ мелочей.

— Эй ты, цалавѣкъ, а цалавѣкъ! Ходи сюды... Не надоли тебѣ цаго? Цаго ты хочесь... все есть: и глисникъ, и спицки, и табакъ, и селедцы! Ходи сюда, все нипоцемъ продадимъ,— кричали съ двухъ сторонъ евреи и еврейки, махая руками и зазывая Степана въ свои лавченки.

— Мѡза **) тебѣ хоросаго табаку или крупъ перваго сорта, или деликатной муки? А мѡза сапокъ **) надо, сапоговъ, платковъ, поясовъ хоросихъ; а мѡза кухановъ, баранокъ, пироговъ, бубликовъ и т. д.—какъ горохомъ сыпали криками со всѣхъ сторонъ „кушцы“—евреи.

Около одной лавки, толстая, жирная еврейка, видимо окончивши всѣ степени ругательства съ какимъ-то лохматымъ мужикомъ, схватила вдругъ за голову большую селедку и начала „мазать“ ею мужика по лицу и особенно по губамъ рта, приговаривая:

— А ты, сучій сынъ, украсть хотѣлъ селедку?.. Такъ вотъ тебѣ, такъ вотъ тебѣ!

Па-а-а-а стой!.. Чего это ты стерва пристала!—защищался, руками мужикъ; однако еврейка такъ ловко распоряжалась селедкой, что хвостъ послѣдней то и дѣло попадалъ мужику то по носу, то по губамъ, то по щекамъ и бородѣ.

Степанъ при видѣ этой сцены испугался не на шутку и, потупя голову, какъ бы боясь какого навожденія, такъ быстро пустился по улицѣ, что протиравшій съ просонка глаза городской, успѣвшій уже появиться у еврейскихъ лавочекъ и снисходительно посмѣивавшійся вышеупомянутой сценѣ, какъ-то подозрительно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Вотъ, нечистая сила! На улицѣ едва не одурачили, а зайди-ка, попробуй, къ нимъ? Вотъ черти! А мужика тою селедкой... ха, ха, ха!..—ругался и смѣялся Степанъ.

Дошедши до церкви, Степанъ началъ спрашивать прохо-

*) Родъ лешешокъ.

**) Можетъ-быть.

***) Шапокъ.

жихъ въ какомъ мѣстѣ можно отыскать домъ Каспаря. Какой-то мѣщанинъ, въ синей чуйкѣ, указаль ему сперва рѣчку, потомъ мостъ на ней и затѣмъ растолковаль, какъ отыскать дворъ „лаблуката“. Дворъ Каспаря, который былъ отысканъ Степаномъ съ большимъ трудомъ, состоялъ изъ нѣсколько полуразрушившихся построекъ. Онъ стоялъ на низменномъ мѣстѣ, недалеко отъ рѣчки. Никакого скота, кромѣ курей, утокъ и гусей не было видно ни на дворѣ, ни около него.

Сѣвши на землю у забора, Степанъ началъ ожидать, пока проснется Каспарь. Онъ задумался: какъ-то Богъ поможетъ ему въ дѣлахъ. Однако въ голову ему не шло ни одной порядочной мысли... Онъ чувствовалъ только на сердцѣ жестокую горестъ и тоску... Взглянулъ онъ вокругъ себя на далеко виднѣвшееся поле, на небо. Жаворонки заливались въ вышинѣ; солнышко лиговало, а на землѣ ужъ показывалась зелень; даже у ногъ его молодые коготки муравки совали свои блѣдно-зеленыя свѣжія головки сквозь навозъ и всякую нечистоту, какъ-бы призывая къ себѣ жизнь, свѣтъ и тепло весны. Онъ еще долго сидѣлъ и размышлялъ или старался размышлять. Ему дѣбалось все грустнѣй и грустнѣй.

— Э, какъ парить!—сказаль онъ, какъ бы прерывая прежнія размышленія;—ну, а я то? Ничего не дѣлаю, только время трачу!—захватывало у него дыханіе...

— Вы къ пацѣ?—вдругъ окликнулъ его звонкій гармоническій голосокъ. Онъ поднялъ глаза, вскочиль торопливо и снялъ шапку. Предъ нимъ стояла красивая молодая дѣвушка, черноволосая, съ бѣлымъ красивымъ личкомъ, румяная, высокая, стройная... Глаза ея темные, большіе, съ блескомъ остановились на немъ. Простенькое ситцевое платьице граціозно драпировалась на ней, давая понятіе объ изяществѣ и красотѣ ея тѣла. Дѣвушка была босая и маленькія ножки ея всякій назваль бы очень красивыми. Роскошные волосы ея спускались на круглыя плечи двумя толстыми косами; въ рукѣ она держала порожнее ведро.

— Ага-жъ, ага-жъ! здравія желаю!—смѣшался Степанъ.

— Папа всталъ, идите къ намъ въ комнаты, да смотрите собаки берегитесь, она гдѣ-то на дворѣ!—кратко улыбнулась она и вприпрыжку пустилась къ рѣчкѣ за водою.

— Спасибо, спасибо вамъ паненочка—кланялся ей взадъ Степанъ, а самъ думаль: „вѣдь вотъ дѣвка, такъ дѣвка, чудо что такое! Да какая она добрая, славная! Дай Богъ ей хорошаго жениха“.

Осматриваясь по сторонамъ, чтобы предупредить нападеніе собаки, о которой ему сказала дочь Каспаря, Степанъ подошелъ къ крыльцу дома. Вдругъ на крыльцѣ, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ почти не ожидалъ, зарычала, залаяла большая черная собака и бросилась на него.

— Вонъ, вонъ!!!—крикнулъ Степанъ со всей мочи, конечно, застигнутый врасплохъ.

Собака, вырвавъ кусокъ полы его свиты, нашорошила шерсть и скрылась въ сараѣ.

— Кто тутъ, кто тутъ?—выбѣжалъ на крыльцо Каспарь. Онъ былъ одѣтъ въ изорванный халатъ или, скорѣе, подобіе халата—такъ этотъ халатъ былъ заношенъ и изорванъ; при всемъ томъ онъ не успѣлъ или забылъ запахнуть полы и потому Степанъ увидаль изорванное бѣлье на его тѣлѣ.

— А простите, паночекъ... это собака меня перепугала... пфу, пфу, пфу!—троекратно плюнулъ Степанъ на всякій случай, чтобы „не попричилось“.

— Ахъ, чортъ, ахъ, дьяволь, ахъ, идоль! А не укусила она тебя? обратился заботливо Каспарь къ Степану.

— Нѣтъ, только дернула за полу!—указаль онъ на дыру въ своей свитѣ.

— Ахъ, она идоль! Я ж-жь ее! Вотъ и держи собакъ: всѣхъ добрыхъ людей отучать! Ты стараешься, какъ бы лучше жить съ добрыми людьми, а тутъ вотъ тебѣ на! Погоди-жь, я ее или продамъ мировому судѣ (давно онъ добивается ее у меня) или застрѣлю!—расходился Каспарь.

— Да что-жь, паночекъ... Она, дѣло извѣстное, собака... неразумная тварь! Развѣ ей есть когда разбирать кого кусать?—началь Степанъ и тутъ же прибавиль, болѣе веселымъ тономъ:—а у насъ, скажу вамъ, паночекъ, въ деревнѣ значить, этакія сердитыя собаки большую цѣну имѣють... Какъ же: такая собака вора никогда на дворъ не пустить!

— Да оно, конечно, все это такъ... Да только бросаться на человѣка, да еще днемъ... это особъ статья,—ворчалъ Каспарь.

— Пойдемъ-ка въ комнаты... дружески добавилъ онъ, обращаясь къ Степану.

Они вошли въ переднюю. Комната эта формой походила на гробъ; въ ней было сыро и грязно. Кромѣ неказистаго на видъ стола и табурета съ разѣхавшимися на половину ножками и обугленной доской, да лохани съ помоями, пріютившейся въ углу, ничего не было.

— Посиди, братъ, вотъ на табуретѣ, я сейчасъ начерно прошеніе напишу, а потомъ прочту тебѣ его. Если понравится, перепишу — и съ Богомъ! — замѣтилъ ласково Каспарь, указывая Степану на табуретъ и уходя въ другую комнату.

Степанъ поблагодарилъ и, отбрасывая скобку волосъ, падавшую на глаза, посмотрѣлъ на дыру въ своей свитѣ.

— Вишь, волки бы тебя зарѣзали, выхватила! — мысленно ругалъ онъ собаку.

Прошло съ полчаса времени.

Степанъ началъ разсматривать дворъ Каспаря, но тамъ, кромѣ невзрачныхъ сарайчиковъ, клѣтей и забора, ничего особеннаго не было. Только знакомая дѣвушка, дочь Каспаря, раза три пробѣжала съ ведромъ назадъ и впередъ чрезъ дворъ въ кухню, которая, въ видѣ старой избенки, помѣстилась рядомъ съ домомъ. Степанъ началъ осматривать свое обиталище. Кромѣ знакомой мебели и какого-то портрета, висѣвшаго на стѣнѣ надъ лоханью съ помоями, здѣсь ничего не было. Степанъ потянулся разсматривать портретъ.

— Вишь, становой виднѣ... съ „бляшкой“ во лбу, да съ блестящими „веревками“ на плечахъ... Не тотъ ли самый этотъ становой, что прошлый годъ у насъ скотъ въ Безымяновкѣ за недоимку продавалъ? Да какъ бы и похожъ немного...

Послышались шаги. Степанъ поторопился занять свое мѣсто.

— Ну, вотъ „чернякъ“... послушай! — заговорилъ Каспарь, появляясь предъ Степаномъ и затѣмъ „мелкой дробью“, онъ прочиталъ свое произведеніе.

— Такъ? — спросилъ онъ Степана по окончаніи чтенія.

— Да такъ! Вамъ, паночекъ, больше въ этихъ самыхъ дѣлахъ знать... мы люди темные, — отвѣчалъ Степанъ.

— Обожди чуточку... сейчас перемахая набѣло... Посиди, братъ...

Степанъ опять сѣлъ; сердце его било тревогу, онъ забылъ о портретѣ, о Каспарѣ и его домѣ; онъ думалъ о своихъ дѣлахъ.

— Вотъ теперь къ члену сунься-ка! Еще ничего, коли-бъ ежели добрый панъ онъ былъ, а то Богъ знаетъ, каковъ онъ!

Прошло еще съ полчаса времени.

— Ну, вотъ возьми, да и съ Богомъ! Дай тебѣ Господь Богъ выиграть дѣло! появляясь вдругъ въ передней и вручая прошеніе Степану,—заговорилъ Каспарь:—я братъ постарался. Если не покрутятъ, то твое возьметъ. Письмоводитель тамъ, правду сказать, сволочь, ляхъ закоренѣлый и крутель-изъ крутелей, всѣмъ присутствіемъ заправляетъ... Ну, а все-таки Богъ милостивъ. Молись братъ Богу... Богъ выручитъ!

— Спасибенько, спасибенько вамъ!—развязывая тряпку и доставая оттуда рубль, благодарилъ Степанъ.

— „Въ онучѣ деньги тягучи!“—смѣясь замѣтилъ Каспарь, любуясь развязывавшимъ грязную тряпку и руками и зубами Степаномъ.

— Да... лишь бы Господь-Богъ помогъ, а то я вашу милость никогда не забуду.

— Не робей, братъ, — если не покрутятъ (вѣдь членъ у насъ „мялица“, правду сказать, а письменодитель всѣмъ вочааетъ), то твое возьметъ!—получая рублевку, успокоивалъ Степана Каспарь.

Степанъ простился и вышелъ.

— Ахъ, братъ, я и позабылъ: вотъ тебѣ палка! Если бросится на тебя собака, то хорошенько ее проклятую!—вылетая на крыльцо вслѣдъ за Степаномъ, заговорилъ Каспарь:—на, братъ, палку, да хорошенько ее, если бросится!—повторилъ онъ, вручая Степану большую дубину.

— Ага! спасибенько вамъ, паночегъ... я уже!...—улыбнулся Степанъ.

— Ну, прощай!

— Счастливенько оставаться; дай Богъ вамъ всего хорошаго!.. переводя глаза съ Каспаря на сарай, гдѣ скрылась собака, прощался Степанъ.

Собака на этотъ разъ оставила его въ покоѣ.

— Вишь, вѣрно хитрая штука, зарѣжь твою мать волги,—
видить, что съ палкой иду!—внутренно засмѣялся Степанъ,
ругая собаку и затѣмъ пошелъ отыскивать крестьянское при-
сутствіе.

— Эхъ! мало ли еще придется возиться съ этимъ дѣломъ,
да что-то будетъ со всего этого?! Сохрани и помилуй Гос-
поди!—вздыхаль Степанъ, лежа у забора, примыкавшаго къ
большому деревянному дому, который какой-то солдатъ,
спрошенный Степаномъ, называлъ „христіанскимъ присут-
ствіемъ“. Изъ дверей этого присутствія выходили и входили
туда съ разными сумками, книгами и портфелями и „хоро-
шіе“ и „такъ себѣ“, т. е. прилично одѣтые и полуоборван-
ные паны и „подпанки“. По улицѣ прошли солдаты, свергая
штыками ружей. Солнце своротило съ полудня. Степанъ еще
не рѣшался идти подавать прошеніе. Вдругъ дверь присут-
ствія отворилась и на крыльцо вышли два господина съ
огромными животами; величина послѣднихъ, по мнѣнію Сте-
пана, равнялась самымъ большимъ „гарбузамъ“, когда-либо
выроставшимъ на безымяновскихъ огородахъ.

Степанъ вскочилъ на ноги, конечно, струсивши предъ та-
кими важными персонами, а между тѣмъ внутри его какой-
то непокорный голосъ ворчалъ:

— Вишь ты... поглядѣть, такъ писари, кажется... Не такіе
какъ нашъ вислоухій... Одно пузо что-чего!

— Эй, ты!—махая палкой снизу вверхъ, окрикнулъ Сте-
пана одинъ изъ толстыхъ писарей—тотъ, который казался
нѣсколько моложе и юрчей своего сотоварища.

Степанъ, снявши съ головы шапку, съ бьющимся отъ
страха сердцемъ и трепетомъ во всемъ тѣлѣ, подбѣжалъ къ
господамъ.

— Ты чего?

— Съ жалобой на брата, на Кузьму.

— А, а! такъ и есть! Не оклигни я, такъ бы и лежалъ
цѣлый день. Надо знать вашу натуру мужицкую!

Степанъ началъ вынимать изъ-запазухи прошеніе.

— Черти васъ гоняють, мужичье этакое!—ворчалъ все

тотъ же господинъ: работать бы теперь, а то вотъ этакой молодецъ и такіе дни трѣть, стыдно!

— А-жъ, мы...

— Ну, скорѣй давай прошеніе! Вишь помялъ!—саркастически прибавилъ господинъ:—свинство просто—и затѣмъ, поджавши палку подъ лѣвую мышку, онъ началъ пробѣгать глазами прошеніе. Другой же господинъ, все это время, смотрѣлъ куда-то на бульваръ, причѣмъ нижняя губа его рта отвисла настолько, что Степанъ невольнo вспомнилъ свою старую вороную лошадь, которая во время покоя имѣла привычку опускать нижнюю губу точно такимъ же образомъ.

— Ну, хорошо!.. Все будетъ прислано въ вашу волость!—сказалъ господинъ, прочитавши прошеніе и опуская его въ боковой карманъ своего пальто. Степанъ поклонился и, надевая шапку, пошелъ по улицѣ. Хотѣлось ему попросить этихъ „пановъ“, рассказать имъ все порядкомъ, облегчить душу... Оглянулся онъ—они были уже далеко на бульварѣ.

— Видно, эти паны много разговаривать не любятъ,—рѣшилъ Степанъ.—Однако,—размышлялъ онъ далѣе:—славно онъ сказалъ—чего не работаете, а дни трѣте... Славно, славно! Разумный, видно, панъ, вродѣ Каспаря! Видно тутотька въ городѣ въ этомъ всѣ хорошіе люди... Не то, чтобы нашъ старшина, примѣромъ сказать... То—совсѣмъ, какъ есть, лапотъ, а роздуй его горой, „шкуратомъ скверется“!.. *) А это вишь паны какіе?! Однимъ словомъ паны!

Онъ шелъ по улицѣ, забывъ надѣть на голову шапку.

— Пообббгодите-жъ! я вааааъсь пошляюсь!—раздался вдругъ недалеко пискливый голосокъ.

Степанъ инстинктивно поднялъ глаза. Нѣсколько впереди его, поднявши толстую камышевую палку и потрясая ею въ воздухъ, шелъ твердою поступью исправникъ „во всей формѣ“. Степанъ сразу призналъ въ немъ исправника, потому что онъ слышалъ, что въ городѣ только два начальника: исправникъ и становой. Становаго онъ видѣлъ нѣсколько разъ, а этотъ былъ совершенно ему незнакомъ, слѣдовательно долженъ былъ быть ни кто иной, какъ исправникъ.

*) Шинить, какъ кусокъ кожи на огнѣ.

Навстрѣчу исправнику шла гуча мужиковъ, державшихъ шапки въ рукахъ и съ необыкновенною покорностью подступавшихъ, такъ сказать, подъ „исправничью дубинку“.

— Опять хлѣба, опять?!—раздался тотъ же пискливый голосъ:—всѣ магазины вездѣ до чиста очищены! Потомъ осенью опять не урожай!.. Что, мнѣ разорваться съ вами, что ли? Видишь собрались!..

Степанъ, видя, что дѣло пошло на „сурьезъ“, пробрался сторонкой около бульвара и безъ оглядки пустился изъ города. Однако ему еще пришлось повстрѣчать „вахмистра“. Снявши шапку, Степанъ ему поклонился, за что едва удостоился легкаго начальничьяго взора. Степанъ пустился еще быстрее.

— Ну, э тотъ, можетъ-быть, исправникъ, а тотъ, что голынь тѣхъ мужиковъ, можетъ-быть, еще какой начальникъ. Кто ее разберетъ,—думалъ Степанъ, поглядывая на массивную фигуру вахмистра, тихими шагами удалявшагося отъ него.

Только будучи уже въ полѣ, когда раздались отовсюду царящія понугиванья и пѣсни пахарей, да разсыпались вдругъ въ небесной вышинѣ трели жаворонковъ и другихъ птичекъ, Степанъ оправился и, что называется, пришелъ въ себя.

— А, да!.. кажется, что портретъ, который висѣлъ у Каспари надъ „помойницей“, будетъ этого послѣдняго начальника..—мелькнуло вдругъ въ его головѣ. Поразмысливши еще кое о чемъ, Степанъ пришелъ къ такому убѣжденію, что лучше „тридневку“ постить или недѣли двѣ даромъ работать безъ отдыха, чѣмъ по начальству съ жалобами ходить да на неприятности разныя „натывать“.

VIII.

Первымъ долгомъ, по прибытіи изъ города въ Безымяновку, Степанъ зашелъ къ Леону и Захару.

— Ну, что?—спросилъ Леонъ, встрѣчая его въ калиткѣ въ своихъ воротахъ.

— Подаль!

— Что сказали?

— Ничего... что хорошо, пришлють все въ волость.

— Гмм... Къ Каспарю писать прошеніе ходилъ?

— Ага-жь къ Каспарю... добрый такой пань...

— Ну, Каспарь человекъ дѣльный. Зайдемъ-ка теперь къ намъ!—пригласилъ Леонъ Степана.

Степанъ подробно разсказалъ Леону, Захару и Степанидѣ о своемъ путешествіи и приключеніяхъ; даже для эффекта онъ кое-что присочинилъ... Последнее обстоятельство нельзя было отнести къ роду хвастовства, потому что у Степана какъ-то само собой отъ полноты души — получался такой выводъ.

Степанъ пробылъ у Леона и Захара до вечера и хотѣлъ уже уходить отъ нихъ.

— Ты куда?—вдругъ спросилъ Леонъ.

— А къ сборщику,—замаялся Степанъ.

— Вотъ новость! Оставайся у насъ, пока все это поуляжетъ!—заговорилъ рѣшительно Леонъ.

Степанъ сразу согласился, потому что, по его выраженію, ему негдѣ головы преклонить, а къ Кузьмѣ итти хуже, чѣмъ въ пекло; но Захаръ замолвилъ нѣсколько словъ на счетъ „общественнаго мнѣнія“, пересудовъ и проч.

— Ка-а-а-во?!—вспылилъ вдругъ Леонъ:—смотришь на пересуды?! Какая-либо обезьяна начнетъ ломать языкъ... Да что мнѣ эти „шкурятя“, эта „грязь“ безымяновская? Развѣ это люди? Пересуды!.. Какая-либо харя безмозглая начнетъ ломать грибы, такъ и слушай ее, пфу!—желчно плюнулъ Леонъ, снимая со Степана своими руками кушагъ и свиту, какъ бы въ доказательство того, что онъ не отпуститъ его и брата не послушаетъ.

Такимъ образомъ Степанъ остался жить у будущихъ своихъ швагрей.

— Ты, братъ, смотри, да осматривайся!.. Развѣ не слышалъ?—началь однажды сборщикъ, встрѣтивши Степана на улицѣ.

— А что?

— Да ничего! А вотъ, братъ ты мой, прослышавши, что ты у Леона и Захара живешь, Кузьма, говорятъ люди, очень

„вспридался“ *)!.. Да видно и то ему тоже по нраву не пришлось, что ты въ городъ ходилъ и на него жалобу подалъ... Ну, такъ вотъ и вспридался онъ... въ волость, говорятъ, чуть не кажинный день ѣздилъ, да все тебѣ грозилъ. А изъ волости въ городъ, я слышала, по твоему дѣлу самъ писарь ѣздилъ, чтобы, значить, твою жалобу тамъ это похѣрить...

— Не можетъ быть!—испугался Степанъ.

— Да вотъ не говори: загуляло лихо! А, можетъ-быть, люди лгутъ: языкъ вѣдь безъ костей!...—какъ бы въ чемъ-то сомнѣваясь, заключилъ сборщикъ.

Послѣ этого извѣстія Степанъ сдѣлался самъ не свой.

— Въ самомъ дѣлѣ, чего лучшаго: покрутить—„помутятъ“ все дѣло; вѣдь Кузьмѣ не въ первый разъ такія дѣла обдѣлывать! Ну, и что жъ тогда будетъ? Неужто всѣ мои хлопоты даромъ пропадутъ, а изъ имущества только третью часть мнѣ выдѣлятъ и пятнадцать розогъ тоже придется получить? При послѣдней мысли Степана бросало то въ жаръ, то въ холодъ и голова его сильно разболѣвалась.

Очень не хотѣлось ему повѣрять свои сомнѣнія кому-либо, но онъ не удержался и открылъ все Леону.

— Да?! Ну, противъ закона не поступать! Какъ же: гдѣ ты видѣлъ, посуди самъ, чтобы такъ судили... Два родные брата имѣютъ имущество,—ну, если пожелають дѣлиться, то дѣли пополамъ,—не робей! Еще съ-поконъ вѣку не было, чтобы такое ослиное рѣшеніе утверждали!...—утѣшалъ Леонъ Степана. Не извѣстно только, какъ въ дѣйствительности объ этомъ думалъ Леонъ, такъ какъ послѣ этого разговора онъ началъ относиться къ Степану какъ-то сдержаннѣе и никогда ужъ самъ не заводилъ рѣчей о его дѣлѣ. Степану отъ такой перемѣны отношеній Леона дѣлалось жутко и предчувствіе чего-то нехорошаго не давало ему покоя.

— А вотъ придетъ бумага, а тамъ скажутъ: а ну-ка иди въ волость, да и драть начнутъ?!—вдругъ ни съ того, ни съ сего приходила мысль въ голову Степана и такъ ему потомъ дѣлалось жутко и страшно, что онъ не разъ собирался какъ-либо вечеромъ испросить прощенія у Кузьмы. Онъ, по всей вѣроятности, и сдѣлалъ бы это, еслибы не былъ увѣ-

*) Запорожь горячку.

рень, что Кузьма теперь, видя на своей сторонѣ перевѣсъ, ни за какія блага его не простить.

— А что если меня выдерутъ?—опять задавалъ себѣ вопросъ Степанъ и, сознавая свою безпомощность, онъ дѣлался въ собственныхъ своихъ глазахъ такимъ маленькимъ, ничего—незначащимъ человѣчкомъ, что, казалось ему, хуже его на свѣтѣ никого изъ людей нѣтъ и что всякій въ правѣ его обидѣть.

Прошло болѣе мѣсяца со времени переселенія Степана къ Леону и Захару. Въ теченіе этого времени Степанъ жилъ и работалъ у нихъ, конечно, давая богатый матеріалъ для сплетней деревенскимъ бабамъ и даже мужчинамъ.

— Ну, братъ, бумага пришла въ волость, тебя требуютъ, сборщикъ приказъ мнѣ передалъ, — однажды въ субботу вечеромъ, вынимая изъ кармана своей поддѣвки засаленную бумажку и развертывая ее, говорилъ Степану Леонъ.

Сердце Степана такъ и ёкнуло.

— Да не бойся! Можетъ-быть, еще и отмѣнили рѣшеніе!—нѣсколько сомнительнымъ тономъ и слегка нахмуря лобъ, говорилъ Леонъ.

Степану, конечно, не помогло это утѣшеніе. Цѣлый вечеръ продумалъ онъ горькія думы, мѣнявшіяся то надеждой, то безнадежностью. Тревожно провелъ онъ и ночь.

На другой день, въ воскресенье, рано утромъ онъ отправился въ волость.

Сперва ему было сравнительно весело, но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ волости, тѣмъ хуже дѣлалось у него на душѣ, и ноги сами собой „подкашивались“. Вотъ и волостное правленіе; вотъ опять телѣги, опять крики и ругательства. Тамъ оралъ кто-то за землю, въ другомъ мѣстѣ за запашку, въ третьемъ за перемѣры земли и т. д.

— Ты не смѣй, а ни вершка моей земли запахивать! А зачѣмъ ты между вѣковѣчную „взлупцовалъ“ *), га?—распинался пожилой человѣкъ, грозя молодому парню.

— А вы, „глобофды“! **)—горланилъ другой голосъ;—довольно уже вы пользовались общественною землею и лѣ-

*) Вспахалъ.

**) Мировды.

сомъ!... Теперь и мы смышленѣе стали и въ какъ за васъ примемся! Ничего, что мы одиночки!... Дѣти наши подростутъ, такъ тѣмъ хотя лѣсокъ достанется; довольно вамъ нашею землею пользоваться! Вотъ, помолясь Богу, взять землемѣра да и размѣрять все, какъ слѣдуетъ!

— Землемѣра? — возражалъ другой голосъ. — Какого тебѣ землемѣра! Не видали мы что ли землемѣра! Мы и сами почище всякаго этакаго землемѣра вымѣряемъ, лишь бы было что мѣрить! Тутъ некогда землемѣра искать... его еще богачи подкупаютъ, тогда что?! Тутъ надо не то что, а просто-напросто веревками „шарсъ!“ перемѣрять землю, да и дѣло съ концомъ!...

— Ну, веревками, такъ веревками, а дѣлить надо! Что это „позаглобали“ землю, гдѣ кто попалъ, га?! — раздавались голоса.

Степанъ остановился въ сѣняхъ, какъ извѣстно, — мѣстѣ, гдѣ дерутъ мужиковъ по праздникамъ и гдѣ кормятъ свиней волостнаго писаря — по буднямъ.

— Тиша! что это васъ тутотѣга разобрало! — заглядывая въ сѣни, вдругъ крикнулъ старшина на оравшихъ мужиковъ.

— Ну, вотъ... о васъ съ Кузьмой бумага пришла! — обратился вдругъ къ Степану съ какой-то блаженной улыбкой старшина.

— Слава Богу... — тихо проговорилъ Степанъ.

— Ну, да... ха, ха, ха! Гдѣ ты Кузьма, га? — окрикнулъ толпу старшина.

— Тута! — раздался громкій голосъ Кузьмы, тотчасъ выдѣлившагося изъ кучки мужиковъ, сидѣвшихъ въ углѣ на скамеечкѣ.

— Вотъ, съ братенникомъ... ха, ха, ха! — засмѣялся опять старшина, перебѣгая глазами со Степана къ Кузьмѣ.

— Да что-жь! — комически улыбаясь, полѣзъ Кузьма пятерней правой руки въ свой затылокъ.

Старшина, усмѣхаясь, подошелъ къ двери „камеры“ и тихо позвалъ:

— Веремѣвичъ!

— А! — вылетѣлъ писарь и, увидя Кузьму, засіялъ улыбкою: — А, здравствуй Кузьма! — подалъ онъ ему руку.

— Вотъ и бумага по вашему дѣлу прикатила! Утвердили

рѣшеніе суда! И намъ честь, что хорошо судимъ и рѣшенія правильно составляемъ!...—продолжалъ писарь, презрительно косясь въ сторону Степана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надменно оглядывая толпу мужиковъ: — „Вотъ послушайте-ка, что въ предписаніи пишется“...—вскинулъ глазами онъ на Кузьму и началъ читать предписаніе крестьянскаго присутствія.

Степанъ стоялъ пораженный... Какая-то невѣдомая сила сковала его члены... Какой-то туманъ забвенія и одурѣнія наполнилъ его голову... Словно кто ударилъ его по темени обухомъ — такъ пришлось ему это извѣстіе... Предписаніе было прочитано, но онъ ничего не слышалъ и тѣмъ болѣе не понималъ. Казалось, онъ лишился на время способностей мыслить и чувствовать:

— Ну, ну... соколигъ!... ха, ха, ха! Ходи-тка въ сѣни, попарю... ей Богу попарю! Словно въ банѣ того... ха, ха, ха!—засмѣялся кто-то дергая Степана за рукавъ свиты. Онъ оглянулся. Извѣстный уже волостной сторожъ Харитонъ, улыбаясь всеѣмъ своимъ личикомъ, тянулъ его за рукавъ. Страннымъ показалось лицо старичка Степану и какъ удержался отъ удара по этому лицу, Степанъ послѣ и самъ удивлялся.

Врядъ ли понималъ что-либо Степанъ, когда его вывели въ сѣни и положили плашмя на полу...

— Спускай, спускай побольше! Да что вы не держите, а? Берите въ четверомъ, а то вѣдь онъ впервой и богачъ, на вольномъ хлѣбѣ жилъ, силъ собралъ, такъ еще того... вырваться можетъ!...—распоряжался старшина.

— Разъ!—раздался монотонный голосъ сторожа.

— Ай!—невольно вскрикнулъ Степанъ.

— Крѣпче Харитонъ!—крикнулъ старшина.

— А, вотъ какъ дѣлится! — слышался дѣловой голосъ Кузьмы.

— Пятнадцать!—окончилъ сторожъ и отошелъ съ розгами. Степана освободили. Онъ остановился и безцѣльно тупымъ взоромъ обводилъ окружающую толпу. Потомъ, заревѣвши во всю моченьку, при общемъ хохотѣ, бросился изъ сѣней волостного правленія...

На этотъ разъ Степанъ не покушался уже ни удавиться, ни топиться, хотя теперь не представлялось къ тому ни препятствій, ни затрудненій... Можетъ-быть, послѣднее обсто-

ательство, т.-е. свобода, въ физическомъ смыслѣ, удержала его отъ покушенія на свою жизнь...

— Господи! Да что же это такое? — заливался слезами Степанъ, чувствуя нестерпимую боль въ заднихъ частяхъ тѣла. — Да дочего-жъ таки это я дожилъ, а? А какъ я кому-либо на глаза покажусь? — вдругъ вскрикивалъ онъ, въ ужасѣ хватаясь обѣими руками за голову, и въ то же время мысленно проклиная Кузьму со всѣмъ его "родломъ" *). — Ну, куда я теперь пойду? — уже вблизи Безымяновки, осматриваясь по сторонамъ, плакалъ Степанъ: — а что поговору, да осуду будетъ! А сраму одного сколько! Э-эхъ! пойду хоть къ Ицкѣ!... пропадать, такъ пропадать!... — махнулъ онъ рукой и отправился въ корчму.

— Э, Степанъ! да и напился же ты вчера у Ицки... Едва мы съ Ивкой тебя до меня довели, ей Богу! — такъ говорилъ на другой день утромъ знакомый читателю безымяновскій сборщикъ, обращаясь къ проснувшемуся у него въ хатѣ Степану.

— А! — тёръ себѣ лицо и лобъ Степанъ: — такъ это я у тебя, дядя, въ хатѣ? Спасибо вамъ... — Тутъ онъ хотѣлъ сѣсть на лавку, на которой спалъ, но вдругъ ахнулъ и соскочилъ на полъ...

— Больно? — спросилъ сборщикъ.

— Да... охъ!

— Да онъ, Харитонъ тотъ, руки бы ему не служили, добре дереть! Съѣжится въ комочекъ, а отпустить — кàта за поясъ заткнетъ!... — какъ бы размышляя говорилъ сборщикъ. — А Кузьма, — прибавилъ онъ, потупя глаза въ землю, — еще вчера разнесъ вѣсти по всей по деревнѣ, что тебя въ волости ободрали... — Степанъ и краснѣлъ, и блѣднѣлъ; ему казалось, что онъ самъ себѣ опротивѣлъ и вдругъ изъ глазъ его потекли ручьями слезы.

— Чему это своимъ обществомъ насъ не разобрали! — ревелъ онъ.

— Нѣтъ, братъ, это они все не по закону. Какъ это мож-

*) Родомъ, семействомъ.

но въ обиду такую и за что, за какое человѣка пускать! — хмурясь и гремя говорилъ съ досады сборщикъ. — Да... братъ ты мой... — спустя минуту заговорилъ сборщикъ: — теперь надо васъ раздѣлить... Изъ волости вчера объ этомъ о самомъ и приказъ пришелъ. Я уже и за старостой хочу послать, а то Кузьма еще и послѣднее разволочеть!...

— Пушай его Богъ на большой дорогѣ, на пути... совсѣмъ его „кѣдломъ“ разобьетъ! Пушай онъ подавится! — рыдалъ Степанъ.

— Ну, братецъ, слезами горю не поможешь, только голову пуще одуришь! Надо будетъ дѣло дѣлать! Что прошло, того воротить нельзя... А мы уже за тебя, коли ежели того... стоимъ всѣмъ обществомъ...

— А не надо мнѣ ничего, пушай все пропадаетъ! Лучше я въ батраки пойду!

— Да не дури! Не горячись!... Уймись — я тебѣ говорю! Коли ежели ты ничего не возьмешь изъ вашего имущества, то Кузьма радъ будетъ... Вѣдь онъ бусурманъ, а никтонибудь... Онъ хуже жиды! — утѣшалъ Степана сборщикъ.

Въ концѣ концовъ наши „страдальцы“ отправились къ Ицкѣ за извѣстнымъ утѣшеніемъ. Невесело высматривалъ теперь Степанъ. Онъ сильно исхудалъ; лицо его было блѣдно; во взглядѣ замѣчался какой-то странный и бессмысленный испугъ. Теперь ему необходимъ былъ болѣе сильный руководитель, чтобы не спиться съ кругомъ или не сдѣлаться, какъ говорится, пропащимъ человѣкомъ.

IX.

Наступилъ день дѣлежа. На дворѣ богачей присутствовали: староста, сборщикъ и нѣсколько понятыхъ. Степанъ стоялъ сзади всѣхъ и что ни давали на его долю — на все соглашался. Кузьма же, напротивъ, гордо распоряжался, при случаѣ ругался, ожесточенно дѣйствовалъ и старался дать на братнюю часть все похуже.

Достались Степану, кромѣ надѣла земли, два старыхъ мерины, въ числѣ коихъ былъ и тотъ, у котораго, во время покоя, отвисала губа; также достался ему жеребенокъ треть-

ячокъ, двѣ коровы—старушки, пять овецъ съ приплодомъ, нѣсколько свиней похуже; нѣсколько колодь пчель, старая хата, амбаръ и еще кое-какія второстепенныя постройки.

— Вотъ, теперь „разбуримъ“ *) хозяйство, и дворъ — на дворъ не похожъ будетъ... Эхъ!—журился, т.-е. злоствоваль, Кузьма.

При дѣлежѣ хлѣба пошли споры. Степанъ вдругъ ожесточился и началъ доказывать, что по его расчету хлѣба должно быть гораздо больше.

— А ты, дрянь-то этакая, еще каши захотѣлъ, а? Не довольно тебя покормили? Мало еще ты мою душу „поволочилъ“?! — вдругъ сверкнулъ на него глазами Кузьма. Степанъ заплакалъ.—Плачь, плачь! Еще кровью когда-либо заплачешь!... Вспомнишь мое слово!—ворчалъ Кузьма.

Такимъ образомъ послѣдовалъ имущественный раздѣлъ безымянныхъ богачей. Кузьма, въ тотъ же день, рассчиталъ одного своего батрака, но другаго оставилъ за собою.

Вслѣдствіе того, что Степанида дѣйствительно была беременна, да и Степану теперь, когда онъ сдѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ, безъ бабы оставаться было не возможно, при помощи Леона и Захара, скоро была сыграна свадьба.

Печальна и грустна была церемонія вѣчанія. Вѣпчались Степанъ и Степанида,—но какъ далеко не были они похожи на жениха и невѣсту, выходявшихъ другъ за друга по любви!... Отъ природы бойкая и веселая Степанида была страшно блѣдна и отъ стыда за себя и за своего избранника почти не могла поднять глазъ. Пренный молодчина Степанъ превратился вдругъ въ какого-то автоматически-апатичнаго ко всему парня. Не было на его лицѣ ни радости, ни удовольствія, отсутствовала улыбка; не замѣтно было никакого умнаго и добраго выраженія. Было что-то тупое, равнодушное, несимпатичное, отталкивающее, полубезсмысленное...

Это были двѣ жертвы неправды и вкоренившихся въ народъ предрасудковъ.

На свадьбѣ почти никто не веселился и прошла она для

*) Разнесемъ, разоримъ.

новобрачныхъ какъ сонъ: непривлекательная, томительная, покрытая тяжелымъ туманомъ безнадежной будущности... Однако нелишнимъ будетъ упомянуть, что на этой свадьбѣ всѣхъ болѣе, если не повеселился, то отличился Леонъ. Впервые, онъ порядочно напился, во-вторыхъ „отбузовалъ“ двухъ сватовъ, заикнувшихся было спяна о жизни молодыхъ до свадьбы и въ третьихъ онъ, браня всѣхъ сволочей, „свиной“, и угрожая всѣмъ „шкуры поспустить“, въ азартѣ вдругъ ни съ того ни съ сего схватилъ икону Чудотворца Николая и ударилъ ею о землю такъ, что только цыры за-сверкали. Къ счастью для Леона, послѣднее обстоятельство было скрыто гостями, такъ какъ самъ Леонъ, не трезвись, не на шутку испугался и просилъ всѣхъ гостей „потушить“ это дѣло, клятвенно обѣщаясь признаться на основѣди по-пу въ такомъ святотатственномъ поступкѣ...

Расходы по свадьбѣ, уплата долговъ: Ишь за водку, понятымъ за проходъ въ волость на судъ, покунка земешей для сохъ и обзаведеніе кое-какими хозяйственными снарядами, а тамъ и уплата 1-й половины оклада за надѣлъ земли—унесли деньги, вырученныя Степаномъ за десять колодь пчель, за пару свиной и нѣсколько штукъ овецъ, проданныхъ баснословно дешево цѣловальнику сосѣдняго села.

Молодые поселились въ своей хатѣ.

По случаю весны, ломать дворъ было некогда, почему дѣло это было оставлено братьями до осени. Теперь надо было работать, дѣлать посѣвы яровыхъ хлѣбовъ и Степанъ, забывая всѣ невзгоды, съ особой энергіей принялся за работу.

Послѣ дѣлежа Кузьмѣ пришлось со своимъ работникомъ приняться за полевые работы. Часто, словно неумышленно, онъ запахивалъ Степанову „полоску“, а потому между братьями рѣдко обходилось безъ ссоръ. При всемъ томъ, Кузьма со своей женой буквально не давали проходу своимъ „половинщикамъ“. Казалось, еслибы курица Степана напилась воды въ ведрѣ Кузьмы, то Кузьмиха подняла бы вой и до „смерти“ заругала бы Степаниду, называя ее „шлюхой“, потаскухой и, вообще, готова была бы на всевозможныя ссоры. Считая себя „честной“ бабсй, Кузьмиха имѣла своею обязанностью дѣлать разныя непріятности Степанидѣ. Степанида же большею частію молчала или плакала.

— Плачь, плачь, дрянъ ты несосвѣтная... На слѣдъ мой не наступай! Дай Боже только осени дождаться, а тамъ чтобы во вѣки-вѣковъ не видать васъ чертей „лонскихъ“! *)— горланила Кузьмиха.

Съ теченіемъ времени пошли еще и худшія послѣдствія. Оба брата какъ-то внутренно остервенѣли другъ противъ друга. Хотя у Степана и было много пріятелей между безымяновцами, но послѣ того, какъ его ободрали, отношенія ихъ къ къ нему охладѣли.

Странно дѣлается между крестьянами: пока человѣкъ ничѣмъ не опороченъ и, такъ сказать, держится на извѣстной высотѣ нравственности, его всѣ уважають. Но чуть только произойдетъ что-либо противное, хотя бы и не по винѣ этого человѣка, то всѣ отворотятся отъ него или охладѣють до степени недруговъ. Что касается Кузьмы, то послѣ всего происшедшаго между нимъ и братомъ всѣ безымяновцы возненавидѣли его. Поэтому выходило то, что Кузьмѣ всякій старался „напакостить“, а Степана всѣ оставляли въ покоѣ. Кузьма видя, что „гады“ начинаютъ ему вредить,— приписалъ это сочувствію ихъ къ Степану... Въ свою очередь, онъ задумалъ мстить послѣднему и, на первый разъ, для „пробы“, околѣчилъ его поросенка. Конечно, изъ-за этого между братьями произошла крупная ссора, едва не кончившаяся дракой... Черезъ нѣсколько же дней у Кузьмы издохла самая лучшая корова и, вслѣдъ за тѣмъ, во время ночлега волки зарѣзали самаго лучшаго его мерина.

Падежъ коровы Кузьма, безъ задней мысли приписалъ Степановой „милости“, думая, что онъ отравилъ ее. Относительно же мерина, зарѣзаннаго волками, у Кузьмы утвердилось мрачное понятіе... Онъ думалъ, что Степанъ подкунилъ какого-либо „вѣдьмака“**), который и наслалъ волковъ... Особенно эта мысль вкоренилась въ мозгу Кузьмы тѣмъ крѣпче, что меринокъ его былъ еще по третьей травкѣ и „пѣреду“ въ стадѣ не водилъ...

Безымяновцы радовались такому несчастію Кузьмы; Степанъ тоже посмѣивался. Кузьма же изъ себя выходилъ, не

*) Надо полагать „лондонскихъ“ или отъ слова: „лоно“—самыхъ главныхъ.

**) Колдуна.

зная, чѣмъ и какъ отомстить своимъ „врагамъ“. Онъ зачастую посѣщать церковъ: ходилъ и ѣздилъ чуть не каждое воскресенье и праздники; закупиwвалъ молебны и усердно ставилъ свѣчи.

— Да что же ты, Кузьма, все Ивану Воину, да Ивану Воину молебны служишь?— удивлялся священникъ.

— Служите, батюшка... Я деньги заплатилъ...— Смирненно отзывался Кузьма и, пока попъ служилъ молебенъ, онъ жарко молился Ивану Воину, чтобы этотъ святой нагазалъ всѣхъ его враговъ и супостатовъ.

Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше неприятности осаждали Кузьму: то во время ночлега кто-либо изъ безымянцевъ „оброти“ у его батрака украдетъ и на огнѣ сожжетъ, то лошадей его „распутаетъ“ и послѣдняя, пользуясь свободой ногъ, залѣзутъ въ чей-либо хлѣбъ, гдѣ ихъ и заберутъ безымяновцы и потащутъ потомъ, Кузьму въ волость на судъ; то собственную копну хлѣба Кузьмы чьи-либо лошади разобьютъ въ пухъ... Словомъ, выходила какая-то необыкновенная чертовщина. Но каковы ни были неприятности, при энергичномъ характерѣ Кузьмы и капиталѣ, находившемся въ его распоряженіи, ему было съ полгоря...

Что же касается Степана, то этому приходилось, дѣйствительно, плохо. Выѣдетъ онъ, на примѣръ, на свою „полоску-дудку“, то ни пахать, ни боронить! Вертись, да крутись, да переѣзжай съ полоски-на полоску: ни отдохнуть, ни поработать толкомъ! Вспахалъ или заборонилъ „гоньки“ *), впрягай лошадь въ телѣгу, забирай остальныхъ лошадей съ собою, пасущихся гдѣ-либо не подалеку, и переѣзжай версты за двѣ на другую полоску, на другія гоньки и т. д. А тамъ смотри и лошади гдѣ-либо въ чужой хлѣбъ забрались и бѣды надѣлили; ну, судись—или плати! Съно ли подкосить Степанъ—грестъ его некогда, а баба гдѣ-либо жнетъ хлѣбъ—въ другомъ мѣстѣ... Линетъ дождь и все пропало! У людей семьянистыхъ дѣла идутъ не такъ: установилась хорошая погода—всѣ тотчасъ берутся за уборку сѣ-

*) Часть полосы земли.

на; наступила непогода — бдутъ пахать паровое поле или подкашиваютъ траву на сѣно.

Надо сказать и то, что грести сѣно на узкой полосѣ крайне не удобно и не выгодно. Чтобы нагрести копну, нужно таскать сѣно почти на полверсту пространства, особенно если трава на лугу плоха.

Умается на работѣ Степанъ, надо бы ему отдохнуть, хотя въ праздникъ, но тутъ и празднику не радъ! То на сходку ступай, то кто-либо въ судъ за потравлу вызоветъ. Что касается ночи, то и тутъ нѣтъ покоя: смотри сосѣдь принесъ трещетку и „коцебу“—регалии деревенской почной стражи, съ которыми надо итти на сторожку. Конечно, въ случаѣ итти на сторожку въ лѣтнюю пору, Степану приходилось просить кого-либо изъ безмянцевцевъ взять его лошадей на почлегъ. Такимъ образомъ всякая мелочь, съ которою легко было бы управиться ребенку, отвлекала Степана отъ серьезной работы и не давала времени хорошенько сосредоточиться на чемъ-либо отдѣльномъ, такъ что не зналъ онъ, что начать, что бросать и что кончать.

Выѣхавши же въ поле и уславши жену куда-либо жать хлѣбъ, некому поручить присмотръ за дворомъ... А тамъ цыганы по деревнѣ рыщутъ,—смотри, и послѣднее утащутъ.

О постороннихъ заработкахъ и думать было нечего, потому что, еслибы куда отправиться, хозяйство совершенно придетъ въ упадокъ и будетъ болѣе убытка, чѣмъ заработковъ.

— Хотя бы подростокъ!—думалъ Степанъ и очень завидовалъ Семгѣ Пильтугу, у котораго дѣтей куча, хотя дѣти эти, вмѣсто того, чтобы что-либо работать, занимались воровствомъ и опустошали чужіе огороды.

Принимаясь за работу въ первый разъ послѣ раздѣла, Степанъ не задумывался объ уборкѣ луговъ и обработкѣ своего надѣла. Онъ, надо сказать, надѣялся убрать свои луга и у помѣщика десятину какую-либо „съ половины“—взять... Но послѣ самъ ужаснулся, не довѣряя своимъ силамъ... Онъ когда-то слышалъ о фокусахъ и чародѣйскихъ штукахъ. Подозрѣвая вліяніе этихъ сверхъестественныхъ силъ на самого себя, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что ему дай Богъ управиться хоть съ однимъ надѣломъ земли...

Къ осени вышло то, что Степанъ отсѣялъ рожь, уплатилъ 2-ю половину казенныхъ и другихъ повинностей, да и крестыбины сгулялъ, потому что Степанида подарила его дѣвочкой-малюткой. Разсчитавши все хорошенько, онъ увидѣлъ, что сѣна и хлѣба на зиму у него не хватитъ, притомъ и картофель уродилъ плохо. Между тѣмъ непріятности съ Кузьмою такъ и росли! То на гумнѣ, которое было еще въ общемъ владѣннн братевъ, Кузьма не позволялъ Степану молотить; то пеньку свою Кузьма замочилъ въ „сажалкѣ“ на самой срединѣ, такъ что Степану пришлось помѣстить свою пеньку въ сажалкѣ благодушнаго сборщика, который „потиснулся“ и уступилъ ему мѣсто. За баню тоже выходили раздоры. Кузьма, на примѣръ, ни за что не далъ бы бани для сушки пеньки какому-либо „гаду“ - безымяновцу, но Степанъ, какъ компаніонъ этой бани, позволялъ всякому, кто только просилъ... Словомъ, дошло до того, что братья готовы были утопить другъ дружку въ первой лужѣ.

Осенью управившись съ работою, Кузьма и Степанъ начали „ломать“ свой дворъ. Здѣсь опять не обходилось безъ перебранокъ и ссоръ, нерѣдко изъ-за совершенныхъ пустяковъ. Но однажды дѣло дошло до серьезнаго столкновенія.

— Вотъ, дожилъ таки... воруга ты этакій! Разнесъ мое добро, мою праѣцу!—началъ Кузьма, какъ бы про себя. Это было утромъ. Оба брата сидѣли на кровлѣ амбара и раскрывали ее.

— А что, завидно? Погоди-ка еще не это тебѣ будетъ! — съ подавляемою тоскою, но придавши себѣ нѣсколько веселый видъ, подзадорилъ Степанъ брата.

Здѣсь, разумѣется, началась чистая полемика. Кузьма ожесточенно ругался, пылилъ, грозилъ, а Степанъ все-таки не переставалъ острить надъ нимъ.

— Куры надъ нами смѣяться будутъ!—оралъ Кузьма.

— Вотъ, можетъ-быть, грачи! — указалъ Степанъ задорнымъ жестомъ на черныя сѣти галокъ и грачей, съ крикомъ и шумомъ вившихся въ вышинѣ.

— Молчи, разбойникъ! — не своимъ голосомъ заревелъ Кузьма.

— И тебѣ помолчать можно!

— Ахъ, ты ворюга! — не выдержалъ Кузьма и напалъ на брата.

Началось побоище прямо на кровлѣ; впрочемъ, благодаря крутой покатоности послѣдней, скоро оба брата комомъ грянулись на землю. Кузьма вывихнулъ себѣ ногу въ самомъ колѣнѣ, а Степанъ сильно ушибъ себѣ правый бокъ и, оба закричали отъ боли. На крикъ выбѣжала Кузьмиха и, Степанида, начавшія спасать своихъ благовѣрныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, осыпать другъ дружку бранью—съ выдержкой, соотвѣтствовавшей характеру каждой изъ нихъ.

— А воръ, а мошенникъ!—не подымаясь на ноги, оралъ Кузьма: жена! Сейчасъ меня въ больницу... Онъ мнѣ ноги повыворотилъ... зови свѣтокъ!

У Степана хотя и болѣлъ бокъ, но онъ поднявшись на ноги, только охалъ, да потиралъ больное мѣсто. Ему было какъ-то смѣшно и онъ внутренно радовался, что Кузьму, наконецъ-то, Богъ „попугалъ“.

На крики не замедлили сбѣжаться сосѣди. А Кузьма, не перемѣняя своего положенія, охалъ и все громче и громче стоналъ.

— А вотъ когда жизни моей конецъ! А толкнулъ же онъ, воръ этотъ, меня съ такой вышины! А дѣточки-жъ вы мои маленькія, а останетесь же вы сиротами! Жѣнка! запрягай коня, да вези меня прямо въ больницу! Вдемъ!!!—крикнулъ онъ вдругъ на жену.

Кузьмиха, заливаясь слезами, тотчасъ сама обрядила лошаденку, помогла съ другими безымянновцами Кузьмѣ взобраться на телѣгу и оба они уѣхали въ больницу, которая находилась въ томъ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ было и волостное правленіе.

X.

— А, ты опять разбойничать!... съ жиру что ли тебя „разбираетъ“, га?!—такими словами встрѣтилъ Степана волостной старшина, когда первый явился въ волостное правленіе по приказу, послѣдовавшему по жалобѣ Кузьмы на свое „колѣтство“.

— Ходи-ка за мною!—уходи въ сторожевскую комнату, проговорилъ старшина,—да затвори дверь получше!—прибавилъ онъ робко слѣдовавшему за нимъ Степану.

— Ну, что-жъ, подлець, развѣ мало еще съ тебя „науки“ было? Опять Кузьму бить, га?! Тотъ, вотъ, въ больницѣ околѣваетъ. Ты зачѣмъ съ кровли спихнулъ его, га?! Видно „каша“ не вкусна, такъ смазки захотѣлъ?!—накинулся старшина на Степана и вдругъ, со всего размаха, дернулъ его „подъ санки“. Онъ хотѣлъ повторить свой ударъ, но тутъ произошло что-то совсѣмъ неожиданное. Степанъ задрожалъ отъ гнѣва и такъ хватилъ старшину въ зубы, что тотъ со всѣхъ ногъ рухнулся и растянулся на полу, крича „карауль!“

Степанъ хотѣлъ бѣжать, но писарь, помощникъ и сторожъ крѣпко схватили его за плечи; потомъ, при содѣйствіи оправившагося старшины, они избили Степана до полусмерти и втокнули въ холодную. Но этимъ не кончилось. Старшина грозилъ подать жалобу судебному слѣдователю, обѣщая и клянясь при томъ затурить Степана „въ смычковъ перевозъ“ *). Впрочемъ, на другой день безъ всякаго суда съ помощью писаря, помощника, самого старшины, сторожа и даже жены писаря, Степану „всыпали“ розогъ, „сколько влѣзло“ и отпустили на всѣ четыре стороны.

— Чортъ съ тобою, мошенникъ ты первостатейный! Погоди-ка, попадись ты еще разъ въ мои руки, такъ только и жить!—грозилъ старшина вслѣдъ уходившему Степану.

Въ тотъ же день Степанъ сильно напился водки и едва не приколотилъ Степаниду, когда та начала сожалѣть его и проклинать его „душегубовъ“.

Кузьма, между тѣмъ, лежалъ въ больницѣ. Фельдшериска, горькій пьяница, ничѣмъ, кромѣ своего іода, его не пользовалъ. Когда же онъ вздумалъ было пустить въ дѣло „свою“ хирургию и началъ тянуть Кузьмѣ ногу, то послѣдній чуть съ ума не сошелъ отъ боли. На благо кузнецъ Василій, жившій въ томъ же мѣстечкѣ и славившійся искусствомъ вправлять вывихнутыя ноги и руки, вправилъ Кузьмѣ ногу. Послѣ этой удачной операціи Кузьма началъ быстро поправ-

*) Въ Сибирь.

латься. Онъ успокоился и уже могъ безъ посторонней помощи прохаживаться по больничному корридору, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, появилась въ больницу Кузьмиха, вся растрепанная, заплаканная, съ опухшимъ лицомъ и глазами....

— А чего-жь ты тутотка, а я, я, я, я!...—залилась она рѣвой слезъ, бросаясь къ поблѣдившему мужу.

— Ча, ча ты?!—испугался онъ.

— А тотъ же мошенникъ, пройди-свѣтъ, до смертухны прибилъ меня сегодня... а я, я, я, я!—а голова-жь ты моя побѣдная!—рыдала Кузьмиха.

— Кто, кто—гдѣ?—твердилъ какъ бы ничего не понимая Кузьма.

Кузьмиха, то всхлипывая, то плача и мѣняя на каждомъ оборотѣ голосъ, рассказала, что сегодня на зарѣ ей послышался скрипъ воротъ ихъ скотнаго сарая. Она выбѣжала съ хаты и увидѣла Степана, который, забравши сѣно изъ-подъ ихъ коровъ, тащилъ его въ свою конюшню. Она бросилась къ нему и начала отнимать. Онъ ее здорово „пѣкнулъ“ *). Она закричала „гвалтъ“, онъ началъ ее колотить изо всей силы.

— Хорошо еще, что сосѣди, Гришка и Калина **), набѣжали и меня отъ него, разбойника, отняли!...—закончила плакавшая Кузьмиха. Выслушавъ свою благовѣрную, Кузьма самъ прослезился.

— Вотъ, сживеть-таки вконецъ! Ахъ, ты ворюга, мошенникъ первостатейный!... Надо опять въ волость итти, жалобу подавать... Что это только дѣлается, когда это научать его, какъ жить на свѣтѣ!

И опять пошли суды. Опять Степану присудили розги и, на этотъ разъ, полную норму, т. е. 19 розогъ. Онъ теперь уже и апелляціонной жалобы не подавалъ. Его выдрали. Онъ, лежа подъ розгами и, несмотря на то, что Харитонъ все свое стараніе приложилъ—„распечь“ его, даже ни разу не застоналъ и не вскрикнулъ. Когда онъ поднялся на ноги то на лицѣ его, кромѣ тупой и злобной улыбки, ничего нельзя

*) Ударилъ.

**) Константинъ.

было замѣтить. Никакого стыда, сознанія и признаковъ совѣсти, а также прежняго добродушія—не осталось и слѣда на этомъ лицѣ.

Онъ теперь зналъ только одно, что его дерутъ, обижаютъ. Поэтому, ему хотѣлось защищаться, мстить; а инстинктъ самосохраненія побуждалъ его мстить тайно и тѣмъ еще—опаснѣе. Ему не разъ уже представлялась заряженная двухстволка, большая дорога и вѣдущій по ней старшина... Только какъ-то у него не хватало рѣшительности на это.

Прошла зима.

По веснѣ не стало у Степана ни крохи хлѣба. Питались кое какъ—картофелемъ. Сѣно тоже истощилось. Онъ сбѣлъ мерина и жеребенка и захватилъ задатокъ въ 15 рублей у подрядчика, нанимавшаго людей въ сахарный заводъ. Характеръ Степана измѣнился. Изъ хорошаго и расторопнаго парня онъ сдѣлался „избалованнымъ“ мужикомъ-пьяницею, готовымъ послѣднее пропить. Началъ онъ почаще колотить жену, особенно, когда она въ чемъ-либо противорѣчила ему или принималась читать ему нравоученія и укорять за безпутное поведеніе. Худой, блѣдный, съ безцвѣтными и какъ бы полупомѣшанными глазами, онъ сдѣлался посмѣшищемъ чуть не всей Безымяновки.

Дворъ свой братья въ теченіе осени и весны „разбурили“ и огородились другъ отъ друга заметами и изгородами.

Сближенія между ними вовсе не было или, лучше сказать, они сами остерегались этого. Однако были и такіе моменты, что сближеніе какъ бы зарождалось. Такъ, однажды, выбирая „поповщину“, т. е. рожь, слѣдующую попу за труды—по освященію озими и за молебень у скота, безымяновцы на лишне-собранный хлѣбъ вздумали выпить. Надо сказать, что у крестьянъ существуетъ обычай, выбирая попу по три гарнца ржи съ каждаго надѣла (Богъ троицу любить), „накидовать“ четвертый гарнецъ на водку. Собравшись такимъ порядкомъ выпить, безымяновцы зашли всѣмъ обществомъ къ Ицкѣ. Кузьма, обыкновенно любившій всѣмъ повелѣвать въ Безымяновкѣ, вступался вдругъ въ исторію, именно завелъ споръ съ двумя мужиками. Послѣдніе, не долго думая, засучили рукава и ужъ собирались приступить—вздать Кузьмѣ „взбучку“, но Степанъ заступился за брата и дѣло кое-какъ ула-

дилось. Во всякомъ случаѣ, такіе моменты пропадали даромъ, потому что Кузьма не умѣлъ ими пользоваться. Да и Степану все это не мѣшало давать иногда по здоровенному тумаку дѣтямъ Кузьмы, изъ-за чего не рѣдко доходило дѣло до драки.

Относительно же швагрей Степана нельзя было ничего сказать. Леонъ и Захаръ, несмотря на свою дерзость и ухарство, въ дѣла Степана не вмѣшивались и при встрѣчахъ съ Кузьмою были „на политикѣ“, т. е. какъ та, такъ и другая сторона, въ этомъ случаѣ, обходилась молчаніемъ и какъ бы не обращала вниманія другъ на друга. Въ сущности, это молчаніе было грозное и стоило какой-либо сторонѣ завести споръ, то, по всей вѣроятности, дѣло дошло бы до ужасной драки и, можетъ-быть, до убійства...

Прошло и второе лѣто. Наступила осень. Былъ ноябрь мѣсяць. Выпалъ уже и маленькій снѣжокъ. Это было то время, которое въ народѣ зовется „сѣнокосомъ“ становыхъ и старшинъ, потому что они въ это время „выбиваютъ“ недоимки и разные частные долги. Понятно, въ эту пору мужики собираютъ весь свой хлѣбъ и, такъ сказать, приводятъ въ извѣстность все свое имущество,—слѣдовательно произвести съ нихъ какія бы то ни были взыскапія гораздо легче, чѣмъ въ другое время года.

Было утро.

Волостной старшина прибылъ въ Безымяновку съ подрядчикомъ выколачивать неотработанныя на заводѣ деньги. Надо замѣтить, что Степанъ на заводъ вовсе не ходилъ, слѣдовательно, задатокъ съ соответствующею неустойкою остался за нимъ въ долгу.

— Гдѣ тутъ его дворъ? — спрашивалъ старшина у толпы народа, слѣдовавшей за нимъ по Безымяновкѣ. Въ толпѣ виднѣлись волостной писарь и подрядчикъ-еврей. Старшина видно не узнавалъ прежняго двора безымяновскихъ богачей.

— Вотъ это! — указалъ безымяновскій сборщикъ на дворъ Степана.

— А, теперь ихъ и узнать нельзя!... — какъ-бы удивился старшина. — Да есть ли у него что-либо такое, что-бы можно было, примѣромъ говорить, описать вотъ на удовлетвореніе подрядчика? — обратился старшина къ сборщику.

— Признаться, ничего подходящаго нѣтъ. Развѣ есть одинъ конекъ, только, хмъ... за него никто и десятки не дастъ... А больше что-жъ? Больше описать нечего...

— А ну-ка, веди насъ! Посмотримъ и у него однимъ заходомъ!... По крайней мѣрѣ, съ Безымяновкою этою покончимъ!—сказаль строго сборщику старшина, направляя свои стопы къ воротамъ степанова двора.

— А вотъ и онъ около воротъ!—указаль сборщикъ на появившагося вдругъ въ одной рубахѣ, съ заложеными за спину руками, Степана.

— Ага, ну...—самодовольно проговориль старшина и, направляя „ланцугъ *)“ своей медали на груди, направилься къ Степану.

Толпа слѣдовала за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Кузьма, скаля зубы, стояль у своихъ воротъ и, повидимому, съ необыкновеннымъ наслажденіемъ любовался происходящей сценой.

— Вишь ты, мошенникъ какой! Ни начальству не повируется, ни съ братомъ со своимъ ему „уживу“ нѣту... А тутъ еще задатокъ взяль и на заводъ не пошелъ вовсе... Постой же! Видно не „принялась“ на тебѣ „наука“!—покручивая головой, заговориль старшина какъ бы про себя, но такъ, чтобы и Степанъ могъ слышать.

— Здоровъ, молодець! — обратиль онъ къ Степану съ грозно-насмѣшливой улыбкой.

— Зда-а-а-ровъ... коли ежели не шутишь!...—какъ-то загадочно проговориль Степанъ.—Видно всю деревню „пере-трясли?“ Вѣдь у насъ немало одиночекъ забрало задатки и не вышло на работу... А много взяли?—добавиль онъ насмѣшливо.

— А, ты еще шутишь! Шапку долой!—вспылиль старшина.

— Да ты мнѣ шапки не купишь, такъ за что я и снимать ее буду!—задорно заговориль Степанъ.

— Такъ я-жъ тебя, по-о-о-стой!!! За мной ребята!—осматриваясь назадъ и направляясь къ воротамъ степанова двора, заораль старшина.

— А ну!—выпрямилься Степанъ и подался впередъ; въ рукѣ его блеснулъ топоръ:—а ну, подойди-ка кто, попробуй! Только и жиль!—грозно заговориль онъ и глаза его свергнули ужа

*) Цѣвь.

сающей рѣшительностью... Но въ это время выбѣжала изъ воротъ Степанида и съ необыкновенной ловкостью выхватила топоръ изъ его рукъ. Старшина, видя это, первый бросился на Степана, но послѣдній успѣлъ схватить попавшійся подъ руку обломокъ стараго обода и такъ хватилъ имъ въ грудь старшину, что тотъ ударился головой о прясло огорода и заоралъ не своимъ голосомъ „карауль“! Писарь и подрядчикъ, стоявшіе впереди толпы, бросились опрометью въ хвостъ ея... Впрочемъ, Степана схватили мужики и связали ему назадъ руки...

Разсвирѣпѣвшій старшина, забывшій видно „всѣхъ и вся“, и самого себя, началъ бить Степана каблуками сапогъ и кулаками, куда попало. Никто не осмѣлился удерживать старшину, какъ начальника и какъ потерпѣвшаго при отпращиваніи своихъ обязанностей. Однако этимъ дѣло не окончилось. Степана, несмотря на всѣ мольбы и слезы Степаниды, „поволокли“ въ волость, а имущество, хотя для проформы, все-таки описали.

Спустя двое сутокъ возвратился Степанъ изъ волостного правленія—самъ не свой: избитый, изувѣченный и порядочно пьяный. Въ груди его хрипѣло и кашель душилъ неимоверно. Оказалось, что его не держали въ волостной „холодной“, а засадили въ больничный чихаузь, а когда онъ началъ ломать тамъ дверь, то его перевели въ больничную баню, гдѣ, конечно, было холодно и гдѣ, разумѣется, его „лущовали“ безъ всякаго счета и какого бы то ни было сожалѣнія...

— Женка, женка! смерть моя приходитъ, ей-Богу приходитъ!—вваливаясь въ хату, простоналъ Степанъ, не глядя на потерявшуюся отъ ужаса и залившуюся слезами Степаниду.

— Водки, ей-Богу водки! Смерть моя приходитъ! Давай, говорю, водки, а то я тебя убью! — стоналъ Степанъ... Но тутъ же въ изнеможеніи онъ повалился на постель и казался заснулъ... Скорѣе забылся отъ потери силъ и сознанія.

* * *

Не прошло и трехъ дней, какъ загорѣлся Кузьминъ дворъ. Былъ сильный вѣтеръ. Вся Безымяновка вспыхнула почти одновременно и въ какіе-либо два часа времени отъ всѣхъ дворовъ осталось лишь дымящееся пепелище.

Всѣ знали, что пожаръ начался со „стрѣхи *)“ амбара на Кузьминомъ дворѣ. Кромѣ того, во время пожара, когда всѣ безымяновцы бросились спасать свои пожитки, загорѣлось гумно Кузьмы. Это уже былъ явный поджогъ, потому что гумно находилось на порядочномъ разстояніи отъ дворовъ и вѣтеръ дулъ съ противоположной стороны отъ пожара, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ огонь не могъ быть переброшенъ вѣтромъ.

Распрощавшись со своимъ имуществомъ, Кузьма первый инстинктивно угадалъ, что поджогъ сдѣлалъ Степаномъ.

— Онъ, онъ! Это его милость надѣлала! — говорилъ онъ, глядя на догоравшія свои постройки.

— Хлопцы, да гдѣ же Степанъ, въ самомъ дѣлѣ? — раздался вдругъ чей-то голосъ.

— Я его не задолго до пожара у Ички видѣлъ: какъ грязь **), онъ пьянъ былъ! — слышалось съ другой стороны.

— Изъ ружья убью! — злобно крикнулъ кто-то.

Когда уже огонь сдѣлалъ свое дѣло и полуобезумѣвшіе безымяновцы собирались разыскивать Степана, то послѣдній показался на ближайшемъ пригоркѣ верхомъ на своемъ меринѣ. Постоявъ съ минуту на виду всѣхъ безымяновцевъ, онъ „трюшкомъ“ пустился по снѣгу прямо къ мѣсту, гдѣ былъ его дворъ.

— Вотъ онъ! на конѣ! глянь, глянь. Откуда это его сеть?! На снѣгу что-ли онъ пасъ коня?! — заревѣла толпа.

— Сдурѣлъ, братцы онъ, ей-Богу сдурѣлъ! Глядите-ка, онъ-же безъ шапки, ай, ай! Берите его, ребята, да дуй, сколько влѣзетъ, пока судъ... Теперь все равно! — еще громче и злобиѣ заревѣло кругомъ. Какъ только Степанъ поровнялся съ пепелищемъ отъ своего двора, нѣсколько дюжихъ рукъ схватили его, стащили съ лошади и начали тянуть во всѣ стороны.

— Говори: ты сжегъ деревню, га?! говори!!! — трясли его десятки рукъ.

Степанида, ломая руки, бѣгала въ отчаяніи оголо толпы, какъ бы стараясь „отмолить“ Степана.

*) Края кровли.

**) До невозможности.

— Шлюха!!! Вотъ тебѣ!—ударилъ ее одинъ изъ мужиковъ и она съ ребенкомъ на рукахъ повалилась на снѣгъ, горько рыдая...

— Изъ ружей разстрѣляемъ! Смерть тебѣ, говори!—кричала толпа. Распинаемый же Степанъ какъ-то глупо улыбался и молчалъ, несмотря на возраставшіе побои и угрозы.

Можетъ-быть, деревенскій судъ поступилъ бы съ нимъ, какъ говорится, „по военному“, но не замедлилъ явиться урядникъ и разогналъ мучителей-самоуправцевъ. Степана же, какъ подозрѣваемаго обществомъ въ поджогъ, немедленно отправили съ цѣлою ратью десятскихъ, сборщиковъ и мужиковъ „до разбора“—въ волость.

Видя Степана въ рукахъ закона, безымяновцы разошлись и начали оплакивать свое горе неутѣшное.

Что испытывала Степанида въ эту тяжелую минуту своей жизни, какія чувства отчаянія, безконечной любви къ „пропавшему“ за ничто мужу, сожалѣнія о своей погибшей дѣвичьей жизни, терзали ея душу, все это не намъ описывать. Будемъ надѣяться, что тѣ изъ нашихъ читателей, которыхъ природа надѣлила благородными чувствами и честною христіанскою совѣстью, поймутъ и оцѣнятъ недосказанное.

Намъ же остается только закончить рассказъ.

— Ну, обвиняемый, расскажите все, какъ было... Что вы скажете въ свое оправданіе въ отношеніи возбужденнаго противъ васъ подозрѣнія въ поджогъ деревни Безымяновки и гумна брата вашего Кузьмы? — съ такимъ вопросомъ, необыкновенно важнымъ тономъ, обратился толстый судебный слѣдователь къ Степану, когда послѣдняго, послѣ опроса безымяновцевъ, ввели въ волостную камеру, гдѣ обыкновенно производятся слѣдственные дознанія.

— А!... ты-ы-ы!!! Гляди-ка, пузо ты этакое... какъ махну*), такъ зуба во рту не оставлю!—захохоталъ вдругъ во все горло Степанъ, тыча своимъ кулакомъ подъ носъ слѣдователю.

— Да что онъ, помѣшанный, чтоли?!—растопыря нѣсколько трагически пальцы рукъ, вытаращилъ глаза слѣдователь на десятскихъ, стоявшихъ за спиною Степана.

*) Ударю.

— Ха, ха, ха! Пузо ты этакое, лантухъ *), вотъ гдѣ дураки!—какимъ-то неестественнымъ смѣхомъ еще громче захохоталъ Степанъ.

— А-а, такъ и есть! Выведите-ка его вонъ!—записывая что-то въ свой протоколъ, приказалъ слѣдователь и тѣмъ закончилъ свое слѣдствіе.

— Вотъ я таки давно говорилъ, что нашу деревню черезъ Кузьму когда-либо подъ отвѣтъ подведутъ! Вотъ теперь пущай-ка Степана по больницамъ потащутъ, такъ деревнѣ добрая „нахлобушка“ выйдетъ, потому по самому, что платить за его лѣченіе придется... А тутъ еще погорѣли. А все черезъ богачей этихъ! — съ горечью въ голосѣ говорилъ сборщикъ, когда-то бывший пріятель Степана.

Безымяновцы, вздыхавши, безмолвно оставили волостное правленіе, да и всю дорогу почти никто не говорилъ ни слова. У всѣхъ было тяжело на душѣ... Даже у Кузьмы были видны слезы, но отчего: отъ потери ли имущества или брата,—трудно было сказать.

— А кому-то грѣхъ будетъ!—проговорили нѣкоторые безымянцы. Но кому, именно, будетъ грѣшно, врядъ ли они могли вывести правильное заключеніе...

К о н е ц ъ .

*) Брюхачъ.

602

B00000002483872

Цѣна 50 коп.